

СЛОВО. Том XVI

Тетралогия: **Победа русского оружия**

«В 1932 году в Музее естественной истории в Нью-Йорке Эрнст Рудин был избран президентом Всемирной Федерации евгеники. Это движение призвало к убийству или стерилизации людей, чья наследственность сделала их бременем общества. Теоретически речь шла о больных, “лишних” людях...

...когда же Рудину были даны права на оккупированных территориях, речь зашла уже об уничтожении “лишних” народов. В том числе и русского» [14] (с. 224–225).

Потому, о чем сегодня почему-то не принято говорить, в этой войне мы защищали себя от тотального физического уничтожения. И это прекрасно поняли, пусть многие уже и достаточно поздно, немногочисленные из числа переживших оккупацию жителей города на Волге. Реке, куда был устремлен германский план блицкрига — Барбаросса.

Но пусть немцы и зачерпнули воды из нашей исконно русской реки, но для многих из пришельцев этот глоток стал последним...

Прохоровское же поле легло в основу завершения полного разгрома объединенной Гитлером очередной европейской коалиции, кланом Ротшильдов-Рокфеллеров снаряженной в очередной крестовый поход.

Сталинград

Холокост

«Еще до начала военных действий германское руководство подготовило документ о том, что лица из числа гражданского населения, подозреваемые в преступлениях против немецких войск, должны расстреливаться без суда, что германские солдаты за преступления против гражданского населения не подлежат судебному преследованию. 23 июля фельдмаршал Кейтель издал приказ, в котором говорилось: “...всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер”» [176] (с. 152–153).

И вот как осуществлялась эта людоедская политика на практике. Из дневника обер-ефрейтора Иогана Гердера:

« “В одной деревне мы схватили первых попавшихся двенадцать жителей и отвели их на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады. Проклятая гуманность нам чужда”.

Это они разминаются перед большим делом. А вот так развлекаются.

Из рассказа младшего воентехника Сергея Дашичева:

“Я видел на окраине одной деревни близ Белостока пять заостренных колов, на них было воткнуто пять трупов женщин. Трупы были голые, с распоротыми животами, отрезанными грудями и отсеченными головами. Головы женщин валялись в луже крови вместе с трупами убитых детей...”

Из дневника ефрейтора Пауля Фогта:

“Этих девчонок мы связали, а потом их слегка поутюжили нашими гусеницами, так что любо было глядеть”...

Фото: какая-то небольшая воинская часть. Офицеры сидят, нижние чины стоят сзади. Перед нами вытасченная из класса доска, на которой написано: “Русские должны умереть, чтобы мы жили”.

Это не сорок второй, не сорок третий год, когда немцы уже озверели от неудачной войны. Это первые недели. Они — победители, торжественно марширующие по захваченной земле. *Мы еще ничего им не сделали»* [182] (с. 84–86).

А вот фрагмент из рассказа о том, как вели себя наступающие немцы все в тот же период — когда мы им еще ничего не сделали — в первые же дни войны:

«Когда сгустились сумерки, на шоссе появилась новая колонна вражеских автомашин. Гитлеровцы двигались беззаботно... Один немецкий танк свернул с дороги и ради потехи протаранил крытую соломой крестьянскую избу, где были люди. Отчаянно завизжала собака. А танк с пятнами крови на броне лихо крутанулся и вернулся в строй. Крестьянская изба горела...» [191] (с. 9).

Из интервью о Вячеслава Харинова:

«Мой прихожанин Михаил рассказал, как на десятый день войны в Новгороде купался вместе с другими детьми в прудах близ города. Вдруг в небе появился самолет, и немецкий летчик на бреющем полете начал расстреливать ребятишек из пулемета. Они обезумели от ужаса. Один закричал: прыгайте в воду, другой — нет, лучше бежим к кустам! Самолет сделал круг и вернулся. Видно, пулеметные патроны у летчика кончились, потому что он начал добивать детей из револьвера. Этот мой прихожанин, Михаил, видел его лицо и сказал, что не забудет его до самой смерти. Как не забудет вид своего дружка, мальчишки, лежавшего в пыли с простреленной головой. И маленькую девочку, крутившуюся на земле от боли. Она повторяла “мамочка, мамочка” и прижимала руки к окровавленному животу» [182] (с. 87).

Но бытовали в то время у немцев не просто желания убить безнаказанно, причем, все равно кого, но и поживиться за счет безнаказанно убиваемых.

Вот что поведал о своем пристрастии к такого вот рода виду «удовольствий» захваченный в плен ефрейтор Карл Мейер:

«При обыске у Мейера была обнаружена металлическая коробка с десятками золотых и платиновых зубов и коронок. Мейер, по его собственному признанию, вырывал золотые зубы у убитых и раненых солдат и командиров» [191] (с. 67).

Этот истинный сын своего людоедского народа, что произошло, думается, лишь из чувства страха перед возможным дознанием в слишком на то время знаменитых подвалах Лубянки, выложил, что:

«...закалывал ножом раненых, у которых он находил золотые или платиновые зубы» (там же).

Но такой способ наживы, что самое страшное, бытовал не только у подобного рода «кустарей» одиночек, явно рисковавших за свое благополучие перед высшими германскими военными чинами, но был просто поставлен этой расой вурдалаков чуть ли ни на промышленную основу: немцами в их отчетностях приводятся просто страшные цифры о централизованных сборах подобных «трофеев» за годы ими ведущейся войны.

Понятно дело, что бывали случаи, когда отдельные индивиды от вскрываемой нами стаи волков, до конца еще не осознав замыслов своего высшего руководства, щадили русское население и о том имеются свидетельства: у кого-то немец отобрал яйца, а офицер за них бабушке денежки возвратил. А где-то немец, стоящий на постое, чтобы ему самому на голову не капало, даже крышу перекрыл. Что ж, бывало, судя по всему, где-то и такое (здесь, думается, сообщается о тех, кто имеет некоторую примесь славянской крови). Сегодня каждый такой единичный случай желтой пропагандой возводится в ранг системы. Мало того, включается заигранная пластинка о том, что они к нам, неким де варварам, несли свет этой некой их западной культуры. Вот лишь малые отблески этого их «света»:

«Германские власти убивают русских лидеров и просто образованных русских людей, угоняют в Германию русскую молодежь, уничтожают русские библиотеки и музеи, взрывают и оскверняют храмы. В секретном приказе немецкого генерала Рейхенау, одобренном Гитлером, заявлялось, что все, что относится к исторической памяти русского народа, должно быть уничтожено... Практически во всех русских городах, оккупированных немцами, были уничтожены или вывезены в Германию все лучшие произведения искусства и книжные сокровища» [176] (с. 182).

Вот какие потери по этой части понесла оккупированная Малороссия:

«Всего в библиотеках Украины погибло и было разграблено германцами свыше 50 млрд. книг» [176] (с. 185).

Но и Белая Русь в области книжного своего безценного достояния имела потери не менее катастрофические:

«Белоруссия потеряла в войну 95% своих книжных фондов. Только небольшая часть утраченного вернулась в 1947 году» [176] (с. 186).

Такую вот нам «культуру» принесла с собой Германия, на которую всегда и ровнялся западный мир. Вот, в частности, что собирались даровать нам запущенные в нашу страну волки, уже и не маскирующиеся овечьей шкуркой. Вот чему собирался учить население, попавшее в оккупацию, например, Адольф Гитлер:

«По его мнению, образование на захваченных землях должно было быть максимально простым: “Самое лучшее было бы, если бы люди освоили там только язык жестов”... Генрих Гиммлер уточнял: “...должны учить лишь простому счету до пятисот, написанию своего имени и тому, что Господь Бог требует слушаться немцев... Умение читать я считаю излишним. Никаких других школ на Востоке вообще не должно быть” [181] (с. 49).

А вот какими методами шло у них «освоение» попавших им в лапы наших территорий:

«“Добропорядочные германцы” от солдата до генерала вели себя в России как отпетые мародеры. Практически все мало-мальски зажиточные дома и квартиры, оказавшиеся в зоне германской оккупации, были ограблены, а захваченное имущество вывезено в Германию.

По указанию фюрера мародерство было узаконено — немецкие военнослужащие получали право регулярно отправлять награбленное у русских людей имущество в “фатерлянд”: солдаты — почтовыми посылками, офицеры — железнодорожными вагонами. У умирающих от голода и холода русских людей представители “высшей расы” тащили и отправляли в Германию все, что возможно, — от засоленного свиного сала и копченой колбасы до одежды и произведений искусства» [176] (с. 194–195).

Так что зря кто-то из представителей желтой прессы пытается сегодня обелить германских социалистов и в этом плане: Германия де мол «кормила» население оккупированных ею территорий, что те, де, по гроб жизни им должны быть за это обязаны. И вот чем заканчивалась эта ими нас в чьих-то побасенках «кормежка»:

«В сельской местности мародерские акции германских войск проводились по отработанной схеме. Населенный пункт оцеплялся. Беззащитные жители сгонялись в одно место. Затем специальные команды проходили по домам, забирая “все, что понравилось”. После “акции” деревни нередко сжигались, а жители расстреливались» [176] (с. 196).

В немецких инструкциях и приказах даются достаточно точные указания, как разрушать и грабить дома русских крестьян:

«Для обеспечения полного разрушения должны быть сожжены все дома, в каменные дома следует предварительно наносить соломы. Имеющиеся каменные строения должны быть взорваны, причем необходимо разрушить также подвалы.

Меры по созданию зоны пустыни имеют решающее значение для ведения зимних боевых действий и должны быть поэтому подготовлены и проведены полностью и беспощадно» [176] (с. 196).

«Массовые убийства, насильственный угон гражданского населения, преднамеренное умерщвление голодом военнопленных, сожжение заживо школьников и детей, “учебные” бомбежки и обстрелы гражданских больниц и госпиталей — подобные зверства были повсеместным явлением» [177] (с. 160–161).

Причем, постоянно, в том числе и на местах, в дополнение к общегерманским, издавались инструкции, как следует себя вести в России немецким солдатам. Здесь жестокость не просто не вменялась им в вину, но предписывалась:

«“Большевицкий солдат потерял право на то, чтобы с ним обращались как с честным противником, в соответствии с правилами Женевской конвенции... — писал генерал Г. Рейнеке в директиве от 8 сентября 1941 г. — При малейшем намеке на неподчинение... должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... Использование оружия против советских военнослужащих вполне законно” (Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 119–120)» [190] (с. 112).

«Германские войска использовали против русского народа самые подлые и преступные приемы войны. Нередко немецкие офицеры отдавали приказ сгонять со всех окрестностей женщин, детей, стариков и под их прикрытием шли в наступление против Русской армии. Широкое распространение получила система расстрелов заложников из числа гражданских лиц. Гитлер неоднократно заявлял, что в отношении русских допустимы любые самые жестокие карательные меры, позволяющие сократить численность русского населения. Согласно генеральному плану “Ост”, германские захватчики осуществляют систематическое уничтожение Русского народа... В ноябре 1941 года Геринг заявил итальянскому министру иностранных дел: “В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет; ведь некоторые народы надо сокращать” (Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. М., 1965. С. 268)» [176] (с. 179).

«Эти планы не были всего лишь бредовыми и злобными фантазиями извращенных умов и душ таких людей, как Гитлер, Геринг, Гиммлер и Розенберг. В течение многих месяцев и недель, как видно из архивных документов, сотни немецких чиновников трудились за своими письменными столами в ласковом свете весенних дней, складывая цифры и составляя докладные записки, в которых хладнокровно калькулировали убийство миллионов людей. С помощью голода в данном случае. Но за своим письменным столом в штаб-квартире СС сидел также рейхсфюрер Генрих Гиммлер, бывший фермер, разводивший цыплят, который через свое пенсне изучал планы уничтожения миллионов людей более быстрыми и жестокими методами» [177] (с. 44).

Причем, осуществление карательных акций касалось вообще всех немцев, вступивших на территорию России:

«Генерал-фельдмаршал Кейтель позднее расскажет об этом на Нюрнбергском процессе:

“Лейтмотивом речи было то, что... к общепринятым правилам и обычаям, известным нам как солдатам, — соблюдение которых требует международное право — следует подходить с совершенно иными мерками”.

Гитлер, показал на суде Кейтель, отдал затем различные приказы о проведении в России беспрецедентной политики террора “жестокими методами”.

— Вы сами или какие-то другие генералы возражали против этих приказов? — спросил Кейтеля его адвокат.

— Нет, я лично никаких возражений не высказывал, — ответил фельдмаршал. — Так же как и никто из других генералов, — добавил он.

Это же подтверждает и немецкий дипломат Хассель. 16 июня 1941 года он записал в своем дневнике: “Браухич и Гальдер уже согласились с тактическими методами Гитлера (в России). Таким образом, армия должна взять на себя обязанность убивать и жечь, которая до этого момента была зарезервирована за СС”» [177] (с. 46).

И вот как срабатывала «расовая теория» нацизма на территориях оккупированных областей. Монголоидное население этими странными расистами с точностью до наоборот их словесным заявлениям предпочиталось населению белому, как раз и входящему в тот черный список народов, который вторгшейся банде «расистов» столь настоятельно требовалось «сокращать»:

«В Крыму при поддержке оккупационных властей Совет крымских татар принимает решение об уничтожении всех русских, оставшихся на территории полуострова. Под руководством Совета осуществляются массовые убийства русских. Всего было убито до 120 тыс. мирных русских людей, в основном стариков, женщин, детей (Foreign Affairs. 1993. Summer. P. 115). Большое количество немецких пособников отмечалось среди чеченцев; русские в Чечне вырезались целыми семьями; оружие предатели получали из arsenалов германской армии» [176] (с. 182).

Но и на сегодняшний день здесь все повторяется вновь: Чечня уже, при явном попустительстве теперь еще и сегодняшней «демократии», убила всех тех, кто в 90-е годы не до конца понял замыслы хозяина наших марионеток — Ельцина-Горбачева. В Крыму, судя по всему, что-то подобное еще предстоит.

«Всего в результате массовых расстрелов населения, заложничества, целенаправленной бомбежки жилых кварталов, планомерной организации голода, ограбления продовольственных запасов частных лиц, ликвидации медицинских учреждений и других преступных методов обращения с людьми погибло около 20 млн. гражданского населения СССР» [176] (с. 179).

И вот какими варварскими методами осуществлялась звериная политика Запада, на сегодня столь усердно расхваливаемая представителями желтой прессы:

«Официальной восточной политикой руководителей III Рейха было массовое уничтожение русского населения — как военнопленных, так и мирных жителей.

Показания обер-ефрейтора 2-й роты дивизиона ПТО 9-й танковой дивизии Арно Швагера, взятого в плен 01.09.42 г., свидетельствуют, что эта идеология была усвоена большинством немцев, воевавших на Восточном фронте.

“На допросе после долгого запирательства пленный рассказал, а потом и написал о зверствах немцев в оккупированных... районах следующее:

«Я — немецкий солдат и старший ефрейтор 2-й роты, дивизиона ПТО 9-й танковой дивизии, был ранен 1 сентября во время наступления русских и попал к ним в плен. Хотя я ожидал, что русские солдаты избыют меня и будут пытаться, произошло на

самом деле обратное. Уже невядалеке позади русских линий русские солдаты давали мне папиросы и еду. Все это произвело на меня большое впечатление, и я понял, что наша пресса обманывает нас в этом еще и еще раз. Ведь нам рассказывали, что русские всех немецких пленнх пытаются, а затем расстреливают и что в противоположность этому русским пленным у нас живется хорошо. О том, как “хорошо” им у нас живется, я хочу здесь соответственно правдиво написать...

...я видел уже этим летом в лесу, в двадцати километрах севернее Брянска, привязанного к дереву и горящего красноармейца. Как я узнал у стоящих вокруг солдат, этот русский пленный отказался выполнить грязную прихоть офицера, за что был привязан к дереву цепями, облит бензином и подожжен. Примерно в десяти километрах севернее Брянска мы проезжали мимо горячей кучи тел, из которой еще вырывались крики сжигаемых жертв. Вокруг стояло гражданское население, люди плакали, кричали от ужаса и причитали. На мой вопрос, что здесь происходит, один из охранников нам рассказал, что это сжигают жителей, подозреваемых в том, что они партизаны. Здесь было около 156 мужчин и 50 женщин. Часть из них уже сожгли.

Я спросил солдата: и вы их так просто сжигаете?

— А что же с ними еще делать, с русскими? — ответил солдат. — Не хватит деревьев, чтобы можно было бы их перевешать.

Невозможно рассказать всего, что делали офицеры и солдаты с русскими женщинами и девушками. Когда я 10 сентября 1941 года должен был по приказанию своего командира роты явиться с поручением к коменданту города Дмитриевка, старший лейтенант Зюдериx был пьян и принял меня в постели. У стены стояла привязанная ремнями за руки к крюкам четырнадцатилетняя девушка. Когда я представился, Зюдериx спросил меня:

— Имеешь охоту к этой Зоське? — При этом он кивнул головой в сторону девочки. На мой ответ, что я прибыл по служебным вопросам, он приказал мне:

— Возьми нагайку и всыпь ей как следует. Он заставил меня десять раз ударить нагайкой несчастную девушку по спине и ногам. Ее крики доставляли ему удовольствие, он громко смеялся.

В городе Дмитриевка Курской области 14 октября был издан приказ, что всех русских, которые с наступлением темноты окажутся на улице, должно расстреливать на месте без допроса. Начиная с этого момента стали расстреливать во всех концах города и на всех перекрестках.

Из Дмитриевки наша дивизия перебазировалась в Курск, где она оставалась до ноября. В самом Курске я так же имел возможность много наблюдать. Так, я однажды шел через город, когда с одной стороны появились трое пленнх под стражей (двое мужчин и одна женщина), а с другой — немецкий капитан фон Беденен (из 11-й танковой дивизии). Когда истощенные пленные недостаточно быстро уступили ему дорогу, он без единого слова вытащил пистолет и застрелил всех троих, а затем сказал: “Так нужно поступать со всеми русскими свиньями”, — и пошел дальше.

Из Курска мы отправились в Щигры, где дивизия расположилась на зимние квартиры. Наш дивизион ПТО занял оборону в Никольском. Когда я однажды пришел из Никольского в Щигры, я увидел несколько повешенных русских женщин. Солдаты рассказали мне, что кто-то из офицеров обвинил женщин в том, что они подавали сигналы русским летчикам тем, что топили печки, и за это приказал их повесить.

На следующий день мы вынуждены были отступить на несколько километров и получили приказ все оставляемые нами населенные пункты сжигать. Если гражданское население отказывалось оставлять свои дома, то таких жителей запирали и сжигали вместе с домами. Если же они оставляли свои дома, то были обречены замерзнуть. Я

вспоминаю маленькую девочку, которая босая пробиралась по глубокому снегу, ее ноги были уже отморожены. Она рассказала нам, что ее мать уже замерзла.

Это точно, что дети гибли от бедствий там, где проходили немцы.

В начале января меня направили с передовой на отдых в Никольское, где я был включен в охрану лагеря военнопленных. Я должен был стоять у ворот и следить за порядком. Часто бывало так, что солдаты рано утром уводили пленных группами по 12–15 человек на работу и пригоняли вечером обратно 5–6 человек. Когда мы спрашивали об остальных, нам отвечали: “замерзли”, “расстреляны” или “безнадежно заболел”. В иной день 80–100 русских пленных оставались лежать где-нибудь присыпанные снегом. Если пленные заболевали в самом лагере, то они умирали где-нибудь в углу. Им не давали даже спокойно умереть — солдаты избивали их прикладами, чтобы убедиться в том, что это не симуляция. За месяц моей службы в лагере погибли 750 человек...

Теперь, когда я пишу эти строки, я припомнил еще, что я видел в августе 1941 года в городе Слотчев (Украина). Вскоре после оккупации нашими войсками города в старой крепости были расстреляны 400 украинцев. Затем было объявлено, что это сделали евреи. Командир батальона эсесовцев (штандартенфюрер) приказал согнать все население города в крепость. Первые двадцать горожан под ударами палок и плеток выкопали себе яму и тут же были расстреляны. Следующие двадцать должны были эту яму засыпать и затем копать яму для себя. Кровь, крики недобитых раненых, крики детей и женщин возбудили дурные инстинкты у эсесовцев, и они принялись издеваться над женщинами, заставляли их раздеваться, били палками и плетками, насиловали, душили, отрезали им груди и вспарывали животы. Так были убиты и замучены в течение нескольких часов 800 человек ни в чем неповинных мужчин, женщин и детей.

...Мне рассказывали, что в районе Землянска повесили десять русских за то, что они пытались бежать из ямы, куда их бросили связанных умирать голодной смертью. Мне рассказывали также товарищи, что в одной деревне между Воронежем и Землянском (в десяти километрах от Землянска) в конце июля были сожжены живьем шестьдесят раненных пленных русских, свыше ста пятидесяти расстреляны. Там же видели русского солдата, который был связан по рукам и ногам и брошен в ров умирать от голода. Это рассказывали мне товарищи, которые были там.

Когда дивизия действовала в районе Воронежа, я сам оставался в Курске при тылах дивизии. Мне рассказывали товарищи, что происходило в Землянске. Жили там все хорошо, жарили кур и гусей, ели много яиц, отбирали у населения также молоко и мед. Ефрейтор Штейгер рассказывал мне также, что он в одной деревне в тридцати километрах западнее Землянска изнасиловал и затем задушил тринадцатилетнюю девочку.

В начале августа 1941 года в городке Волхов мы нашли 20–30 расстрелянных жителей, мужчин и женщин лет 25–30. Кто это сделал, мы не знали, наверное, люди 11-й танковой дивизии.

В феврале 1942 года я был прикомандирован в качестве шофера к штабу дивизии ПТО, 9-й танковой дивизии и имел возможность наблюдать жизнь немецких офицеров в Курске. Все господа офицеры имели хорошие квартиры, обитатели которых должны были их обслуживать. Особенно дочери жителей были привлечены ко всевозможному обслуживанию офицеров. Чаще всего немецкие офицеры имеют собственных русских женщин, которые должны с ними спать, мыть им ноги и спину, стирать белье, также обрезать ногти на ногах. Но это имеет каждый офицер. Не все они, однако, этим удовлетворяются. В конце февраля я однажды вечером шел по Курску в кино. Невдалеке от театра я обогнал молодого лейтенанта пехоты, который шел со своим денщиком. Вдруг денщик бросился влево и заговорил с одной молоденькой русской

девушкой. Я полюбопытствовал и спросил: “Что тебе нужно от нее?” — и только теперь я заметил, что в правой руке у него был пистолет, которым он угрожал девушке (она была лет пятнадцати-шестнадцати, не больше).

В другой раз я стоял на посту с 6.00 до 8.00. Напротив места моего дежурства жил высокопоставленный военный чиновник. В 6.15 из его квартиры вдруг послышались крики и ругань. Когда я зашел с ружьем в его помещение, увидел, как офицер хлестал верховой плетью девочку лет тринадцати-четырнадцати, которая полураздетая была привязана к столу. Я понял, что я здесь лишний, и ушел на свое место. Чиновник Бенер был советником интендантства 5-го немецкого армейского корпуса.

...В Курске имеется также дом терпимости, женщины там — русские. Дом терпимости служит только для солдат, в то время как приезжающие офицеры получают женщин на дом из числа местного населения».

20 сентября 1942 года”.

Протокол показаний был завизирован: “Верно. Пом. нач. 1-го Отдела 2-го Управ. ГРУ Генштаба Красной Армии инженер-капитан Комиссаров” (РГАСПИ. Ф. 17.Оп.125. Д. 91. Л. 176–184)» [136] (с. 156–161).

Вот как эту страшную картину дорисовывает решивший в те времена возвратиться в Россию эмигрант:

«На одном из полустанков мне врезается в память картина, которая, вероятно, всю жизнь не будет забыта.

Поезд еще не успел остановиться, как из села, расположенного в нескольких сотнях метров от дороги, стайками мчатся ребятишки. В ситцевых рубашенках, светлоголовые, все до одного, конечно, босые. Подбегая к поезду, хором начинают кричать специально заученную для немецких солдат фразу:

— Пан гиб брот! Пан гиб брот! (Смесь польско-немецких слов: “Господин, подайте хлеба!”)

У открытых дверей нашей теплушки девочка, ей не больше пяти, за руку держит братишку, этому годика три.

— Пан гиб брот! Пан гиб брот!

Один из голландцев отламывает краюху хлеба, я выгружаю из мешка провиант до последней крошки... Я не могу отказать себе в радости заговорить с ней по-русски.

— Ты с братиком поделись, видишь, какой он у тебя маленький. Сколько же ему лет?

Девочка вскидывает синие, как васильки глазенки, полные изумления и радости.

— Дяинька, вы наш?

У меня першит в горле и щиплет глаза. Кажется, более ласковых слов я не слышал всю свою жизнь...

Детвора разбежалась по длине всего поезда.

— Пан гиб брот! Пан гиб брот!

Вдруг из соседнего вагона выскочил солдат. На длинном ремне он держит здоровенную полицейскую собаку. Та рвется вперед, поднимаясь на задние лапы. Детишки с криком бросаются в поле. Из всех окон поезда — веселый смех... Чтобы кто-нибудь из немецких солдат бросил русским детям хотя бы крошку, я не видел» [136] (с. 162–163).

А вот каково попасть к ним в плен:

«А.Петровский попал в плен возле Ясной Поляны в сентябре 1941 года. В 1986 году в 11-м номере парижского журнала “Заря” появился его рассказ:

“Уже началась зима. Выпало много снега. Идти стало очень тяжело. В первый день, не доведя нас двести метров до деревни, свернули колонны с дороги и объявили ночевку на снегу. Было очень холодно. Развести огонь не разрешали, да и не было дров.

В деревню не пускали. Мы почуяли беду. Первый час, пока все еще были потные, прошел благополучно. Потом начались мучения. Как говорится — «зуб на зуб не попадает». Мы втроем согласились лежать один на другом, меняясь примерно каждые полчаса. С нас начали брать пример и другие. Хоть и нельзя было уснуть, но мы не давали друг другу замерзнуть. Утром перед построением нам приказали стащить мертвых в одну кучу, что мы и сделали. Их оказалось около девяноста человек.

Второй день этапа начался ужасно плохо. Голодные, измученные за бессонную ночь люди двигались как тени. На первом километре пути в конце колонны то и дело хлопала выстрелы. С каждым из них обрывалась чья-то чуть теплившаяся жизнь. К вечеру нас подвели к огромному колхозному сараю для скота и поместили там. Скотина, видимо, покинула этот сарай недавно. Навоз еще не успел замерзнуть, и, хотя не было места лечь, сидя мы спали как убитые.

Утром нас подняли почему-то очень рано. Было еще темно. Дул сильный ветер. Нас продержали в строю больше часу. Несколько раз пересчитывали. Кто-то сказал, что был побег. Потом дали по кружке кипятку и по кусочку хлеба, такого черного, что неизвестно, из чего он был сделан (Германские специалисты изобрели так называемый «русский хлеб»: 50% — ржаные отруби, 20% — свекольный жмых, 20% — целлюлоза и 10% — «мука», изготовленная из соломы и листьев). После такого «завтрака» нас снова построили и повели дальше. Наше шествие затруднял поднявшийся буран. Кроме того, все время встречались двигавшиеся к фронту немецкие войска... офицеры фотографировали нас, смеясь над нашим видом. А нам из-за них все время приходилось сворачивать с дороги и тащиться целиною. К полудню началась метель. Люди начали падать сразу по два, по три человека. После последней колонны их пристреливали» («Этого забыть нельзя» // «Заря». Париж. 1986. №1. С. 13–15)» [136] (с. 167–168).

Среди выживших в этом аду имеются и такие свидетельства:

«Нас гнали вдоль дороги на запад, навстречу нам двигались немецкие танки. Внезапно водитель одного танка бросил машину на строй пленных, раздавив и покалечив десять — пятнадцать человек. Танкисты смеялись» (Воспоминания Петра Пирогова (сержант-танкист, попавший в плен в бою у Россейняй, Латвия) // И.А.Дугас, Ф.Я.Черон. Советские военнопленные в немецких концлагерях (1941–1945). М., 2003. С. 127.)» [136] (с. 169).

Это их странное веселье, когда люди Запада столь заразительно смеются над вымазанным тортом клоуном, теперь становится нам понятным несколько более: они не просто *не люди*, но *нелюди*. Это порода гомо сапиенс, как сами себя они привыкли именовать, слишком далеко отстоит от человека настоящего, который ничего веселого в их мерзких поступках так непростительно упрямо и не желает воспринимать. За что и подлежит в их планах тотальному уничтожению. наших же шуток они никогда не понимали и не поймут. Вот пример:

«Один боец учил пленного обовшивевшего фашиста, как уничтожить вшей. «Ты, — говорит, — напиши своим, чтобы натолкли кирпича и посыпали этим порошком те места в белье, где водятся вши, а потом туда же молотой махорки. Вошь начнет чихать и биться головой о кирпичи». Тупой фашист слушает, а красноармейцы не выдерживают и громко хохочут» [136] (с. 213).

Но тупым фашистам таких шуток не понять — ведь если кого бьют не взаправду, то это немца радовать никак не должно. Вот, другое дело, если кишки с костями в кашу — это смешно. Или натасканная на людей собака догонит и разорвет зубами ребенка — такое в забаву. Здесь есть над чем их звериному сердцу повеселиться. Ну, самое малое, на чистый фрак вылить ушат грязи, или на голову прилизанного джентльмена торт одеть! Тут это самое гы-гы, в сочетании с тупым выражением безцветных глаз, укажет

на национальную принадлежность этой параноидальной личности, олицетворяющей собою звериные нравы даже не тупого фашиста, но самого этого уважаемого Запада вообще. Они такими были, такими и останутся навсегда.

А вот что устроили немцы в лагере для военнопленных в Дарнице:

«”Огромные массы людей сидели, спали, бродили, ожидая чего-то. Есть ничего не давали. Постепенно они стали рвать травку, добывать корешки, а воду пили из луж. Через несколько дней травы не осталось, лагерь превратился в голый выбитый плац. По ночам было холодно, Все более теряющие человеческий облик люди, замерзая, сбивались в кучи: один клал голову на колени другому, ему на колени клал голову следующий и так далее, пока не получался тесный клубок. Утром, когда он начинал шевелиться и расплзаться, на месте оставались несколько умерших за ночь.

Но вот немцы устроили котлы и стали варить свеклу — ее брали прямо за оградой, вокруг были большие колхозные поля с необранной свеклой и картошкой, и если бы кого-либо это интересовало, пленных можно было накормить до отвала. Но, видимо, мор голодом был запланирован. Каждому пленному полагался в день один черпак свекольной баланды. Ослабевших от голода пленных палками и криками заставляли становиться в очередь и затем к котлу надо было ползти на локтях и коленках...

Слух о лагере разнесся сразу. И вот из Киева, из сел потянулись в Дарницу женщины искать своих. Целые вереницы их шли по дорогам, с кошелками, с узелками передач... Передачи немцы принимали, но сперва заносили их в дежурку, где отбирали все лучшее, а то и вообще все. Поэтому женщины старались нести просто картошку, морковь или заплесневелый хлеб. Пытались сами бросать через проволоку, но охрана кричала и стреляла.

Большинство передач были безадресными; не обнаружив мужа, женщина все равно отдавала корзинку, не нести же ее обратно, когда вдоль проволоки стоит ряд полубезумных скелетов. Но если адресат был, охранники никогда не вручали передачу ему. Просто выносили из дежурки, кричали: “Хлеб! Хлеб!” — и бросали на землю. Толпа валила, накидывалась — оголодавшие люди дрались, вырывали хлеб друг у друга, а охранники стояли и гоготали. Прибыли корреспонденты и снимали эти сцены на пленку. Я потом сам видел в немецких журналах фотографии из Дарницы — жутких, босых, заросших людей, и подписи были такие: “Русский солдат Иван. Такими солдатами Советы хотят отстоять свое разваливающееся государство”.

Вскоре такое развлечение приелось охране. Они стали разнообразить его. Выносили из дежурки корзину и кричали: “Хлеб! Хлеб!” — и затем объявляли, что всякий, кто без команды притронется, будет убит. Толпа стояла не двигаясь. Поговорив и покурив, конвоиры поворачивались и уходили. Тут пленные кидались на корзину, но охрана оборачивалась и строчила из автоматов. Десятки убитых оставались на земле, толпа шарахалась назад, и так эта игра тянулась, пока немцы не объявляли, что хлеб можно брать.

— Я кидался со всеми, — говорил Василий. — Там ничего не соображаешь: видишь хлеб и кидаешься, не думаешь, что убьют; только когда видишь, что вокруг валяются, — доходит... Отхлынем назад, стоим, облизываемся, смотрим на этот хлебушек. Позволили — тут уж бросались, вырывали у мертвых из зубов, пальцем изо рта выковыривали... Мы все там были нелюди...

Потом начали создавать какой-то режим. Стали гонять на работу. В шесть часов утра били в рельс, толпы валили из бараков (их постепенно выстраивали), унтер-офицеры отбирали в рабочие команды людей и вели их засыпать рвы, чинить дороги, разбирать развалины. Команды никогда не возвращались целиком: падавших от голода, плохо работавших или пытавшихся бежать пристреливали, и бывало, что выходило сто, а возвращалось десять...

Пленные писали записки, оборачивали ими камни и бросали через проволоку. Женщины, постоянно толпившиеся вокруг лагеря, подбирали и разносили эти записки по всей Украине. Содержание было всегда одно: “Я в Дарнице, принесите картошки, возьмите документы, попытайтесь выручить”. И адрес. Эти записки ходили из рук в руки... пока не добирались по адресу. Сколько раз я сам передавал их дальше — замусоленные, истертые так, что некоторые приходилось обводить чернилами. Эта народная почта действовала безотказно, и не было такой души, которая выбросила бы или поленилась доставить записку. Получив записку, родные, жены, матери, конечно, спешили в Дарницу, но далеко не всегда заставляли писавшего в живых, а если и заставляли, что они могли сделать?” (А.Кузнецов. Бабий Яр. “Посев”. Франкфурт-М., 1970. С. 178–183)» [136] (с. 170–173).

А вот что творилось в лагере «Шталаг 311-11С»:

«”...Новую партию согнали на середину лагеря и стали разбивать на сотни. Многие были в одних гимнастерках, в колодках вместо обуви. После разбивки их построили и повели на кухню. Многие совсем не могли идти — отставали, падали; их тут же пристреливали. Выстрелы, лай овчарок, стоны раненых, хрипы умирающих дополняли мрачную картину этого дня. С темнотой пришла и тишина, лишь изредка раздавался лай собаки, ей откликнулась другая, свет прожектора бегал по мокрой земле, освещая разбросанные по ней трупы...” А.Бураков. Сквозь смерть и время. Мюнхен. Б.Г. (Цит. по: И.А.Дугас, Ф.Я.Черон. Советские военнопленные в немецких концлагерях (1941–1945). М., 2003. С. 127.)» [136] (с. 169).

Вот что творилось в ту пору, по свидетельствам очевидцев, в одном из концлагерей Эстонии:

«...отчаянным было положение узников концлагеря Иллукке, расположенного на пустыре среди болот в полукилометре от монастыря. Они строили узкоколейную железную дорогу. Мы очень жалели их сердцем. Голодные, мокрые, замерзшие, они до изнурения работали. Тех, кто не мог больше выходить на работы, убивали прикладами и сжигали на костре. В воздухе стоял смрад от горения человеческих тел» [205] (с. 195).

Ф.Я. Черон содержался в лагере Бяла Подляска. Так же как и во всех иных немцы морили людей голодом. И вот дошло до людоедства:

«Вокруг кухонной ограды, несмотря на окрики часового, всегда толпились пленные. Подходить к ограде ближе чем на два метра не разрешалось. Но я видел, как нашелся смельчак и перешел эту линию — и расплатился жизнью: был убит наповал пулей часового. Его оставили лежать два дня, в пример другим. Таких случаев было много.

Хотя костры на территории лагеря разводить и запрещалось, но пленные умудрялись собирать на территории лагеря все, что могло гореть, и разводили огонь, на котором варили, что могли поймать живого на земле, в основном полевых мышей. Однажды у убитого немцы на другой день увидели вырезанные мягкие части тела. Они подняли тревогу и начали проверять котелки, банки и что у кого было. По всему лагерю начали рыскать полицаи и нашли вырезанные куски в котелке калмыков. Они то ли варили суп, то ли уже сварили и ели...» [136] (с. 175).

Так что если голодные русские только еще от голода лязгали зубами, то «друг степей» оказался в этом вопросе гораздо более неприхотлив — ему в пищу годилось все. В том числе и человечинка...

Но это были еще не все ужасы устроенного немцами кошмара:

«”С первых дней все было под открытым небом днем и ночью, потому что кроме кухни никаких зданий на территории лагеря не было. Потом вырыли большие рвы... накрыли досками и засыпали землей...

В эти убежища пленных загоняли на ночь. Для всех места все равно не хватало. Многие оставались под открытым небом. Сначала все хотели попасть в эти убежища,

особенно когда ночи в августе стали прохладными или шел дождь. Потом полицаи палками загоняли туда. Дело в том, что при отсутствии всяких санитарных условий, даже помыться негде было, развелось так много вшей, что от них спасу не было. Они беспощадно паразитировали на голодном исхудалом теле, а в скоплении людей под землей было еще хуже, чем на открытом воздухе. Когда выходили утром из этих земляных убежищ, вши кучами сыпались на землю, весь песок двигался. Трудно было поверить, что это не песок шевелится, а сплошная пелена вшей на песке. Они ходили как бы волнами. Кто освобождался от вшей каким-либо образом днем, хоть в какой-то мере, — тот не хотел идти в убежище, не хотел захватить лишнюю сотню заедавших насмерть вшей. Только дождь и холод гнали под землю.

Мне кажется, что построили эти убежища не потому, что немцы сжалились над пленными. Их просто пугала эта многотысячная толпа хотя и бывших, но солдат. Один вид сотен клеток и тысяч голов наводил страх. Лучше их под землю, не видно — и уже спокойнее. А потом еще побегов боялись.

В этих подземных подвалах в августе уже находили трупы пленных, умерших от голода, болезней и вшей. Больные оставались под землей доживать свои последние часы. Света там никогда не было. Не было ни воды, ни уборных. Уборными служили большие рвы, выкопанные в одном углу клетки, с переброшенными досками или толстыми бревнами. Эти глубокие ямы стали могилами для некоторых несчастных доходяг. Ослабевшие ноги не удерживали человека, и он падал вниз. А как ему помочь? Не было ни веревок и ничего другого для спасения. Покричит, постонет бедняга и затихнет навсегда. Трупов из этих ям не вытягивали, по крайней мере, я ни разу не видел. Время от времени эти ямы заливались водой и засыпались хлорной изветстью и землей” (Ф.Я.Черон. Немецкий плен и советское освобождение // Всероссийская Мемуарна Библиотека. Вып. 6-й. УМСА-Press. 1987. С. 37–38)» [136] (с. 175–176).

Вот еще очередной кошмар в исполнении германского культуртрегерства. Это для того, чтобы так пока никаких выводов для себя не сделавшие самобичивательного образца альтруисты знали, что их ждет, если они сами запустят к себе очередных волков, переряженных в очередную овечью шкурку:

«”В памяти невольно всплывает лагерь военнопленных в селе Рождественском. Самое страшное, что довелось видеть. Недостроенное трехэтажное здание школы на краю большого села. Без оконных рам и дверей. Или они были, но их сорвали на дрова, не знаю. Немцы обнесли его рядом колючей проволоки и набили его до отказа военнопленными. В домике для учителей жила охрана. Там днем и ночью поднимался к студеному небу дым из горящих печей. Когда немцы открывали форточки, хотелось подойти и ощутить руками хоть капельку тепла. По школьным помещениям вольно гулял ветер, занося туда снег. Печи не топились. Мы кутались в потрепанные на фронте шинели, а они не согревали. Тогда морозы были гораздо слабей, примерно около двадцати градусов. Но казалось, холод прошел не только до костей, но и до внутренностей. Каждый хотел уворовать тепло у соседа. Люди тесно прижимались друг к другу. Ночами старались заползти поглубже в эту ворочающуюся, стонущую и вздыхающую кучу.

Когда умирал сосед, некуда было податься от ползущего от него холода и полчищ вшей, как будто выползавших из каждой поры мертвого тела. Равнодушно выволакивали умерших во двор и бросали у входа. С верхних этажей выбрасывали трупы через окна, тащить по лестнице — надо было много сил, и они застывали на морозе в чудовищных позах. Освещенные луной мертвецы пугали немцев. Озлобленная стража врывалась к нам и колотила всех подряд, кто попадался, крича, что трупы надо относить в одно место, за сарай. Люди молча принимали удары, порой умирали под ними. Когда немцы уходили к себе, умерших выбрасывали как раньше.

Однажды на заре разбудил дикий крик. Стража, которая почему-то хотела войти в школу, наткнулась на двух стоящих мертвецов. Один из немцев упал без чувств на ступени крыльца, другой убежал в караульное помещение. Кто это сделал, узнать не удалось. Но за это немцы расстреляли десять человек.

И все же бежали из лагеря лишь немногие смельчаки или жившие раньше неподалеку. Ведь кругом простиралась скованная снегами пустыня, по которой играла пурга... Добраться до своих частей, перейдя линию фронта, многим было просто не под силу. И одинокой смерти от мороза в поле люди предпочитали смерть здесь — «на людях». Голод же свирепствовал везде. И уставшие за время фронтовой жизни, и ослабевшие в плену, мы все просто отупели. Я не помню, была ли у меня за это время какая-либо сознательная мысль...

Так длилось, пока не сменилась часть, которой был поручен наш лагерь. Новый начальник — немецкий капитан — разглядывал нас с нескрываемым ужасом. Он все время менялся в лице, и губы его двигались. Вышел он, не сказав ни слова ни нам, ни сопровождавшим его. Через час немцы отбирали наиболее сильных среди нас. К вечеру провалы окон были заделаны фанерой и досками, привезенными из ближайшего лесопильного завода. Больных, раненых и доходяг поместили отдельно. Нас, женщин, тоже отделили и поместили в классе на втором этаже. Впервые были затоплены печи. И все мы, теснясь к теплу, бросали в печи набранных в пригоршни вшей» (Лидия Норд. Из блокнота советской журналистки. Буэнос-Айрес, 1958. С. 116–118)» [136] (с. 177–178).

«Участь большинства попавших в плен раненых солдат и офицеров РККА была ужасной. Это и есть Холокост. Вот рассказ свидетеля, находившегося в лагере для военнопленных в Плавске:

«...Нас привели в церковь, где помещался лагерь одних лишь раненных пленных. Что я увидел там — это кошмар... На двухъярусных нарах не хватало места, лежали на голом цементном полу, стеная, тщетно взывая о помощи. Голодные, измученные, многие не могли уже подняться и оправлялись под себя. В церкви стояло ужасное зловоние, и немцы не заходили туда. Привезут баланду, крикнут — и все. Способные передвигаться получали «пищу» для себя и для одного-двух лежачих. У многих не было котелков. Они оставались совершенно голодными и медленно умирали

Первым делом мы вынесли (с разрешения полиция) девять трупов и приступили к уборке помещения. В одном из раненых я узнал младшего лейтенанта нашей роты. Я с трудом стащил с него брюки, вымыл его и очистил рану. Она уже приняла вид гангрены. Нога сильно распухла. Раненый бредил. Опять же с разрешения полиция я снял с одного мертвого шинель и подстелил ее под младшего лейтенанта. Перед уходом мы вынесли еще два трупа. Но, возвратившись грязными с работы, мы не могли даже помыться, потому что не было воды. При полной осведомленности немцев этот напиток продавался здесь по восемь рублей за котелок.

На следующий день я пошел туда же добровольцем. Опять мы начали свою работу с выноса трупов, а потом принялись чистить раненых и убирать церковь. Нарботавшись в такой грязи и зловонии, я почувствовал усталость и решил в церковь больше не ходить. Я понял, что пока еще есть силы — их нужно беречь, сознавая, что это «лишь цветочки, а ягоды будут впереди». Этот кошмар, подумал я, может продлиться еще долго, и решил принять меры, чтобы без холуйства и пресмыкательства как-то выжить... В октябре месяце (число не помню) весь наш лагерь построили в колонну, дали двухдневную порцию подопрелой гречневой муки (об ужасной пресной баланде говорить не буду, о ней уже рассказывалось во многих книгах и журналах) и повели на запад. Только мы поднялись на возвышенность (Павловск находился в низменной местности), как увидели, что церковь горит.

Позднее мы узнали, что вместо того, чтобы эвакуировать раненых, немцы облили церковь керосином и подожгли ее. На следующий день они стали эвакуировать гражданское население, а вскоре и сами оставили спаленный Павловск” (А.Петровский. Этого забыть нельзя // “Заря”. Париж. 1986. №11. С. 11–13)» [136] (с. 180–181).

И все это творилось на нашей земле лишь еще в тот период, когда, по замыслу организаторов, русский народ не следовало особо ожесточать против оккупационных властей. Но что ждало завоеванную коричневым кагалом несчастную страну после полного уничтожения ее вооруженных сил и после полного подавления последней возможности ее народа к какому бы то ни было серьезному сопротивлению???

«...что ждало бы нашу страну после поражения в той войне. Да русского народа просто не было бы! А уж про тех, кто больше всех спекулирует на этой теме, и говорить не приходится...» [159] (с. 281).

Однако ж эта уже и изначально спекулянтская национальность, изобретшая некий по отношению к себе со стороны Германии «холокост», за что немилосердно и доит по сию пору немца, на самом деле вот какие имела потери в этой войне:

«...число евреев, погибших в войну, составляет около 500 тыс. (Граф Ю. Миф о холокосте. Правда о судьбе евреев во Второй мировой войне. М., 1996), из них на советских евреев приходится около 200 тыс. Конечно, и это число погибших очень велико и вызывает глубокое соболезнование. Однако по сравнению с 22 млн. погибших русских (включая малороссов и белорусов) оно в 44 раза меньше.

Именно русский, а не какой-либо другой народ (даже в пропорциональном отношении) испил самую большую чашу страданий во Вторую мировую войну и спас все человечество от кошмара “нового мирового порядка”» [176] (с. 194).

Так что, несмотря на понесенные нами просто ужасающие потери, германская звериная политика дух русского человека вовсе не сломила, как планировалось стороной нападающей, ведь именно у них принято тотальным террором усмирять непокорных, но лишь мобилизовала на естественный для русского человека ответ — беспощадную партизанскую войну:

«Вместо “быстрого усмирения” захваченной территории карательные меры, к которым охотно приступили немцы, разожгли пламя народной войны, и партизанское движение начало быстро расти. Жители сел, деревень и хуторов предоставляли кров и продовольствие партизанам и группам выходивших из окружения русских военных, росла ненависть к захватчикам по мере того, как становилось известным зверское обращение немцев с мирным населением» [177] (с. 101).

На что немцы, чью политику на истребление мирного населения не сразу распознали подвергшиеся оккупации граждане западных русских областей, отвечали усилением террора:

«Солдатам при расстреле заложников в связи с этим было приказано стрелять ниже пояса в живот, чтобы продлить агонию. В случае, если среди расстреливаемых оказывались дети, которые случайно — из-за малого роста — оставались в живых, “офицер, командовавший похоронной командой, должен собственноручно прикончить”.

Вначале, уверенные в близкой победе, немцы извлекали садистское удовольствие из этих карательных операций. В длительные летние вечера под малейшими предложениями организовывались облавы на людей. Деревню окружали, поджигали, а ее жителей, пытавшихся спастись бегством, как дичь на охоте, расстреливали на улицах. Затем оказалось выгодным грабить дома и жилища, а “сувениры” вместе с сопутствующими фотографиями отсылать своим друзьям в Германию.

Но постепенно немцам становилось ясно, что война быстро не кончится... Страх и сознание вины вытеснили чувство экзальтации по мере того, как угрюмая ненависть населения и деятельность партизан с каждым днем становились все более ощутимыми» [177] (с. 101–102).

«Уже к концу 1941 года на оккупированной территории действовали несколько сотен подпольных организаций и более 2 тыс. партизанских отрядов, оказывавших большую поддержку русской армии. Партизаны громили штабы, нападали на гарнизоны, взрывали склады и базы, автомашины и поезда» [176] (с. 153).

«Во время летних боев 1942 года партизаны отвлекли на себя 24 вражеские дивизии, 14–16 из которых постоянно использовались на охране коммуникаций. В августе было произведено 148 крушений воинских эшелонов с солдатами и техникой, в сентябре 152, в октябре — 210, в ноябре — 238» [176] (с. 154).

И это было лишь начало того всенародного движения, которое являлось ответом немцам на кровожадность их политики по отношению к оккупированным областям. А в общей сложности об ответе русского человека врагу, порешившему произвести тотальное уничтожение населения захваченных им земель, следует заявить следующее:

«Каждая страница Великой Отечественной войны — это иллюстрация превосходства русских над рабским и мародерским германским духом, осмелившимся в который раз посягнуть на Русскую Державу и ее святыни и снова потерпевшим сокрушительное поражение» [176] (с. 194).

Лето 42-го

К началу весны 1942 г. положение страны несколько улучшилось:

«...военная экономика укрепилась, создались благоприятные перспективы дальнейшего развертывания производства вооружения всех видов. Само вооружение по боевым его качествам не только не уступало вооружению противника, а во многом и превосходило его» [193] (с. 314).

На тот момент, презрительно навешав немцу под Москвой, в силах и средствах мы не только несколько выровняли некоторые свои показатели в сравнении с возможностями неприятеля, но даже стали обладать и некоторым преимуществом: по танкам — 1,5 : 1, по самолетам — 1,3 : 1, по артиллерии — 1,1 : 1 [194] (с. 374).

Мало того:

«Союзники давали обещание открыть второй фронт в Европе в близкие к лету 1942 г. сроки» [193] (с. 314).

Потому главной стратегической ошибкой ставки и явилась надежда даже не на открытие этого самого уже изначально явно весьма мифологического «фронта», но хотя бы, уж раз «союзники» трубят об этом теперь по всему миру, возникновение некоторого опасения со стороны Германии и перестановка на «Западный фронт» хотя бы некоторого количества своих войск.

Но этот мифологический «фронт», что сегодня выясняется с особенной ясностью, всегда являлся мыльным пузырем, способным лишь сыграть на руку договаривающимся державам в отношении России. И Москва клюнула на эту приманку, начав наступление в тот момент, когда враг, уже очухавшись от зимних поражений, стягивал с Запада пока не задействованные вновь сформированные им части и соединения. А ведь в Западной Европе, если ползти как следует по сусекам, единиц трофейной бронетехники имелась к тому времени еще целая прорва. Именно

ею, судя по всему, враг и воспользовался после неудавшегося весеннего наступления советских войск: под Ленинградом и Дорогобужем, в Крыму и под Харьковом.

И если нашим армиям, как и в 41-м часто попадающим в окружения, все же удалось и на этот раз вырваться из кольца, то артиллерию, в основе своей, пришлось при прорыве бросить, предварительно уничтожив. А потому:

«За время боев с мая по октябрь 1942 г. включительно мы потеряли 55,6 тыс. минометов и 17,7 тыс. орудий (Архив МО СССР, ф. 81, оп. 12074, д. 34, лл. 129–134)... более трех четвертей этих потерь (76%) приходилось на долю минометов, главным образом 50-мм (24,1 тыс.) и 82-мм (23,8 тыс.) калибра, которые не имели средств транспортировки и переносились силами расчетов.

При отходе было потеряно и большое количество боеприпасов» [193] (с. 316).

Однако ж все эти поражения, что просматривается достаточно очевидно, как раз и следует списать на оказанную нам так называемую «американскую помощь». Ведь надоумило наших партийных боссов идти в наступление именно то обстоятельство, что мы получили танки и самолеты от наших мнимых союзников, но не получили тогда еще информации, что треть танков и с места не сдвинется, а остальные будут гореть после попадания в него снаряда с расстояния 2 км. И что полученные самолеты также не удовлетворяют условиям современной войны и из семи сотен полученных мы сможем, по-хорошему, воспользоваться лишь десятком «аэрокобр» (в полученном виде — также не лучших самолетов).

Вот все это количество, отнюдь еще не обеспеченное качеством, и лежит в основе всех тех просчетов, которые в тот момент допустило наше верховное руководство. Потому как понимание всей ложности американской нам эдакой помощи пришло лишь после поражений весны 1942 г. А брошенные на нас безчисленные армады танков показали и иное: немцы вовсе не собирались пугаться открытия «союзниками» второго фронта, а потому все их танки оказались у нас, а не напротив Ла-Манша. Мало того, и Африканский театр оказался лишь спектаклем для простофиль — все танки Роммеля очутились зимой под Сталинградом, указав на то, где у немцев находится не опереточный театр для демонстрации силы, а настоящий их фронт.

Нам известно о поражении наших войск под Харьковом в начале лета 1942 г.

Однако ж мало известно о тех усилиях и собранных для них средствах, которые позволили немцам принудить наши войска к отступлению. Вот что сообщается о боях с противником 226-й дивизии 38-й армии в районе Песчаное и Непокрытое. Несмотря на массированную поддержку с воздуха:

«За день боя, 13 мая, артиллерией армии было уничтожено около 40 и подбито до 60 танков противника.

...за 14 мая артиллерией 38-й армии было подбито 36 танков, уничтожено до батальона пехоты, 5 станковых пулеметов, разрушено 11 дзотов, подавлен огонь артиллерийской батареи, 5 минометов и 7 станковых пулеметов...

С утра 15 мая... дивизионы 7-го гаубичного артиллерийского полка огнем прямой наводкой и с закрытых позиций вывели из строя 17 танков и 5 бронетранспортеров противника (Журнал боевых действий 7 гв. гап — Архив Штаба артиллерии Советской Армии, ф. 1, оп. 869с, д. 26, л. 69).

Тяжелый бой с танками в этот день провел 32-й гвардейский артиллерийский полк 13-й гвардейской стрелковой дивизии... В этой ожесточенной схватке с противником полк подбил 30 танков...

В результате двухдневных боев (14 и 15 мая) артиллерией 13-й гвардейской стрелковой дивизии было подбито и уничтожено не менее 50 танков, при этом 12 из них были выведены из строя огнем противотанковых ружей (В гаубичных батареях

артиллерийских полков стрелковых дивизий полагалось иметь по четыре противотанковых ружья» [193] (с. 355–356).

А вот как бои проходили все того же 15 мая на участке обороны 244-й стрелковой дивизии в зоне действия 776-го артиллерийского полка в районе села Веселого:

«Группа до 35 танков противника развернулась перед фронтом 1-й батареи полка и атаковала ее. Артиллеристы выждали, пока танки приблизились на расстояние 500 м, и открыли меткий огонь. В короткой схватке батарея подбила 13 танков, из них 5 сгорели. Противник не выдержал и отошел на зад, но ненадолго. Через 20 минут, получив подкрепление и разделившись на две группы, вражеские танки пошли в обход батареи, чтобы атакой с флангов взять ее в клещи. Бой был очень тяжелым. Немцы применили против батареи термитные снаряды и огнеметные танки. На батарее то и дело возникали пожары. Горело вокруг нескошенное поле, воспламенялись деревянные ящики со снарядами, горела одежда на бойцах, но батарея стойко продолжала сражаться, ведя огонь до последнего снаряда. До тех пор как огнем из танков не было разбито последнее орудие батареи, она уничтожила еще 4 танка. В этом бою на батарее было 17 человек ранено и 4 убито...

Другая группа вражеских танков нанесла удар по 4-й батарее полка... Батарея героически сражалась до последнего снаряда, и когда боеприпасов не стало, а танки вплотную подошли к огневой позиции, в ход были пущены противотанковые ружья и бутылки с горючей жидкостью. В этой схватке 4-я батарея уничтожила и подбила 19 танков и 1 бронетранспортер. Но силы были слишком неравны, и многие бойцы батареи сложили голову у своих орудий...

В итоге ожесточенного боя 15 мая артиллерией 224-й стрелковой дивизии было уничтожено и подбито около 90 танков, при этом 20 танков было выведено из строя огнем противотанковых ружей и бутылками с горючей жидкостью» [193] (с. 356–357).

Так что лишь на одном этом единственном из многих иных участков разыгравшегося тогда под Харьковом ожесточенного сражения было подбито столько танков врага, сколько своею плотностью сопоставимо лишь со знаменитым встречным танковым сражением на Прохоровском поле.

Но и следующий за ним день ничуть не оказался менее результативным по части уничтожения русским человеком прикопленной немцами за зиму имеющейся у него до этого и наштампованной ему новой техники, что была произведена посаженной в концлагерь Европой:

«16 мая противник, несмотря на большие потери в танках и личном составе, продолжал настойчивые атаки в полосе 28-й армии. Эвакуировав ночью с поля подбитые танки и приведя части в порядок, он бросил крупную танковую группу и пехоту в сопровождении пикирующих бомбардировщиков в атаку на боевые порядки 169-й стрелковой дивизии, занимавшей Веселое. Выйдя в район выс. 200,9 (2 км юго-восточнее Веселого), танки пытались овладеть этим населенным пунктом ударом в тыл 169-й дивизии. Но здесь они были встречены огнем батарей 307-го артиллерийского полка этой дивизии. В результате упорного боя, длившегося почти три часа, противник был вынужден прекратить атаки, оставив на поле боя 53 подбитых и сожженных танка» [193] (с. 357).

Так что главная репетиция Курской дуги, что выясняется, происходила еще за год до нее. И, причем, почти в тех же местах — под Харьковом. А уж ее результаты, когда лишь за день боев артиллерийским полком превращалось в груды железа по полсотни танков противника, она, пожалуй, и превзойдет своего более чем знаменитого в этих местах двойника.

Однако ж здесь, ввиду недостатка сил, нам пришлось тогда все же отступить:

«В последующие дни войска армии продолжали отражать натиск противника, нанося по нему ответные удары, но не смогли удержать захваченной в ходе наступления территории, и к 22 мая отошли в исходное положение» (там же).

А вообще за время данной наступательной операции, все же в общем итоге проигранной нашими войсками, когда в результате контрудара врага в районе Балаклеи попали в окружение 57-я и 6-я наши армии:

«В ходе наступления, и в особенности во время отражения сильного контрудара противника, огнем артиллерии было подбито и сожжено 332 танка и 60 бронетранспортеров» [193] (с. 358).

Так что это сражение, пусть в целом и проигранное, но исключительно за счет явного преобладания противником в технических средствах — танках и авиации, показало, что русский человек, если позволить ему все же «чужие изорвать мундиры», то очень запросто их изорвет. Тому лишь примером: в трехчасовом бою подбитые 53 вражеских танка артиллерийским полком 169-й стрелковой дивизии.

И все же, несмотря на подобного рода просто поразительнейшие победы, почему в итоге все же поражение, заставившее при прорыве из окружения двум попавшим в капкан армиям уничтожить множество своих орудий и боеприпасов? Что лежит в основе этого поражения, открывшего врагу дорогу на Сталинград?

Здесь все становится ясно лишь из единственной неосторожно высказанной фразы в изданном в нескольких экземплярах под грифом «секретно» в 1964 г. военном пособии по артиллерии (экземпляр №8; инв. № 1464 по книге учета № 10 т 4):

«Относительно сильные очаги противотанковой обороны оставались в стороне, либо обходились противником, что говорило о хорошо поставленной у него разведке (Подробно ход оборонительных боев в полосе 9-й армии Южного фронта описан в томе настоящего издания “Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны”. Кн. 1. Воениздат. М., 1958).

А так как мы уже определили, кто же это так удивительно четко мог сдать координаты расположения наших противотанковых частей врагу (см.: [171]), то и все впоследствии произошедшее теперь вовсе не удивляет. А засветились в качестве предателей все те не уничтоженные своевременно враги русского народа, которые на тот день являлись и врагами Сталина. Именно эти тайные троцкисты, для полного уничтожения которых Сталину потребовалось бы перестрелять вообще всех ленинских большевиков без разбору, и пришли на помощь Гитлеру, когда к лету 1942-го фронт стабилизировался и русские войска даже имели в боях некоторую инициативу.

Потому германской агентуре потребовались тогда люди, готовые помочь немцам провалить все готовящиеся наступления Красной Армии и вручить инициативу врагу. Получили ли они за это какие-то «Иудины коврижки» или совершили свои предательства как идейные троцкисты — осталось за кадром истории. И нам вряд ли удастся теперь раздобыть на эту тему какие-либо документальные подтверждения. Но факты о случившемся именно предательстве, а никак не якобы удачной работе германской разведки, говорят об этом достаточно однозначно. Мехлис провалил наступление в Крыму, за что и был снят с должности (то есть дознание о его личном участии в случившемся проводилось). Кулик через несколько лет после окончания войны был расстрелян. То есть и на него был найден какой-то неопровержимый компромат. Но даже и институт комиссарства, напрямую подчиняющийся Лубянке, к Сталинграду был от командования отстранен. А затем и вообще упразднен. Потому с тех пор прекратились и предательства.

«Именно в период тяжелейших боев за Сталинград, понимая неоспоримое преимущество славных русских воинских традиций перед коммунистическими догмами, в деле поддержания боевого духа, руководство страны упразднило институт

военных комиссаров и ввело полное единоначалие в Красной Армии (Приказ Наркома обороны СССР от 9 октября 1942 года)» [205] (с. 307).

Но сможем ли мы определить — кто конкретно предал наши войска под Харьковом?

Вряд ли. Ведь осталась нам для дорасследования этого предательства в засекреченном учебном пособии лишь одна единственная фраза: «Относительно сильные очаги противотанковой обороны оставались в стороне, либо обходились противником». Мало того, немцы, что выясняется, даже:

«...знали имена всех наших офицеров-штабистов» [205] (с. 306).

Что более чем убедительно говорит о главном: русские солдаты, способные уничтожать в скоротечном трехчасовом бою по 53 танка врага, были в этот момент преданы. И преданы, что не оставляет никаких сомнений, «своими». То есть засевшими на Лубянке комиссарами — единственной по тем временам в нашей стране силой, в чьи интересы не входило быстрое окончание этой страшной войны. Ведь победа Русской армии возрождала то, с чем боролись лубянские резники к тому времени уже четверть века. Она возрождала Православие, лишь в годину страшного лихолетья вновь начинающего подниматься из руин. И как бы комиссары не пытались внушить обитателям русских окопов, что им кровь лить свою требуется за какую-то абстрактную «свободу» или не менее абстрактное «равенство», лишь начинал враг пушечную канонаду или совершал авиационный налет — русский мужик, пусть и обряженный в масонские одежды с пятиконечными пентаграммами, понимая, что, возможно, пришел его последний в этой жизни миг, начинал молитву Тому, с Чьими церквями так долго все никак не мог сладить комиссар. Потому Лубянка попыталась совершить последнюю свою попытку в надежде предоставить немцам возможность прорвать фронт, выйти к Волге и разрубить нашу страну пополам, отбросив ее армию аж за Урал. Лишь это единственное средство позволяло им все же снять с занимаемой должности диктатора, как не справляющегося со своими обязанностями, и отобрать власть в России в пользу ставленников клана Ротшильдов-Рокфеллеров.

И начало этого плана удалось более чем удачно. Множество наступательных операций весны 1942 г. остались или безрезультатными, или поставили под серьезный удар наши войска.

А ведь уже само начало этих операций являлось предательством! Ведь здесь не требуется быть особым стратегом, чтобы понять — почему Германия зимой уступала нам в авиации. Мы просто захватили в плен или уничтожили в воздухе чуть ли ни под корень всех этих знаменитых лишь теперь, задним числом, «асов» Геринга. Самолетов же у немцев имелось в наличии еще очень много — десяток-другой тысяч. Потому им и пришлось ждать — пока новички освоят летательные аппараты. Так что — и пытаться наступать при многократном преимуществе противника в этом виде вооружения — уже самоубийство.

Второе. Немцы, как считает советская «военная наука», к весне остались без танков.

Но это — так и вообще полная чушь: лишь Франция ко времени своего Гитлером пленения имела производственные мощности, позволившие ей наштамповать более десятка тысяч единиц бронетехники. А у Гитлера имелись еще и производственные мощности Чехословакии, Польши, Голландии, Бельгии, Норвегии, Италии, Румынии, Албании, Югославии, Греции, Финляндии. То есть вообще-то всей Европы, включая и Испанию со Швецией и Португалию со Швейцарией. Сюда же следует добавить и оккупированные территории СССР: полностью пять союзных республик, большую часть шестой и часть седьмой.

Так что производственных мощностей у немцев было более чем предостаточно. Было и кому работать на них: работала вся Европа, посаженная в концлагерь.

Потому и здесь преимущество врага ни для кого секретом не являлось.

Все то же касается и по части обеспечения снарядами, горючим, смазочными материалами, обмундированием, стрелковым оружием, средствами связи и т.д.

И лезть на все на это было уже само по себе непростительной глупостью. Но глупость была, что выясняется, подготовлена на Лубянке. Потому и легко осуществилась — наступление наших войск весной 1942-го провалилось.

А вот еще причина поражения все под тем же Харьковом:

«...в ходе боев 8–20 мая снарядов в артиллерийских частях и подразделениях в действительности было недостаточно, и последние не могли в ряде случаев дать должного отпора врагу. Происходило это не от недостатка боеприпасов на фронте, а от плохой организации снабжения ими частей. Артиллерийские части и подразделения получали мало снарядов, и к середине мая некоторые из них остались без боеприпасов; вместе с тем большое количество снарядов было взорвано на складах при отступлении» [195] (с. 213).

Что это, как не все то же *вредительство*?! То есть противнику не только заранее обустроили в оборонительной системе заведомые бреши, указав затем на точное их месторасположение, но еще и имеющиеся в наличии противотанковые пушки оставили без снарядов!

Так что, в свете нами разысканного, продолжать пытаться здесь случившееся переиначить в лавры для немецкой разведки, что, кстати, попыталась, в надежде прикрыть предательство комиссаров троцкистов, изобразить советская лжеистория — полный абсурд: немецкая разведка выдачей боеприпасов не заведует.

Но вот что происходило там же, чуть южнее, где троцкистов в русских штабах не оказалось:

«В районе Барвенково на подготовленных к обороне позициях находилось пять 45-мм и четыре 76 мм полковых пушек; восемь 76-мм пушек и четыре 122-мм гаубицы дивизионной артиллерии.

С основных огневых позиций... 17 мая... из заранее организованных противотанковых пунктов... было подбито и уничтожено 44 танка и 19 автомашин с пехотой.

2-я батарея 897-го артиллерийского полка на подступах к совхозу им. Куйбышева вывела из строя восемь танков противника. Остальные танки, изменив направление движения, вышли на дорогу к совхозу им. Куйбышева–Барвенково, но попали под огонь 1-й батареи и потеряли еще девять танков» [195] (с. 243).

Из такого вот рода боев и состояли схватки с противником в тех местах обороны, где троцкисты не успевали сдать противнику наши обороняющиеся войска. И там немецких танков остановили сотни! Так что у врага в тот момент не просто оказались в наличии сведения о месторасположении наших противотанковых опорных пунктов. Не только скрытым троцкистам удалось оставить наши батареи без снарядов. Но уже само преимущество врага в танках не позволяло нам, изведя во множестве врага на нескольких участках обороны, остановить вообще все его продвижение вглубь нашей страны.

Но почему все больше о немецких танках идут разговоры при упоминании тех боев под Харьковом? Где в то время находились танки наши?

Вот что говорится об одном из них:

«Внезапные действия из засад в боевых схватках со значительно превосходящим противником позволяли нашим танкистам наносить ему ощутимый урон. В наградном листе В.Хазова приводится характерный пример: “14 июня 1942 года, будучи в засаде

западнее Ольховатки с тремя танками отразил атаку танков до 40 шт. с пехотой, сам лично уничтожил 4 танка”» [192] (с. 245).

Вот что из иных источников сообщается об этом бое русских танкистов из засады:

«Шквал металла встретил колонну из дивизии “Мертвая голова”. Но танки врага прибавили в скорости, стреляя на ходу. Вражеские снаряды вспарывали землю у наших боевых машин. В танке Владимира стало жарко. От порохового дыма слезились глаза, трудно было дышать, но командир, заняв место наводчика, словно слился с пушкой.

Потеряв 10 танков, противник беспорядочно отступил» [192] (с. 246).

А вот что записано о следующем дне боев в наградном листе упомянутого танкиста:

«15 июня 1942 г. был послан в составе трех танков атаковать колонну танков противника, которые сосредоточились 2 км западнее Ольховатки в количестве 27-и штук. Несмотря на такое превосходство, тов. Хазов с места и с коротких остановок расстрелял и поджег своей группой 15 танков, остальные подбил и уничтожил, с места не ушел ни один. Сам товарищ Хазов в этом бою поджег 8 немецких танков и несколько штук подбил, сохранив свою машину.

С 14 по 15 июня 1942 года взвод роты тов. Хазова в количестве трех танков уничтожил 31 танк противника» (там же).

Понятно, что не у каждого нашего танкиста бывало столько побед всего за несколько боев. Но, с другой стороны, откуда у немцев такая прорва бронетехники?

Так ведь вся Европа неустанно работала на них всю зиму и весну. И второе: если американцы, что выясняется, поставляли им «тигры», то почему бы нашим липовым союзникам не снабдить немцев еще до начала изготовления этой машины танками «Т-III» и «Т-IV»? Ведь лишь в подобной ситуации и можно объяснить — откуда такая прорва танков вдруг единоразово оказалась у них по весне.

Но и в количественном отношении собранные неприятелем орды назвать этнически немецкими тоже было бы достаточной натяжкой. Откуда им после разгрома под Москвой столько народа собрать?

А ведь откуда-то собрали:

«Напряженная обстановка сложилась на фронтах войны летом 1942 г. Фашистское командование, воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, сосредоточило против советских войск 258 дивизий...» [109] (с. 196).

Нашему генштабу намерения немцев были не ясны. Поэтому: «...резервные армии были сосредоточены поблизости от Москвы на случай возобновления немцами наступления немцев на центральном участке фронта; к тому же отсюда их легче было перебросить по железным дорогам к Ленинграду или на юг, как только станут очевидны намерения противника. Мощь начавшегося на юге немецкого наступления явилась, однако, неожиданностью для русских, и, когда 5 июля немецкие танковые дивизии прорвались к Дону по обе стороны Воронежа, Верховное Главнокомандование еще не могло с уверенностью знать, не предпримут ли немцы, переправившись через Дон, бросок на север с поворотом в тыл советским войскам в районе Ельца и Тулы» [177] (с. 169).

Конечно же, наши войска и в данной ситуации не являлись простыми статистами. И встретили врага как и подобает встречать его на своей земле русскому человеку:

«...за пять суток (1–5 июля 1942 г.) 284-я стрелковая дивизия с приданными ей частями уничтожила и подбила свыше 200 танков...»

При этом следует учитывать, что дивизия и приданные ей части вели бой в условиях безнаказанных действий авиации противника» [195] (с. 292).

Во всеоружии встретили немецкое наступление и соседи — 40-я армия. С 28 июня по 5 июля они подбили и уничтожили 295 танков врага [195] (с. 293). Так что и здесь потери германских войск в бронетехнике не могут не впечатлять. Потому повторимся: откуда их столько тогда появилось у немцев?

Так что несмотря на наше более чем серьезное сопротивление, оказанное врагу, он все так и продолжал наступать. И если в районе Воронежа он и был все же остановлен, то на юге ему все же удалось прорвать фронт и принудить отступить наши войска.

«Корреспондент газеты “Фолькишер беобахтер” описывал, как “русские, которые ранее упорно сражались за каждый километр территории, отходили без выстрела. Наше продвижение задерживали лишь разрушенные мосты и налеты авиации. Когда русские арьергарды не могли избежать боя, они выбирали позиции, которые позволяли им продержаться до наступления темноты... Было весьма необычным углубляться в эти широкие степи, не видя признаков противника”.

По всей видимости, это дезорганизованное (как казалось немцам) отступление русских войск было неожиданным для Гитлера, так же как и для многих его генералов» [177] (с. 169).

Каков был контингент воинства врага, брошенного летом 1942 г. в наступление на Восточном фронте?

Немцы гребли к тому времени под метелку всех подряд: из Германии, стран сателлитов и даже производили наборы в свою армию с оккупированных ими территорий: Польши и Прибалтики, Украины и Белоруссии.

Произведена была попытка организации армии предателей и среди русских военнопленных:

«На центральном участке Восточного фронта, которым командовал фельдмаршал Клюге, было создано крупное соединение русских добровольцев-военнопленных...

Как только бригада была сформирована и вооружена, командующий Восточным фронтом отдал приказ о включении ее в состав немецких соединений. Со стороны фельдмаршала Клюге это было обманом...» [136] (с. 51).

А потому со стороны добровольцев последовал решительный отказ.

«Бригада была расформирована, русские батальоны рассредоточены. Поступил приказ сменить русских командиров на немцев и заменить русскую форму на форму вспомогательных частей немецких армий...» [136] (с. 52).

И вот чем вся эта затея кончилась:

«... в русских батальонах перебили офицеров-немцев и ушли в лес» [136] (с. 52).

Год спустя немцы, за отсутствием резервов, были вынуждены свою попытку повторить. Вот чем закончилась еще и она:

«...летом 1943 года, когда Вермахт в Белоруссии (Глубокое) сформировал русскую бригаду под командованием Гиля-Родионова... На этот раз результат оказался ошеломляющим: большая часть бригады во главе с Гилем перешла фронт...» [136] (с. 52).

Таким образом, приходится только констатировать, что заставить русского человека вести братоубийственную войну немцам не удалось. Потому пришлось пользоваться услугами поляков и эстонцев, словаков и литовцев, чехов и хорватов, латышей и западно-украинских националистов.

Пришлось также сгребать по сусекам и из Германии всех тех последних доходяг, которые для службы в армии вообще не годятся. Самым же главным отличием этого нового пополнения вражеских армий являлась не только его уже заведомая проф. непригодность, но и полная неподготовленность к ведению боевых действий:

«...пополнение практически сразу шло в бой» [125] (с. 345).

Вот как плачется об этом полковник Динглер в пересказе Меллентина:

«Я не преувеличиваю, утверждая, что во время этих атак мы не раз оказывались в безнадежном положении. Тех пополнений в живой силе и технике, которые мы получали из Германии, было совершенно недостаточно. Необстрелянные солдаты не приносили в этих тяжелых боях никакой пользы. Потери, которые они несли с первого же дня пребывания на передовой, были огромны. Мы не могли постепенно “акклиматизировать” этих людей, направив их на спокойные участки, потому что таких участков в то время не было. Невозможно было также и отозвать с фронта ветеранов, чтобы организовать должную подготовку новичков” (Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945 гг.: Боевое применение танков во Второй мировой войне М.: ИЛ, 1957.С.148)» [125] (345–346).

«Лишь реки нарушали однообразие территории. Дон, Днепр, Миус, Сал, Донец, Оскол... Через все эти реки терпеливые саперы вермахта навели мосты, у берегов каждой из них были похоронены их товарищи. За каждой из них скрывался враг, который отступал, но всегда вел огонь. И очень часто дневной бой заканчивался, а русские снова были видны на горизонте, и через цейсовские бинокли можно было различить танки Т-34 с их зловещими, напоминающими капюшоны, скошенными башнями, которые, казалось, заманивали немцев все дальше и дальше на Восток. От сражавшихся рядом с немцами союзников — румын и венгров, которые не считали себя суперменами, в германскую армию начали все чаще проникать настроения обезпокоенности и тревожные рассуждения: что русского всегда приходится убивать дважды; что русских никогда никто не побеждал; что никто, проливший здесь кровь, еще не уходил из России живым. И каждый немец, на каком бы участке фронта он ни воевал, с тревожным чувством страха и восхищения обратил внимание на поведение раненых русских.

“Они не плачут, они не стонут, они не ругаются. Несомненно, есть что-то загадочное, что-то непостижимое в их суровом, упорном молчании”...

Тревожное чувство, что им приходится сражаться против противника почти сверхъестественной силы и стойкости, было широко распространено среди немецких солдат, особенно в пехоте, и его можно проследить в их письмах и дневниках» [177] (с. 96–97).

«... ОО НКВД ЮЗФ в УОО НКВД СССР с выписками из дневника капитана вермахта 20 июня 1942 г.» [129] (с. 26)

о немецких потерях того времени, когда враг пока еще наступал:

«...В Перемышле я встретил старого товарища из 16-го пехотного полка, который рассказал мне о боях полка, находящегося под Севастополем. Они очень многое пережили и понесли огромные потери» [129] (с. 26).

Вот как обстояли дела даже там, где в окружении-то находились не немцы, а мы. Причем:

«150 самолетов, 20 торпедных катеров и несколько подводных лодок были выделены противником для морской блокады Севастополя. Это чрезвычайно затрудняло... доставку в войска оборонительного района боеприпасов, вооружения, продовольствия, а впоследствии и эвакуацию из него войск» [195] (с. 195).

И вот чем характерны происходившие здесь бои. Немцы, прекрасно зная от наших предателей, что город испытывает острую нехватку снарядов, сделали ставку на плотности штурмующих колонн, дабы не делать передышки и не позволить в этот момент пополнить наши полупустые склады. Ведь в таком случае, как бы им не пытались сопротивляться, город обречен.

Но как же, спрашивается, была допущена недопоставка снарядов в тот период, когда морская блокада немцами еще не была налажена?

Снарядов на складах, видите ли:
«не оказалось» [195].

Спрашивается: почему?

Очень похоже, что и здесь, как под Харьковом и в Керчи, поработали все те же троцкисты.

Но, с другой стороны, именно информация о нехватке у нас снарядов заставила немцев штурмовать наш город-крепость с таким бешеным упорством, чтобы враг затем мог так непредвзято ужасаться понесенным здесь безчисленным своим потерям.

А начались у немцев проблемы, как много затем будет в истории этой войны повторяться, с нашей артиллерийской контрподготовки:

«Внезапный массированный огонь нашей артиллерии, открытый за пять минут до начала артиллерийской подготовки противника (в 2 часа 55 минут 7 июня 1942 г.), расстроил боевые порядки его войск и нанес им большие потери, особенно же войскам, сосредоточенным на исходных позициях для наступления» [195] (с. 195).

Понеся серьезные потери, враг все же начал наступление. И вот какими потерями закончился для немцев первый день наступления:

«Артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем защитников Севастополя было уничтожено до 5 000 солдат и офицеров противника, сожжено и подбито до 40 танков. Два пехотных полка 50-й немецкой дивизии были полностью уничтожены.

В последующих ожесточенных боях наступавшие войска врага также несли огромные потери. 10 июня только огнем нашей артиллерии были подбиты 25 из 40 наступавших танков противника.

11 июня артиллерия всех секторов обороны (полевая, зенитная, береговая) и артиллерия кораблей флота провела мощную артиллерийскую подготовку атаки наших войск на участке фронта на стыке между 3-м и 4-м секторами, после которой стрелковые части обоих секторов нанесли контрудар по противнику, выбили его из полустанка Макензиевы Горы и несколько продвинулись на северо-восток. Три пехотных полка и один кавалерийский эскадрон противника были разгромлены, большая часть их солдат и офицеров уничтожена, 42 танка подбиты или сожжены...

13 июня у убитого немецкого офицера нашими разведчиками была найдена карта с нанесенными на нее боевыми порядками частей противника, подготовленных к наступлению 14 июня, и направлениями намеченных ударов... Эти данные были использованы нашим командованием для подготовки войск 4-го сектора к нанесению удара по сосредоточенным частям противника.

Вместо артиллерийской контрподготовки, обычно проводимой в таких условиях, командование поставило артиллерии задачу отражения самой атаки противника внезапным, точным массированным огнем...

В соответствии с поставленными задачами некоторая часть артиллерийских подразделений была перемещена на другие позиции...

Утром 14 июня с началом движения частей противника в атаку подготовившие огонь артиллерийские части произвели мощный огневой налет, в результате которого один полк первого эшелона 73-й немецкой пехотной дивизии был уничтожен, а атака сорвана» [195] (с. 196).

Но враг, не считаясь с потерями, все наседал. Ведь преимущество в средствах всецело оставалось на его стороне: «16 июня в неравном бою погибла 365-я зенитная батарея береговой обороны... в длительном бою, отражая атаки самолетов, танков и пехоты, она израсходовала все снаряды, а в дальнейшем и все пушки ее оказались подбитыми. Окруженный наступавшим противником личный состав батареи героически отбивался ручными гранатами. Когда запас ручных гранат подходил к концу, командир батареи по радио через командование сектора вызвал огонь на себя.

Под сосредоточенным огнем пяти наших батарей последние ее защитники погибли вместе с атаковавшим ее противником.

17 июня героически погибла в бою и 30-я батарея береговой обороны (командир батареи капитан Матушенко). Окруженная наступающими подразделениями противника, она до последнего снаряда вела по ним огонь. Подступы к батарее были завалены трупами солдат и офицеров противника, но атакующие группы врага продолжали наступать на батарею. В последний момент гарнизон батареи взорвал ее и сам погиб от взрыва в казематах» [195] (с. 197).

Вот что сами немцы пишут в одном из своих официальных отчетов о результатах этих первых дней своего по счету уже третьего наступления на Севастополь:

«Сухопутные (немецкие) войска выступили с такой артиллерией, которая по своему количеству и силе впервые применялась в германской армии. Из орудий разных калибров, начиная от минометов и кончая самыми тяжелыми орудиями в мире (на железнодорожных установках), проводится в течение пяти дней артиллерийская подготовка... Под прикрытием этого огневого шквала наступают дивизии 54-го армейского корпуса. Наступление, однако, наталкивается на планомерно оборудованную, сильно минированную и с большевицким упорством защищаемую систему позиций. Непрерывный губительный огонь артиллерии противника ведется по всем немецким позициям... Первые дни боев показывают, что под этим адским артиллерийским огнем противника наступление дальше вести невозможно» [196].

То есть враг, понеся просто ужасающие потери, был деморализован.

Но наши предатели с Лубянки и здесь поработали на славу — не позволили в период здесь относительного затишья заполнить наши склады снарядами. А потому очень скоро после начала германского наступления:

«Войска обороны стали терпеть крайний недостаток в боеприпасах... Когда не оставалось снарядов, контратаки стрелковых частей и подразделений поддерживались несколькими пулеметными очередями (боеприпасов для пулеметов и винтовок также не хватало) и ручными гранатами...

Вследствие недостатка в боеприпасах и малочисленности стрелковых частей [общая численность стрелковых частей 4-го сектора обороны к этому времени не превышала полутора – двух полков]... противник все чаще пробивал фронт обороны и выходил непосредственно к боевым позициям артиллерии. Так, 19 июня ожесточенный бой произошел на подступах к 12-й батарее береговой обороны. В этом бою батарея полностью уничтожила атаковавшую ее немецкую роту. Другие артиллерийские части и подразделения сектора уничтожили в этот день до двух батальонов пехоты противника, пять орудий сопровождения и подбили четыре танка.

20 июня пехота противника с танками, прорвав фронт обороны, вышла на огневую позицию 6-й батареи 57-го артиллерийского полка. Батарея самостоятельно отбила атаку огнем прямой наводкой, уничтожила при этом до двух рот пехоты, два противотанковых орудия и подбила три танка. В дальнейшем, израсходовав все снаряды, личный состав батареи присоединился к стрелковым подразделениям и участвовал в отражении атак огнем ручного оружия. Пехота и танки противника прорвались также к огневой позиции 8-й батареи того же полка. При отражении их атак погибла часть личного состава батареи... Тем не менее, батарея уничтожила до роты противника, подожгла четыре танка и только 21 июня по приказу командования вместе со своим полком отошла на подготовленные позиции в район Северной стороны.

Когда немцы с боями вышли к Северной бухте и заняли балку Сухарную, небольшая группа наших стрелковых подразделений и 57-й артиллерийский полк (в нем оставалось только 12 орудий) оказались прижатыми к бухте на фронте шириной менее километра. Противник непрерывно бомбардировал с воздуха и обстреливал

артиллерийским огнем этот небольшой участок земли, но защитники его в течение трех дней мужественно отбивали атаки пехоты и танков врага, нанося им потери.

В ночь на 23 июня по приказу командования оборонительного района остатки войск 4-го сектора обороны были переправлены через бухту ночью на катерах...

В это время от некоторых войсковых частей оставались только сводные подразделения; артиллерия достреливала последние снаряды...

1 июля противник оттеснил наши войска к западному побережью полуострова — в район эвакуации. 4 июля по приказу Верховного Главнокомандования они оставили разрушенный врагами Севастополь. Оставшиеся не эвакуированными орудия... были уничтожены. Последней была подорвана 35-я батарея береговой обороны.

Противник не захватил в Севастополе никаких ценных трофеев, сам же понес огромные потери. Только за последние 25 дней штурма Севастополя защищавшие его советские войска несравненно меньшими силами разгромили шесть немецких и три румынские пехотные дивизии и одну отдельную мотомеханизированную бригаду, четыре немецких отдельных пехотных полка и большое количество других частей.

Еще большее значение имело приковывание значительных сил и средств противника (целая 11-я армия) к крошечному участку фронта в течение целых восьми месяцев» [195] (с. 197–199).

Слово немецкой стороне. Вот что сообщает о своих ужасающих здесь потерях Манштейн:

«...я слишком хорошо знал, как обстояло дело в наших частях и соединениях. Полки насчитывали по несколько сот человек. Мне припоминается донесение одной снятой с переднего края роты, в боевом составе которой был один офицер и восемь рядовых. Как можно было с этими растаявшими частями и подразделениями завершить бой за Севастополь, когда 54-й ак стоял перед бухтой Северная, а 30-му ак предстояли тяжелые бои за захват позиций на Сапунских высотах?» [199] (с. 569).

И это притом, что немецкий пехотный полк имел по штату 3 049 боевых единиц, а пехотная рота — 201.

Так что и эта их победа выглядит Пирровой, о чем проговариваются сами же немцы.

А вот как обстояли дела у них там, где мы терпели и действительно достаточно серьезные военные поражения, о чем взахлеб, перебивая друг друга, так любят сегодня посудачить наши доморощенные германофилы:

«...обед и вечер провел у одного лейтенанта, командира автоколонны, который подробно поведал мне о своих переживаниях в России. В частности, он рассказал мне об ужасных боях, которые вынесла 294 ПД в последних числах марта, когда русские могли при несколько большем порыве легко вновь захватить Харьков. Однако еще раз это было предотвращено, позиции были удержаны при больших собственных потерях» [129] (с. 27).

Мы все прекрасно слышаны о наших потерях под Харьковом, но упускаем при этом из вида, что и немцы в обороне несли потери, мало чем в тот момент уступающие нашим.

А вот чего стоят басни о некоей стойкости немецкого солдата. Вот что об этом рассказывает офицер, получивший под свое командование совсем недавно покинувший поле боя батальон:

«Сначала он был вместе со всеми отброшен русскими со своих позиций. Оставление позиций нашими людьми было подобно бегству (Теперь, когда я точно знаю эти позиции и знаю о поддержке, которая имелаась здесь, я должен назвать это безответственным и непонятным)» [129] (с. 28).

Тут, как раз-то, понятно все: немец слишком труслив, а оттого и сбежал при первых еще самых малейших опасениях за свою шкуру. Но сила все еще была пока на стороне врага. А потому:

«Затем снова была отвоевана обратно часть села, и 9 апреля с помощью пикирующих бомбардировщиков и танков все село вновь перешло в германские руки» [129] (с. 26).

Однако ж его рубежи, по словам автора дневника, удерживать было достаточно не просто. Ведь окраины села, где обычно и строили свои рубежи немцы:

«...являются прекрасной целью для артиллерии, которая у русских особенно хороша» [129] (с. 29).

Как приятно услышать о силе русского оружия из уст врага, даже и в мыслях своих не имеющего намерений сделать своему неприятелю в чем-либо какой комплимент. Но явное превосходство нашей артиллерии отмечал и Рокоссовский, один из главных виновников сокрушительного поражения немецких войск под Москвой.

А вот кто является основной причиной наших поражений весны и лета 1942 года. Самые свежие сведения о намерениях советских войск немцам в тот период доставляли:

«...многочисленные перебежчики» [129] (с. 30).

Тут, что и естественно, следует глас возмущения: «Это наш-то русский солдат и являлся главным доносчиком на собственные войска»!?

Здесь, что и понятно, следует все же пояснить о национальной принадлежности этих «доброхотов»:

«Все азиаты...» [129] (с. 30).

То есть в период лета 1942 года нас постоянно предавали взятые по призыву в Советскую армию люди Востока, проживающие в СССР. И это нормально: тут не следует удивляться — в их религиозных законах это является чуть ли ни доблестью.

А вот и еще все на ту же тему:

«...Войну мы ведем, но кто знает к чему это приведет... Нет русского народа, а с нацменами далеко не поедешь, они все трусы и паникеры.

Тяжелое настало время...»

ЦА ФСБ РФ, ф.14, оп.4, д.912, л.158–159

(подлинник) [129] (с. 169).

И судя по этим строкам, а также и по всему уже вышесказанному на тему нац. меньшинств, следует все же заявить, что уж немцам ссылаться на дурную боеспособность своих союзников, из-за которой они, дескать, и проиграли войну, достаточно безосновательно. Ведь уже наших подобного рода вояк, то есть «национальные дивизии», прекрасно показавшие всю степень своей «боеспособности» в 1942 г. в Крыму, сравнивать с европейскими союзниками Гитлера достаточно не правильно. Так как венгры и чехи, например, продолжали воевать и тогда, когда наши войска были уже в Берлине. Но и румыны с итальянцами не могли собою являть хоть приблизительно сходное по неспособности к войне народонаселение, которого в наших «национальных дивизиях» было хоть отбавляй. Вот лишь один из примеров их массового дезертирства. То есть перехода на сторону врага. Сдавшемуся 106-й немецкой пехотной дивизии узбеки, что спешит нам поведать немецкий танкист, очевидец того события:

«...утверждали, что многие их товарищи разочарованы и хотели бы дезертировать...» [127] (с. 286).

Немцы решили облегчить им переход на свою сторону:

«Рота спустилась к берегу, и ее перевезли в несколько приемов через Донец на резиновых лодках. Командир роты, старший лейтенант, узбек по национальности,

первым прибыл в наши траншеи... результат этого предприятия сказался немедленно. 15-я узбекская стрелковая дивизия была отведена с фронта и расформирована, как ненадежная» [127] (с. 286).

И вот что на эту же тему мы находим в донесении от 22.6.41 г. командующему 8-й армии еще в самом начале войны, когда разговор о раздаче оружия относился к прибалтам — нашим западным «азиатам»:

«...оружие давать только безусловно преданным бойцам» (ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 1394, д. 23, л. 109)» [156] (с. 121).

И все потому, что:

«...местное население... считалось неблагонадежным. А это не могло не осложнить действия советских войск на территории Прибалтики» [156] (с. 121).

Между тем, у местных воинских формирований даже форма была не наша:

«Личный состав носил форму старой литовской армии, кроме знаков различия» [156] (с. 122).

Потому, что и вполне естественно, ждать от таких воинских формирований ведения боевых действий на нашей стороне было бы достаточно наивно. Что в основном тогда и было зафиксировано происходящими событиями тех дней:

«...перестрелки между русскими и литовцами были 22 июня и в последующие дни, пока все местное население не разбежалось из частей корпуса» [156] (с. 124).

И вот к каким последствиям это привело уже в первый день войны:

«Получился разрыв с Западным фронтом, который закрыть не имею сил ввиду того, что бывшие пять территориальных дивизий (литовские и эстонские) мало боеспособны...» [156] (с. 125).

Вот какие причины лежат в основе германских обходов наших войск в 41-м.

Такие же дыры, судя по всему, мы имели и от сдачи в плен азиатов в 1942-м. Потому-то немец и докатился до Сталинграда. И вот первую попытку справиться с данным явлением производит И.В.Сталин. В своем приказе от 28 июля 1942 г. он предлагает некоторые детали германского обращения с союзниками применить на наших азиатах и некоей засекреченной национальности парторботниках, оказавшихся в войсках:

«...когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им на месте расстреливать паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдать в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть одна лишь грабительская цель покорить чужую страну, а наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует» [129] (с. 444).

Однако ж у нас слишком долго шла раскачка предупреждений перехода на сторону врага наших азиатов. А потому сообщается, например, что:

«...51 армия ведет борьбу с бандгруппами на территории своих действий. В последние дни в боях захвачено 8 бандитов, бывших красноармейцев 110 кав. дивизии. Из предварительного опроса бандитов установлено, что руководителем бандгруппы является некий Баджаев».

Абакумов

*ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 326, л. 192–194
(копия) [129] (с. 201).*

И для пресечения подобного рода инцидентов еще в самом своем зародыше и был введен штрафбат.

А вообще, по части перебежчиков на сторону врага, наши азиаты перекрыли все возможные и даже невозможные нормы. На стороне немцев уже к весне 1942-го воевали:

«...Калмыцкий кавалерийский корпус и более **трех сотен “восточных батальонов и частей”**» [176] (с. 188).

То есть не с оккупированных территорий набрана вся эта армия изменников, но лишь еще из перешедших на сторону врага наших бывших красноармейских частей!

А ведь это не менее полутора сотни тысяч переметнувшихся на сторону врага наших бывших красноармейцев.

Но то было лишь началом. Лето 42-го предоставило немцам возможность уже формировать из перебежчиков азиатов не только батальоны, но легионы предателей:

«В 1942 году были организованы Туркестанский легион (объединял узбеков, казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков и таджиков) и Кавказско-магометанский легион (азербайджанцы, дагестанцы, ингуши и чеченцы)... Из крымских татар немцы сформировали Крымско-татарский легион и несколько охранных батальонов» [186] (с. 169).

То есть в эту войну нам приходилось воевать не только против всей Европы, поднятой Гитлером в крестовый поход на Россию, но и с предавшим нас поставленным под ружье в надежде защиты наших рубежей населением республик Кавказа и Средней Азии. Конечно же, не все это население воевало против нас, иные воевали и за нас. Только вот как они это делали, и какой от них был прок, видно лишь из того, что все те беды, которые напрямую увязаны с поражениями Красной Армии в начальный период войны, следует привязать к очень немалому проценту такого вот рода войск в рядах защитников страны. Ведь именно на проблемы, связанные с управлением национальными дивизиями, и указывают многие авторы перехваченных советской цензурой писем. Тех не дошедших до адресата посланий войны, которые сегодня стали доступны для прочтения всем желающим что-либо попытаться понять о ходе ведения нами этой во всех отношениях очень странной войны.

Но если у нас ненадежными народностями, чуть что перебегающими на сторону врага, были азиаты, то в лагере врага их место занимали поляки, в большом количестве уже летом 42-го принимаемые немцами на службу.

Из донесения ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР, с протоколом допроса военнопленного Э.Бичковского от 13 августа 1942 г.:

«Вопрос: Расскажите о настроениях солдат вашего подразделения?

Ответ: Настроение солдат нашего подразделения плохое. С первого же дня пребывания на передовой линии нам здорово досталось. Все наши атаки русскими отбивались...

Несмотря на продвижение германских войск на других участках фронта, многие солдаты в победу Германии не верят. Все без исключения боятся зимы и говорят, что с

приходом зимы будет очень плохо с подвозом продовольствия и боеприпасов, а так как русские зимой хорошо воюют, то все, кто останется здесь, обречены на гибель.

Вопрос. Как велики были потери, понесенные вашим подразделением в боях последних дней, и каков контингент прибывшего к вам пополнения?

Ответ. За пять дней боев с 3 по 8 августа, несмотря на отсутствие активных боевых операций, наша рота все же потеряла 20 процентов своего состава.

Прибывшее к нам в конце июля и в первых числах августа пополнение, примерно по 8–10 человек на роту, состояло исключительно из поляков. Все они абсолютно не знали немецкого языка и жаловались на грубое и **нетоварищеское** отношение немцев» [129] (с. 43).

Конечно же, поставленным на колени полякам от захвативших их территории немцев ожидать еще и *товарищеского* к себе отношения было бы достаточно не реально. Что и случилось. Однако же в данном откровении польского легионера прослеживается и достаточно настойчиво от нас упрятываемое решение этого якобы славянского народа о своем исконном месте в период похода объединенной Европы на Россию.

И второе: почему немцы вновь полезли в наши теперь уже степные просторы в преддверии зимы?

«По мнению некоторых оккультистов, в том числе и Гимmlера, благословение знамени со свастикой по ритуалу Черного ордена, проведенное на вершине Эльбруса, должно было символизировать покорение всего мира и начало новой эры. Теперь времена года должны повиноваться нацистам... после овладения священной горой триумф должен стать неизбежным. Поэтому, вопреки предостережениям метеорологов, нарушая элементарные понятия о военной стратегии, немецкие войска двинулись к Сталинграду, чтобы бронированным клином рассечь Россию на две части» [136] (с. 542).

Но Гитлеру вновь не повезло — колдуны опять его надули.

А вот и еще очередное сообщение УОО НКВД СССР от 15 августа 1942 г., где сообщается о слишком серьезном недоверии солдат рейха своему вожаку:

«По сообщению Особого отдела НКВД Сталинградского фронта, настроение немецких солдат, в связи с упорным сопротивлением советских войск под Сталинградом, резко снизилось. В гитлеровской армии стали учащаться факты антивоенных высказываний и отказа от выполнения приказаний...

Солдат 40 полка связи Ганн заявил: “Эта война безконечная. Мы представляли себе с начала, что когда немецкие войска займут, скажем, Украину, Москва подпишет кабальный договор и дело закончится. Но большевики оказались упорными людьми, и мы вынуждены углубляться все дальше вглубь России, а это очень опасно и совершенно безперспективно”.

Обер-ефрейтор 40 противотанкового дивизиона 24 танковой дивизии Штольберг категорически отказался выполнить приказание — доставить пакет на передовые позиции. В присутствии солдат он заявил: “Мне надоело подставлять свою голову под пули. Я уже сыт войной”.

Штольберг был расстрелян.

В Мариупольской тюрьме отведен целый корпус для арестованных солдат. Известны случаи, когда содержавшихся в этой тюрьме немецких солдат по приговору суда расстреливали.

Из показаний военнопленных известно о случаях дезертирства солдат-саперов из гарнизона г.Миндена (Германия). При этом были факты, когда солдат, пытавшихся бежать из казармы, расстреливали на месте.

Более широко распространены антивоенные настроения в войсках союзников Германии. Упадок воинской дисциплины в них принял широкий характер. Были случаи, когда целые части не выполняли боевых приказов, а соединения проявляли неустойчивость и разбегались под нажимом Красной Армии.

Особенно активный процесс разложения наблюдается в румынских частях.

Солдат 5-го егерского полка 1-й румынской дивизии Морин Диакон заявил:

“Солдаты потихоньку ругают Гитлера и Антонеску. Офицеры нам обещают, что после войны мы получим много земли в Трансильвании и на Украине, но мы думаем сейчас не о земле, а о том, как бы покушать”.

В середине августа 5-й пехотный полк румынской дивизии получил приказ перейти в наступление. Командир полка категорически отказался выполнить приказ, ссылаясь на нехватку людей. Полк с передовых позиций был снят и отведен в тыл.

В начале с.г. под ударами наших частей в районе Острогжска, разбежались две венгерские дивизии. 20 венгров за это было расстреляно, а для усиления гарнизона Острогжска был переброшен немецкий полк.

С Ростовского направления через станцию Ханженсково отмечено прохождение железнодорожного эшелона с закованными в кандалы итальянскими солдатами.

Взаимоотношения между немцами и их союзниками с каждым днем обостряются...

Немецкий солдат считает себя вправе сделать замечание офицеру румынской или венгерской армии. При совместном размещении немцы получают лучшие дома и, как правило, лучше питаются.

Это вызывает ненависть к немцам со стороны солдат других национальностей.

Абакумов

ЦА ФСБ РФ, ф.14, оп.4, д.326, л.269–270 (копия)» [129] (с. 46–47).

В добавление к вышеизложенному:

«”Дисциплина в румынской армии в буквальном смысле слова палочная: за малейшие провинности солдат жестоко избивают все начальники — начиная от малых и кончая большими. Наказание провинившихся солдат 25–30 ударами палки — обычное явление в румынской армии”...

Селивановский

ЦА ФСБ РФ, ф.14, оп.4, д.326, л.264–267 об.

(подлинник)» [129] (с. 116).

«Донесение ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР, с протоколом допроса военнопленного И.Химинского 16 августа 1942 г...

Вопрос: Каково было настроение солдат вашего подразделения?

Ответ: Настроение солдат нашего подразделения было неважное. Основной причиной этого служит то, что наше наступление на данном участке фронта русскими остановлено, и остановлено, по-видимому, настолько прочно, что дальше нам не продвинуться, а стоять для нас сейчас на месте — это гибель. Германии для ее спасения необходима победа в этом году, мы не в силах выдержать еще одну зиму, и все это понимают. Многие солдаты говорят: если до наступления зимы не наступит конец войны, то мы сами пешком уйдем из России, чего бы это нам ни стоило.

Вопрос: В чем вы видите необходимость для Германии закончить войну именно в этом году, и на основании чего вы считаете, что затяжка войны гибельна для Германии?

Ответ: Основным в этом вопросе является внутренне положение Германии. Анализ его говорит сам за себя. В феврале месяце 1942 года я еще был в Берлине, работал на заводе, имел знакомых на многих берлинских предприятиях, и я знаю в каком состоянии находится промышленность...

В Германии не хватает рабочей силы, а все попытки выйти из этого положения за счет использования иностранных рабочих и массового применения труда военнопленных желаемых результатов не дают. На нашем заводе один немец давал больше продукции, чем 5 итальянцев. Иностранные рабочие, как и военнопленные работают неохотно, причем это понятно, так как мало кто будет охотно работать, получая за это только полуголодный паек.

Не в лучшем состоянии находится сельское хозяйство Германии. Оно сейчас полностью лишено квалифицированной рабочей силы и держится исключительно на применении женского труда и труда военнопленных. Все деревни Германии переполнены пленными французами, югославами, поляками, греками...» [129] (с. 48–51).

Так какую же это форму труда изобрело в XX веке германское культуртрегерство, считающееся самым просвещенным из всех предыдущих?

Так ведь это же самое настоящее рабство! Вот к чему приводит и обязано привести слепое следование модам заграницы!

И вот как распрекрасно жилось в Германии собранным со всей Европы людям:

«Завод, на котором я работал, является одним из крупных заводов Берлина. На нем работают несколько тысяч рабочих, в основном высокой квалификации, так как все процессы на заводе полностью механизированы.

С начала войны против России с завода начали призывать рабочих в армию. Из 150 человек, занятых в цеху, где работал я, к февралю 1942 года было призвано свыше 100 человек. Все они были заменены французами и итальянцами» [129] (с. 51).

То есть две трети высоко квалифицированных рабочих было отправлено затыкать образовавшиеся после провала наступления на Москву бреши уже за первое полугодие войны. Не малую часть из оставшихся пока на заводе немцев подгрести затем и к лету 1942-го. Вот к какому времени у Германии уже практически не оставалось резервов!

И немцев заменили свезенные со всей Европы рабы, на описываемом предприятии пока именуемые вольнонаемными рабочими. Что не слишком-то и соответствовало действительности:

«Иностранные рабочие живут в специальных бараках, расположенных неподалеку от завода. Бараки обнесены колючей проволокой и напоминают скорее концлагерь, чем общежитие рабочих. Продовольственных карточек им не выдают, все питание они получают на заводе, кроме того, им причитается небольшая заработная плата, которой, однако, также не выдается на руки, а вносится администрацией завода на “текущий счет”. В цехах, где работают иностранные рабочие, находится охрана, следящая за тем, чтобы не было каких-либо актов саботажа или диверсий.

Рабочий день на заводе 10 часов, но обычно всегда приходится работать больше и по воскресеньям. Сверхурочная работа оплачивается только на 50 процентов» [129] (с. 51).

А вот что в описываемый период времени представлял собой Берлин:

«Население устало от войны, все хотят скорейшего окончания ее. В городе очень много раненых, все больницы, лечебницы, амбулатории и многие частные дома заполнены ими» [129] (с. 51–52).

А вот как Германия «кормила» мирное население на оккупированных ею территориях России. Имущество попавших в зону немецкой оккупации граждан, как заявляло германское правительство, является:

«собственностью министерства хозяйства и верховного командования вооруженными силами Германии в России» [129] (с. 52).

А потому:

«Все продукты учитываются...» [129] (с. 52).

И все что только ни пожелают изъять у мирного населения России оккупационные власти:

«...в организованном порядке отбирается у населения и поступает на снабжение германских войск.

15 августа 1942 г.

Допросили: Тарабрин

Тимашкова

ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 912, л. 75–77

(подлинник)» [129] (с. 52).

Однако ж параллельно данному роду не имевших ограничения поборов попавшего в оккупацию населения существовал и неорганизованный стихийный вид наведения этого нам всю плешь проевшего некоего «германского порядка»:

«Грабеж и насилия по существу поощряются командованием. Случаи наказания виновных неизвестны, а в ряде изданных распоряжений по существу узакониваются грабеж и вводится лишь в известные рамки» [129] (с. 112).

Так «кормили» завоеванное население немцы.

Все это было известно тогда многим. А потому даже в РОА складывалось следующее к ним отношение:

«”Все русские, то есть остовцы и военнопленные, не то что не любили немцев, а ненавидели их острой ненавистью. Да и было за что. Эти люди на собственной спине убедились, что немцы никогда не могут быть друзьями русских” (А.Г.Алданов. Армия обреченных. Изд. Архив РОА. Нью-Йорк, 1969. С. 10–11)» [136] (с. 62).

Эту явную враждебность к немцам со стороны власовцев подтверждает своими приказами и сам Адольф Гитлер, который:

«...в сентябре 1943 распорядился разоружить все добровольческие части и отправлять их в угольные шахты...» [142] (с. 181).

Впрочем, чуть позже, осознав полную невозможность без существенных потерь произвести это разоружение, он переменял свое решение, распорядившись:

«...перевести добровольческие части — на Атлантический Вал, против союзников» (там же).

И если кто-то думает, что в патологической враждебности немца к русскому человеку повинен лишь какой-то бывший ефрейтор, изобретший колоссальных размеров машину по истреблению людей, то слишком сильно в том заблуждается. Просто все то, что представляет собой извечно враждебный нам Запад, лишь повторилось в очередной раз. Ведь еще в первую мировую войну отношение именно к нашим пленным со стороны Запада было все тем же:

«Каторжный труд, издевательства, голод делали свое дело — русские пленные массами гибли... На неизменное кладбище около каждого лагеря постепенно “переселялись” его обитатели... На чужбине, в плену погибло около двухсот тысяч русских людей» [143] (с. 165).

И это все притом, что отношение к немецким военнопленным уже в наших лагерях было совершенно другим:

«...их смертность не превышала 4 процентов» (Там же)

Вот что, например, сообщали газете “День” по болезни отпущенные из германского плена в Швейцарию французы и бельгийцы:

«Из их рассказов вырисовывалась ужасающая картина издевательств и насилий над русскими во вражеском плену. “Русские страшно голодали. Все, что получалось, было адресовано определенным пленным либо пленным определенных наций. Среди

французов и самый круглый сирота имел свои полочки: хлеб, сахар, книги, табак, шоколад. У русских почти ни у кого ничего не было. Очень, очень голодают они. В каждом лагере есть как будто люди двух рас: русские и все остальные» [143] (с. 164–165).

Очень точно подмечено: **западноевропейцы, на самом деле, людоеды. А потому и действительно: они иной с нами расы. За что мы и были всегда ненавидимы ими. Но такое между нами вопиющее различие прекрасно осознавали лишь они, а потому всегда и поступали соразмерно своим на эту тему знаниям. Их к нам ненависть всегда вырисовывалась с достаточной очевидностью. Мы же, как это ни выглядит странным, людоедства своих соседей всегда почему-то старались не замечать. За то всегда как расплачивались ранее, так, если этого так и не поймем, предстоит нам расплачиваться и впредь. И перед третьей мировой войной эту странную ненависть к нам Запада хорошо бы намотать себе на ус. А в особенности тем, кто предполагает спасти себя предательством. Ведь все то, что происходило по отношению к русскому человеку в Майданеке и Освенциме, чем-то особо новым, что узнаем, вовсе не является, но было уже пройдено нами в 1-ю мировую войну, и скоро может повториться вновь — уже теперь в третий раз.**

Но и во второе на нас нашествие Запада пусть не сразу, но все же поняли русские люди, что не за комиссарскими тужурками пришли сюда охотиться немцы, но, как и в предыдущую войну, — лишь «за скальпом» русского человека. А потому сделали соответствующие выводы.

Вот один из них:

«Война сегодня — это ожесточенные схватки на снежных равнинах людей, привыкших к взаимным фокусам, не удирающих при виде танка. Люди обозлились, возненавидели врагов всем нутром, до зубного скрежета. Все чаще действуем штыком, молча или со злой матерщиной. Наш русский боец уже глубоко задет за живое и бьется с невероятной яростью...» (Отправитель Кадановский, 545 арт. полк) [136] (с. 214).

Немцам, судя уже по их письмам, наша такая по отношению к ним суровость выходила боком. О том они и сообщают друг другу в письмах:

«16 августа 1942 г...

Солдату Иосифу Енке от невесты: «...Все мужчины, которые еще выползают вечером погулять, или не достигли 18 лет, или старики, или безнадежные калеки»...

Ефрейтор Ганс Блюменгоф — Маркусу Люцемберггеру (4/V-42г.): «...Если подумать, сколько уже убито товарищей из тех, которые вместе со мной начинали в 1939 г. военную карьеру, приходишь в ужас. Жаль, что гибнет такой полноценный человеческий материал, а слабосильные и больные остаются в живых. Что же будет с нашим народом!...» [129] (с. 53–55).

Пусть не сокрушается, скоро Гитлер погонит под дула наших танков и больных, и хромых, и слепых, и вообще всех немцев, остающихся к тому периоду пока еще живыми. И за поголовье своего людоедского племени пусть не сокрушается также — необычайная похотливость немок, приученных не перечить прихотям завоевателей, не позволит сгинуть в небытие этому прирожденному народу-агрессору, в чьей крови теперь будет преизрядное количество крови: эфиопов и алеутов, американских негров и калмыков...

А вот как немец оголяет свою природную низость, даже ни на секунду не задумываясь о том, что этим животным эгоизмом выказывает нам все свое отношение к попавшему в лапы его людоедской народности плененному и совершенно беззащитному человеку. Письмо:

«Солдату Рихарду Краузе от брата(23/V-42г.): «...Мне рассказал один солдат, который лежал здесь в госпитале, что они обычно забирают у пленных русских сапоги.

Эти сапоги очень хорошего качества. Не сможешь ли ты мне выслать пару сапог...» [129] (с. 55).

А вот где по-особому оголена необычайная прожорливость нагрывшего к нам германца.

«*Старшему ефрейтору Гансу Валлерусу от Августа Малькуша (10/V-42г.):* “Во время всей кампании нам не было так скверно, как во время русского наступления. Когда мы продвигались, нам удавалось «организовывать» неплохое питание. Однажды, во время пятидневного отдыха я с приятелем сожрал 45 кур. Так было раньше, зато теперь мы должны изрядно голодать...” [129] (с. 55).

То есть это войско представляло собой гигантских размеров саранчу, выкашивающую все съестное на пути прохождения своих марширующих колонн. Но не только все съестное, но и все живое они не прочь были выкосить на своем пути:

«*Солдат Ганс — Эмили Цей (10/V-42г.):* “...Это письмо я пишу тебе из окопа. Снаряды и пули свистят мимо ушей. Позади три тяжелых боя. Вили Бир уже погиб. Мы надеемся, что война в России когда-нибудь закончится, если же нет, то мы покажем русским, что такое немецкая метла. Там, где проходит немецкий солдат, даже трава уже больше не растет...”

Селивановский

ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 943, л. 38–39 об.

(подлинник)» [129] (с. 55–56).

«Изголодавшиеся немки завидуют своим мужьям, грабящим плодородные советские земли, и подталкивают их к новым грабежам:

“...Из твоего письма я увидела, что тебе теперь хорошо: идешь и берешь литр молока или еще что-нибудь — этого мы себе здесь не можем позволить. От всего сердца желаем Вам и дальше такой жизни”.

(Из письма от 20 июля 1942 г. Элизабет Шванцер из Бреслау, Линденштрассе-52-II унтер-офицеру Фрицу Деллаху, полевая почта № 31672).

“...Скажи, есть ли там каракуль или другие меха. Я так бы хотела сделать для детей белые меховые пальто, а если меха не так хороши, то их можно применить вместо одеял. Пожалуйста, поищи там что-нибудь подходящее”.

(Из письма Кинцлер из Рид от 22 июля 1942 г. оберфельдфебелю Ганцу Кинцлеру, полевая почта № 31672)...

Михайлов

ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 326, л. 167–168 об.» [129] (с. 52).

А вот еще очередное свидетельство о том, что преступления нацизма не следует относить лишь к преступным приказам бонз третьего рейха. Гвидо Кноп, производивший для своей книги опрос переживших войну немцев, приходит к неутешительному выводу о том, что и гражданское население Германии было прекрасно осведомлено о преступной деятельности нацизма, на который оно и работало все это время неустанно:

«Дорис Шмидер-Гевинер утверждает, что ей уже во время войны было известно об “абажурах для ламп из человеческой кожи и вырванных золотых зубах”» [179] (с. 107).

Так что очень зря немцы пытаются после своего поражения прикинуться теперь невинными овечками, свалив все с ними случившееся на кого-либо еще. Нация агрессора не брезговала ничем, в чем сама и признается, — ни вырванными у попавших к ним в лапы людей золотыми зубами, ни абажурами из человеческой кожи. Мало того, она, эта нация, просто настоятельно требовала сапог, снятых гитлеровцами с попавших к ним в лапы русских солдат, а также каракулевых мехов для шубок своим малюткам, подрастающим людоедикам, в то самое время, когда в самой Германии с

продовольствием было достаточно тяжело, завидуя самим оккупантам, имеющим возможность в день сжирать до десятка кур, отобранных у русских бабушек.

А вот что сообщил на допросе о продвижении вперед марширующих колонн вермахта взятый в плен 14 августа 1942 г. бортмеханик разведывательного самолета «Фокке-Вульф» унтер-офицер Рупер Хольцер:

«...германские войска продвигаются только там, где им не оказывается серьезного сопротивления» [129] (с. 61).

И здесь, судя по всему, большим «подспорьем» в продвижении немцев к Сталинграду оказывали участки фронта, где они вступали в сражения с нашими «национальными дивизиями».

Немалую толику при поддержке наступления врага внесли и малограмотные в военном отношении комиссары, которых от власти в войсках удалось отстранить лишь к завершающему периоду Сталинградской битвы.

А вот как немцами оценивается значение обороны Сталинграда:

«...если он останется в руках русских, то все победы на Кавказе ничего не стоят...»

Германию губит время. Приближается осень. Теперь уже ясно, что до наступления зимы полностью реализовать намеченные планы германскому командованию не удастся. А еще одна военная зима — это гибель Германии, где бы ни находились немецкие войска» [129] (с. 61).

Вот что сообщил рядовой 384-й германской пехотной дивизии Риттер Курт, добровольно сдавшийся в плен 9 августа 1942 г. в районе Распопинская:

«Вопрос: Как велики были потери в вашей части?

Ответ: Особенно большие потери наша рота понесла в бою у Балаклеи, потеря при этом 2/3 личного состава. Подкрепление мы получили один раз в количестве... 15 человек. Сейчас наша рота насчитывает всего 59 человек. Должен сказать, что остальные роты не в лучшем положении. 5 и 7 роты насчитывают, например, только по 50 человек» [129] (с. 64).

А ведь штатная численность в немецких ротах где-то в районе 180 человек! И третья часть от них, несмотря на пополнения, оставалась уже в августе! Потому и дезертировал Риттер Курт, что никакой перспективы на будущее не видел. А умирать уж слишком ему не хотелось.

Вот что сообщает еще один такой же немец перебежчик. На этот раз рядовой 376-й пехотной дивизии, сдавшийся в плен 18 сентября 1942 г.:

«Вопрос: Что послужило причиной вашей добровольной сдачи в плен?

Ответ: Я — больной человек. В течение всего времени был вообще освобожден от военной службы, но сейчас в Германии на это не смотрят, призывают абсолютно всех. Призывали и меня... Я не вижу в русских врагов и не хочу быть убитым на фронте — это и послужило причиной того, что я добровольно сдался в плен...

Вопрос: Велики ли были потери, понесенные вашей дивизией в последних боях?

Ответ: В наиболее ожесточенных боях наша дивизия начала принимать участие с 5-го сентября. За этот период времени, то есть до 18-го сентября, мы понесли очень значительные потери. Роты, которые и так не были полностью укомплектованы, потеряли до 70 процентов своего состава. Сейчас они насчитывают по 30–35 человек. От дивизии фактически остался один номер.

Вопрос: Каково было настроение солдат вашего подразделения?

Ответ: Рота, в которой находился я, была укомплектована возрастом 30–35 лет. Это уже немолодые люди, имеющие семьи и не одурманенные гитлеровской пропагандой. Все они не хотят воевать, устали и не верят в победу. Все были убеждены, что германским войскам не удастся взять Сталинграда, говорили, что будет то же, что с

Москвой и Ленинградом. Солдаты нашей роты воевали только под страхом расстрела. Сейчас в германской армии установлен очень жестокий порядок. Во время боя, офицеры все время наблюдают за солдатами и, при малейшей попытке сдаться в плен или уклониться от боя, расстреливают на месте» [129] (с. 76–77).

Здесь, думается, следует искать и ответ на вопрос: зачем немцам в их танках требовался лишний, не воюющий, пятый танкист. Он был необходим для того, чтобы контролировать своих подопечных и, при случае, находясь у них за спинами, всегда иметь возможность расстреливать малодушных. Именно такими мерами всегда и наводился порядок у них в войсках. Так что со времен Фридриха Великого в германской палочной армии ничего не изменилось.

А еще немцев должен был подхлестывать страх повторения зимней войны в России:

«...командир нашей роты говорил, что необходимо взять Сталинград и отрезать Кавказ, причем он указывал, что мы должны понять необходимость идти сейчас на любые жертвы для того, чтобы добиться этого до зимы, так как на фронт сейчас уже брошено все, что только можно бросить.

Вопрос: сравнительно недавно вы были в Берлине. Каково положение сейчас там?

Ответ: Берлин, как столица, находится в несколько лучшем положении, чем другие германские города, но и то там очень плохо. Тяжело обстоит дело с продовольствием. Несмотря на запрещенную спекуляцию, на базарах меняют вещи на продукты, получают по карточкам сахар, меняют его на хлеб и масло, на деньги ничего нельзя купить. Город полон раненых» [129] (с. 77).

В довершение допроса добровольно сдавшийся германский солдат заявил:

«Я уверен, что, после первого крупного поражения немецких войск, в германской армии наступит полный развал и солдат не удержат никакими пулеметами» [129] (с. 78).

Так что затеявшим Восточную кампанию силам, еще только при подходе немцев к Сталинграду, стало уже ясно, что одной Германии, пусть и невероятно разбухшей от присоединенных к ней земель соседних к ней европейцев, для победы над Россией будет все-таки маловато. А подпитывать немца за счет прибавки к его войскам завоеванных им западноевропейцев тоже в тот момент являлось морально не оправданным. Здесь требовалось каким-то образом поменять вообще всю до того бытовавшую в гитлеровской армии германскую расовую доктрину на какую-то более ко всем европейцам лояльную.

А для этого, что и понятно, требовалось произвести лишь одну всех устраивающую рокировку в руководстве: убрать Гитлера. Причем, не потому, что он чем-то не устраивает заказчиков войны. Но лишь потому, что этого требовали на тот момент сложившиеся обстоятельства: разгромленный германский рейх требовал кардинальной замены вышедшего из строя механизма. Которым и являлся на тот момент немец, уже благополучно сгнивший к тому времени под Москвой. Ведь одного его для успешного завершения развязанной войны явно было теперь не достаточно в количественном отношении для противостояния русскому человеку. Потому требовалось заменить политику германского шовинизма на политику шовинизма общеевропейского: французского и бельгийского, голландского и норвежского, датского и греческого.

Ведь на тот момент уже было ясно всем, что тридцатипятилетними немцами, сплошь семейными и не желающими собой кормить ворон, войну выиграть было явно невозможно. Потому закулисе, затеявшей ее, требовалось лишь одно: убить Гитлера. Ведь лишь смерть диктатора была способна приступить к кардинальной замене уже к тому времени изношенного механизма, явно не способного к физическому устранению страны русского человека. И хоть сам коммунизм в России заказчиков вполне и устраивал, но не устраивал его тот народ, который сломал все планы «комитета 300»

для проведения всемирной глобализации. Потому требовалось теперь германский национализм заменить национализмом общеевропейским, после чего произвести прекрасно читаемую рокировку: заменить поход на Россию германских фашистов походом на все ту же страну западных «демократий». Ведь лишь в таком случае их можно будет вполне открыто, объявив войну коммунизму, поддержать Англии и Америке.

И вот железное подтверждение тому становится известным лишь после раскрытого покушения на него все тех же сил в 1944 г. Ведь слишком много немцев тогда было подвергнуто мучительным пыткам. Потому правда об этих покушениях на свою персону стала известна и Гитлеру, считающему себя и вплоть до самого своего ужасного конца устраивающим практически всех. И о том подтверждают сами сроки этих покушений. Ведь произошли они в тот самый момент, когда, следуя гитлеровской пропаганде, Германия находилась на вершине своего могущества:

«Между августом и декабрем 1942 года было предпринято пять покушений на жизнь Гитлера. Они не удались из-за случайных обстоятельств, и Гитлеру ничего о них не было известно» [177] (с. 288).

А ведь в случае их удачи нам грозила перспектива продолжения войны не с тайно объединенным против нас миром, но уже с коалицией враждебных стран, объединившейся официально.

Но нам, следует констатировать, крупно тогда повезло: пять раз кряду запланированное убийство Гитлера проваливалось. Не удалась такая же попытка и в 1944 г...

А вот как в период гитлеровского покроя демократии было поставлено отношение немцев к своим соратникам — братьям по оружию. Вот как приходилось воевать, например, итальянцам. Фрагмент допроса сержанта Овието Бандини:

«Итальянские дивизии несут огромные потери. Сзади итальянских частей расположены заградотряды немцев с автоматами, которые силой гонят итальянцев в бой. Все итальянцы с ужасом думают о приближающейся зиме. Взаимоотношения с немцами скверные. Немцы относятся к нам с презрением, называют оскорбительными кличками...

Вопрос: А каково сейчас внутренне положение в Италии?

Ответ: Италия сейчас стала нищей и разоренной страной, которой фактически правят немцы. Немецкие чиновники сидят на всех предприятиях, во всех министерствах. Города наводнены немецкими полицейскими и гестаповцами. Страна голодает... Из Италии все вывозится в Германию, начиная с продуктов питания и кончая музейными реликвиями, картинами... В стране полностью мобилизовано все мужское население и большинство отправлено на фронт. В городах и селах почти не видно мужчин, остались только старики, женщины и дети. Италия стоит на грани полного краха.

23 сентября

Допросил: Тарабрин» [129] (с. 79).

И если практически под гребенку было набрано на войну все население Италии, то становится ясно, что людские ресурсы этой страны очень ощутимо подпитывали военную машину Германию в войне против России.

В такую же колонию превратилась и союзная немцам Румыния. Свидетельствует военнопленный 18-й пехотной румынской дивизии Константин Стефанеску:

«Румыния сейчас полностью попала в руки Гитлера. Он бросил ее в войну против СССР, в результате чего уже погибло огромное число румынских солдат... В стране

очень тяжело с продовольствием, всего очень мало и дорого, города переполнены ранеными, растет недовольство. Большую роль в этом отношении сыграли налеты русской авиации... Румынские города наводнены немцами, полицейскими и гестаповцами...

Союзничество с Германией приносит нам одно разорение, из страны все вывозится в Германию, начиная с нефти кончая продуктами питания» [129] (с. 91, 92).

То есть полная аналогия Италии! И здесь и там немцы выступают в роли колонизаторов. Мало того, гонят на фронт все способное носить оружие население и выстраиваются у своих союзников за спиной в качестве заградотрядов. Далее:

«Солдаты идут в бой совсем не потому, что в них силен воинский дух или они видят в русских врага. Нет, основное здесь — это страх перед немецкими пулеметами, боязнь расстрела. Солдаты знают, что в бою либо убьют, либо нет (лучше всего если ранят), а в случае невыполнения приказа, саботажа и т.д. расстрел неминуем...» [129] (с. 91).

То есть сателлиты Оси оказались главными донорами Германии для выкачки из них материальных и людских ресурсов для ведения войны с Россией. Тут, судя по всему, даже у Наполеона было куда как меньше для этого возможностей.

Но и не только союзники имели право подчистую грести всех своих мужчин для пополнения колонн, отправляемых в бездонную смердящую трупом пропасть — на Восточный фронт. Возможность умереть за Гитлера получили даже представители завоеванных земель. Вот что сообщил следователю Тарабрину дезертировавший из германского войска поляк — Шмайдох Альфред:

«Пленный указывает на скверные взаимоотношения немецких и польских солдат. Немцы как бы презирают поляков и не доверяют им. То, что поляки сейчас направлены на передовую — вызвано только необходимостью, т.к. у немцев не хватает солдат.

Часть, в которой находился Шмайдох, в последних боях понесла значительные потери. В ротах осталось по 40–50 человек.

Настроение у солдат подавленное. Все устали от войны. Воюют без энтузиазма, а только в силу получаемых приказов, за нарушение которых — немедленный расстрел» [129] (с. 80).

Но не только всех своих союзников и солдат, даже набранных на оккупированных территориях, германская военная машина задействовала под Сталинградом. Вот что сообщает военнопленный Евгений Раух:

«Вопрос: Чем объяснить, что вы, будучи 1925 г. рождения, оказались в германской армии?

Ответ: Мой год официально в Германии еще не призывался, но много юношей 1925 г. рождения, в том числе и я, были мобилизованы на так называемый трудовой фронт. Нам объявили, что мы будем заняты на работах, необходимых для фронта, но на самом деле нас направили в качестве пополнения в германские части, находящиеся в России» [129] (с. 81).

Вот когда немцы начинают грести на фронт уже и семнадцатилетних! Так что Гитлеру не только в конце войны перед неизбежным крахом не жаль было подставлять необученных юнцов под наши пули. Затыкание всем возможным людским контингентом рвущегося по всем швам фронта началось еще летом и ранней осенью 1942 г. То есть уже тогда, когда о защите границ Германии вопрос еще не стоял.

«Вопрос: Вы недавно приехали из Германии. Расскажите о ее внутреннем положении и настроении гражданского населения.

Ответ: В Германии сейчас положение стало значительно хуже... Когда началось летнее германское наступление, то все ожидали, что может быть оно приведет к тому, что война кончится осенью. Сейчас всем ясно, что предстоит еще одна военная зима. Для Германии это почти гибель...

...Мужского населения почти не видно, имеются только старики и дети, а также полицейские и гестаповцы, которые не мобилизованы в армию.

24 сентября 1942 г.» [129] (с. 82).

Так что и в самой Германии летом 1942-го никакого хоть сколько-нибудь пригодного резерва для армии уже не наблюдается. Это подтверждается и цифрами:

«К осени 1942 на территории России находилось 266 дивизий врага, из которых 193 были немецкими [о чем гласят перехваченные письма, уже с весны получавшими пополнение пушечного мяса лишь в лице польских легионеров — А.М.], а 73 — европейских союзников Германии (Италии, Испании, Румынии, Венгрии и др.). Общая их численность достигала 6,2 млн. человек. На вооружении у них находилось 51,7 тыс. орудий и минометов; 5,1 тыс. танков и штурмовых орудий и 3,5 тыс. боевых самолетов.

Однако это было все, что могла выставить агрессивная Европа. Резервы ее в значительной степени исчерпались. Для ведения боев на советско-германском фронте протяженностью 6 200 км Германии уже не хватало сил. В октябре 1942 года немецкий штаб дает приказ о переходе к стратегической обороне на всем фронте, вместе с тем пытаясь безуспешно штурмовать Сталинград.

Если силы Германии подходили к концу, то боевые возможности России заметно возрастали. Если в начале войны Россия по многим военным показателям уступала Германии, то к осени 1942 года стала опережать ее — по численности армии в 1,1 раза, по основным видам вооружения в 1,4 – 1,5 раза (Военная история Отечества с древних времен до наших дней. М., 1995. Т. 2. С. 344)» [176] (с. 206–207).

Военнопленный Франц Хаммель, 1923 г.р., солдат 113 пехотной дивизии, сообщает о себе следующее:

«Впервые военнопленный принимал участие в боях 13 июля 1942 г., роты насчитывали к этому времени по 50–60 человек.

За месяц боев, т. е. до середины августа, дивизия понесла значительные потери. В середине августа прибыло новое пополнение, но численность рот могли довести только до 75 человек. В настоящее время они насчитывают по 35–40 человек. Нового пополнения не ожидается.

Говоря о настроении солдат германской армии, пленный указывает, что оно, главным образом, менялось в зависимости от питания... Всем солдатам надоело воевать, обещания командования они перестали верить. О взятии Сталинграда говорилось еще в августе, а бои продолжаются до сих пор и, по-видимому, германским войскам так и не удастся взять его. Приближается зима. Германские войска находятся в степи. Удобных зимних позиций построить не удастся, т.к. нет леса, а раз нет леса, то нет и топлива, придется мерзнуть» [129] (с. 83).

Но вот как захватчиками решаются проблемы отсутствия в этой местности леса:

«В тылу разрушаются деревни и лес подвозится к передовой линии» [129] (с. 84).

«Остановливаясь на обращении германских солдат с гражданским населением, пленный заявляет: "...Проходя через деревни, мы отбирали у крестьян молоко, яйца и птиц. Правда, это запрещено, но офицеры смотрели сквозь пальцы, да и сами посылали своих денщиков делать то же самое. Население встречало нас крайне недружелюбно. В одной из деревень, названия которой я не помню, мы остановились на ночь. Один солдат — Эрих Мюллер пошел ночевать в хату, а наутро его нашли на дворе заколотым вилами. Мы из деревни быстро ушли, но как потом рассказывали, отряд полевой жандармерии вел следствие и, несмотря на то, что зачинщиков не нашли, несколько жителей села было расстреляно"» [129] (с. 84).

Таким являлось немецкое «правосудие» на оккупированных землях.

А вот как они поступали с попавшими к ним в плен русскими людьми:

«Освободив х. Ново-Максимовский, Сталинградской области, наши бойцы обнаружили в двух кирпичных зданиях с замурованными окнами и забитыми дверями 76 советских военнопленных, 60 из них умерли от голода, часть трупов разложилась. Остальные военнопленные — полуживые, в большинстве не могущие от большого истощения подняться на ноги.

Как оказалось, пленные находились в замурованном здании около двух месяцев, — немцы постепенно морили их голодом, лишь изредка бросая куски гнилой конины и давая пить соленую воду.

Группа бойцов и командиров 25 гвардейского кав. полка составили акт в том, что при занятии полком 8 декабря 1942 года временно оставлявшихся им позиций, обнаружили 34 трупа зверски изуродованных красноармейцев и командиров, не эвакуированных с поля боя после ранения и попавших в руки немецко-фашистских оккупантов.

У замученных были изуродованы ножами лица, отрезаны носы, снята кожа с лица...

ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 1330, л. 17–17 об.

(подлинник)» [129] (с. 336–337).

То же творилось и в Сталинградском котле:

«В середине января 1943 года, сжимая кольцо окружения вокруг 6-й германской армии, наши войска захватили находившийся у села Алексеевка под Сталинградом пересыльный лагерь военнопленных, так называемый “Дулаг-205”.

На территории лагеря и близ него были обнаружены тысячи трупов военнопленных красноармейцев и командиров, умерших от истощения и холода, а также освобождено несколько сот истерзанных, истощенных от голода и до крайности измученных быв. военнослужащих Красной Армии.

В связи с этим Главным управлением “Смерш” было произведено расследование, в процессе которого выявлено, что немецкие офицеры и солдаты, выполняя установки германского военного командования, относились к военнопленным издевательски, зверски истребляли их путем массовых избиений и расстрелов, создавали невыносимые условия содержания в лагере и морили голодом.

Также установлено, что подобное зверское отношение немцев к военнопленным имело место и в лагерях для военнопленных в Дарнице под Киевом, Дергачах близ Харькова, в Полтаве и Россоши...

Показаниями Куновского, Лянгхельда и Мердера установлено, что существовало прямое указание высшего командования германской армии об истреблении советских военнопленных...

Так, *бывший офицер контрразведки при лагере капитан Лянгхельд на допросе 1 сентября 1943 года показал:*

“...Зверства, которые мы чинили над военнопленными, были направлены на истребление их...”

Кроме того, я должен сказать, что в своем поведении с русскими военнопленными мы исходили из особого отношения ко всем русским людям, существовавшего в немецкой армии.

В германской армии по отношению к русским существовало убеждение, являющееся для нас законом: «Русские — неполноценный народ, варвары, у которых нет никакой культуры. Немцы призваны установить новый порядок в России». Это убеждение было привито нам германским правительством.

Мы знали также, что русских людей много и их необходимо уничтожить как можно больше, с тем чтобы предотвратить возможность проявления какого-либо сопротивления немцам после установления нового порядка в России.

...Издевательства над русскими военнопленными чинились как солдатами, так и офицерами германской армии, имевшими какое-либо отношение к военнопленным”...

С 5 декабря 1942 года смертность среди военнопленных от голода достигала 50–60 человек в день, и к моменту освобождения лагеря войсками Красной армии погибло около 3 000 человек.

Бывший обер-квартирмейстер 6 германской армии подполковник Куновский на допросе 25–26 августа 1943 года показал:

“...Свыше 3 000 человек, которые могли в связи с разгромом 6-й германской армии выйти на свободу — нами истреблены.

Я думаю, что и те немногие военнопленные, что остались живы, никогда не смогут восстановить своего здоровья и останутся калеками на всю жизнь”

Бывший комендант лагеря Керперт на допросе от 23 июля с.г. показал:

“...Военнопленные были размещены в невероятной тесноте. Они лишены были совершенно возможности лежать и спали сидя...

...С 5 декабря 1942 года среди военнопленных начался настоящий голод, на почве чего среди них наступила большая смертность.

С 10 декабря ежедневно умирало около 50 человек.

Трупы военнопленных, умерших за ночь, ежедневно утром выбрасывались из землянок, увозились за пределы лагеря...”

...Кроме того, Керперт, Лянгельд и Медер показали, что германские офицеры и солдаты избивали советских военнопленных...

Военнопленных, доведенных голодом до сумасшествия, во время раздачи пищи, приготовленной из разной падали, травили собаками...

Лянгельд рассказал, что, производя допросы военнопленных, он сам, его фельдфебель и переводчик, в целях получения у них военно-разведывательных данных, избивали русских военнопленных. Также систематически избивали военнопленных охрана лагеря — солдаты и офицеры.

Лянгельд признался, что он провоцировал через свою агентуру попытки к бегству военнопленных, в результате чего они были расстреляны.

Подобная практика насилий, издевательств, убийств и провокаций широко применялась не только в Алексеевском лагере, но также, как это известно Куневскому, Лянгельду и Медеру, — и в других лагерях военнопленных.

Лянгельд показал:

“Обыкновенно я избивал военнопленных палками 40–50 см, но это было не только в Алексеевке.

Я работал в других лагерях военнопленных: в Дарнице близ Киева, Дергачах близ Харькова, в Полтаве и Россоши.

Во всех этих лагерях практиковалось избивание военнопленных. Избивание военнопленных являлось обычным в германской армии...”

...Куновский показал:

“Весной 1942 в Харькове, в лагерях военнопленных свирепствовал тиф. карантинные меры обезпечены не были, и в этих лагерях возникла высокая смертность. Об этом мне докладывали врачи...”

...быв. Военнослужащий Красной Армии Алексеев А.А. на допросе 10 августа показал:

“...В лагере была большая смертность, причиной этому было следующее: военнопленным за все время моего пребывания в лагере вовсе не выдавалось хлеба, воды... Вместо воды выгребали грязный окровавленный снег в зоне лагеря, после чего были массовые заболевания военнопленных.

Медицинская помощь отсутствовала. Я лично имел 4 раны и несмотря на мои неоднократные просьбы — помощь оказана не была, раны гноились.

Немецкие часовые стреляли в военнопленных без предупреждения. Я лично сам видел, как один военнопленный, фамилию его не знаю, во время раздачи пищи, пытался ножом отрезать клочок лошадиной шкуры — был замечен часовым, который в упор выстрелил в военнопленного и застрелил его. Таких случаев было много.

Спали на земле в грязи, от холода согреться абсолютно не было места. Валенки и теплую одежду у военнопленных отбирали, взамен давали рваную обувь и одежду, снятую с убитых и умерших...

Многие из военнопленных, не перенеся ужасов обстановки лагеря, сошли с ума.

Умирало в день по 150 человек, а в первых числах января в один день умерло 216 человек, о чем я узнал от работников санчасти лагеря.

Немецкое командование лагеря травило собаками — овчарками военнопленных. Собаки сбивали с ног ослабевших военнопленных и таскали их по снегу, а немцы стояли и над ними смеялись..."

...Керпет, Куновский, Лянгельд и Медер в совершенных ими преступлениях виновными себя признали

Следствие по делу продолжается...

ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 5, д. 1, л. 228–235

(подлинник) [129] (с. 363).

А вот как вели себя немцы с мирным населением, доверившимся германской пропаганде:

«С момента проникновения в город немецко-фашистские войска занялись разбоем и массовым ограблением населения. Это подтверждается свидетельскими показаниями, агентурными материалами и показаниями сотрудников комендатуры...

В городе подвергались ограблению музеи, общественные и культурные здания, заводы, квартиры и землянки. При этом отбирались ценные картины, ковры, предметы искусства, продукты питания, теплые вещи, обувь предметы домашнего обихода, даже детские платья и белье

Оказывавшие какое-либо сопротивление грабителям расстреливались или подвергались избиению и издевательствам...

Награбленные у населения вещи и ценности немцы отправляли посылками своим родственникам в Германию.

В северном поселке Баррикадного района немцы ограбили гр. Инину Е.Д., отобрали у нее шубу, сняли с ног чулки, а ее избили прикладами до безчувствия.

6-го октября 1942 г. два германских солдата ограбили женщину, шедшую с грудным ребенком на руках в сторону ст. Гумрак. После ограбления фашистские изверги ее расстреляли, вещи поделили между собою.

В октябре 1942 г. оккупанты ограбили дочиста квартиру рабочего завода "Красный Октябрь" — Зотова Георгия Федоровича. У него отобрали одежду, продукты питания, посуду и мебель, а его вместе с матерью, женой и двумя детьми 3-х и 7-и лет за оказание сопротивления расстреляли.

У семьи Киреевой, состоящей из 6 человек, немцы забрали последние остатки продуктов...

Особо широкие размеры приняли грабежи с момента окружения немецких войск под Сталинградом...

Разграбив квартиры, грабители занялись выявлением и откопкой ям, в которых население укрывало свои вещи и остатки продуктов.

Основной пищей ограбленного до предела населения в этот период было мясо и кожа убитых и павших животных, что приводило к массовым смертным случаям, заболеваниям и опуханию на почве голода и истощения...

После изгнания оккупантов, в подвалах главной конторы завода № 221 обнаружено до десятка трупов зверски замученных военнослужащих Красной Армии, среди них труп девушки, которой изверги выкололи глаза и отрезали правую грудь.

Отмечены так же факты зверских изнасилований немцами советских женщин:

В ноябре 1942 года три немецких солдата в присутствии мужа и детей изнасиловали жену шофера 25-го стройучастка...

В одной из землянок, в поселке завода № 221, на глазах у детей были изнасилованы две женщины, эвакуированные из Ворошиловграда. После изнасилования их обеих расстреляли» [129] (с. 422–423).

И вот что осталось от жителей города, из числа поверивших пропаганде оккупантов:

«После очистки города Сталинграда от немецко-фашистских войск, в городе (без Кировского района и неоккупированной части Краснооктябрьского района) учтено гражданского населения всего 7 655 человек...

В результате ограбления их немцами, систематического недоедания, употребления в пищу мяса павших животных, кошек, собак, жители доведены до истощения. Многие из них опухли и подверглись различным заболеваниям» [129] (с. 431).

Но почему же так удивительно легкомысленно поступило население города, вверив свои жизни в волю пришельцев с запада?

Населению города не верилось, что столь много лжи и смерти рассеявшая пропаганда советская в данный момент вдруг окажется права. Но случилось именно это. Ведь война велась не партией, но народом. И тем самым, который немцами был приговорен к тотальному истреблению. И это факт, а не смелая догадка лишь теоретического плана.

Вот и еще очередное подтверждение все на ту же тему:

«Работавший слесарем треста водоканализации Белоглазов (безпартийный), в беседе с нашим источником заявил:

“Я раньше плохо верил тому, что писали в газетах о зверствах немцев, а теперь испытал их на себе. Ноги целовал бы каждому красноармейцу за то, что они не дали умереть от рук немецких разбойников”.

Работница завода № 221 Кобликова О.И. (безпартийная) говорила:

“Я согласна еще много дней питаться кониной, только бы не быть больше у немцев”.

Копылова Любовь Тимофеевна, б. работница завода “Красный Октябрь”, в группе женщин заявила:

“Пусть будем жить в самых плохих условиях (имея в виду разрушения, произведенные оккупантами в городе), работать согласна круглые сутки, только бы не попасть больше к немцам”...

Власова В.С... среди жителей говорила:

“После того, как мы увидели немцев, румын и всю фашистскую свору, издевавшуюся над русскими людьми... Мы будем работать вдесятеро больше, чтобы скорей стереть с лица земли фашистских гадов”...

Отдельные профашистски настроенные элементы, хотя и ведут антисоветскую агитацию, но уже не встречают поддержки у населения города. Период временной оккупации, грабежи, насилия и зверства... заставили многих, ранее враждебно настроенных к Советской власти, пересмотреть и изменить свои взгляды и стать настоящими патриотами... Родины»...

ЦА ФСБ РФ, ф.3, оп.10, д.136, л.45–73

(подлинник)» [129] (с. 417–435).

Таково было русскому человеку попасть в лапы к вторгнувшемуся в его страну зверю! А потому вот какие письма писали солдатам на фронт:

«...Сынок родной! Если на твою долю выпало участвовать в освобождении Сталинградской области от фашистского зверья, пусть рука твоя не дрогнет... Бей сынок... эту сволочь запоганившую нашу любимую... Родину.

Гнать без оглядки эту зверообразную орду, чтобы... зиму 1942–43 гг. сделать последней для Гитлера и его клики...»

...«...Клянусь тебе родной отец и мать! Что в грядущих боях с немецко-фашистскими стервятниками буду драться так, чтобы запомнили навсегда фашисты, как дерутся русские»»

ЦА ФСБ РФ, ф. 40, оп. 22, д. 102, л. 94, 106, 207 (подлинник)» [129] (с. 367).

Из протокола допроса ефрейтора Дрейвеса Густава 71-й пехотной дивизии:

«...Если летом 1941 г. мы ехали в Россию, рассчитывая на “блицкриг”, а нам, крестьянам, обещали землю, то сейчас мы могли рассчитывать только на новые лишения и на 3 метра земли.

Вопрос: Вы находились в одной и той же части больше года. Как видоизменился личный состав за это время?

Ответ: Я все время находился в обозе. Наша рота непосредственно в боевых действиях участия не принимала, так что потери были сравнительно невелики. Но даже среди обозников сейчас насчитывается лишь около 50 процентов прежнего состава, учитывая раненых, возвратившихся в строй. В боевых же частях личный состав почти полностью обновился, причем главным образом за счет молодых и старых возрастов...»

23 сентября 1942 г.

Допросил:

Тарабрин

ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 912, л. 182–189 об.

(подлинник)» [129] (с. 86–87).

И вновь о необычайной как зачуханности, так и прожорливости солдат рейха. Из дневника немецкого солдата Альфреда Риммера, убитого во время боев в Сталинграде:

«14 июня — ...вши грызут до сумасшествия. В окопе я снял с себя сорочку и вот добыча — 17 больших и 12 маленьких вшей...»

24 июня — При обыске домов ели очень много яиц, пили много молока, ели хлеб и колбасу, масло мармелад, сахар и т.д. Колбасу мы ели без хлеба, т.к. просто уже не могли больше. Нашему отделению посчастливилось достать 3 куса копченого сала. После жиров и яиц мы облизывали пальцы» [129] (с. 106).

То есть германское культуртрегерство представляло собой некий своеобразный род саранчи, выкашивающий подчистую все то, что попадалось ему на пути. Гитлер знал про такое обжорство своего воинства, а потому все же пытался грабеж местного населения несколько упорядочить. Ведь интендантские склады, куда следовало определять все награбленное имущество вторгшейся к нам ордой, уже не позволят изголодавшимся культуртрегерам сжирать за день месячную норму, тем и подводя самих себя к плачевному итогу такого же рода обжирательствам французами.

А дела у них шли все хуже и хуже:

«Донесение ОО НКВД СТФ... с протоколом допроса военнопленного В.Зоммера

10 ноября 1942 г.

Вопрос:...

Ответ: В начале операции на Востоке роты имели полный состав 180 человек. За три дня до моего пленения, до начала последнего боя, т.е. 24 октября в боевом составе

нашей роты насчитывалось лишь 50 человек. Потери в последнем бою мне точно неизвестны, но я оцениваю их примерно в 15–20 человек. Таким образом сейчас в роте не более 30-ти человек...

Значительные потери нанесены нам огнем РС, солдаты боятся этого орудия и, последнее время говорили между собой: Ну, еще пару раз пропоет «Катюша», и от нас останутся только железные пуговицы”...

Вопрос: При каких обстоятельствах вы попали в плен?

Ответ: Я сдался в плен во время русской атаки 27-го октября. Наша рота занимала рубеж обороны южнее Сталинграда в районе Капитоновки. Во время русской атаки, после обстрела “Катюши” остальные солдаты из нашего отделения были убиты или удрали. Я тоже еще имел возможность убежать от русских солдат, но боялся, что меня застрелят.

Вопрос: Национальный состав вашей части?

Ответ: По национальности в дивизии исключительно немцы» [129] (с. 120–122).

Такова «доблесть» наших врагов в Великой Отечественной войне: драпали без оглядки, но лишь тогда, когда еще имелась возможность как-то попытаться увернуться от пули в спину. Если же нет, то бросает оружие и лапки кверху.

А вот и еще совершенно аналогичный вариант ведения войны немцами:

«Вопрос: Каковы обстоятельства вашего пленения?

Ответ: ...русские открыли сильный артогонь. Мы спрятались в блиндажи.

Внезапно огонь был перенесен в глубину нашего расположения, а в непосредственной близости появились русские танки и множество пехоты.

Бывший со мной товарищ предложил бежать назад, но русские войска были уже настолько близко, что мы были бы немедленно застрелены.

Я бежать отказался. Товарищ выскочил из блиндажа и был тут же убит.

Бой шел уже в глубине нашей обороны. Я спрятался глубже в блиндаж и решил “ждать событий”, а когда передовые части прошли вперед, вылез и сдался в плен» [129] (с. 299).

То есть наш «храбрый» германец, воспетый в сагах, что для этой нации выглядит делом вполне закономерным, дождался этих самых «событий» и благополучнейшим образом поднял «лапки кверху» — как учили.

И это нам теперь становится известно о немцах. Но ведь за них воевали куда как и еще менее стремящиеся проливать свою кровь народности из воинства интервентов: поляки, хорваты, венгры, румыны, итальянцы, финны, чехи, эстонцы, латыши, словаки, бендеровцы, власовцы, словаки, молдаване, а так же вольнонаемные солдаты удачи практически из любой западноевропейской страны.

Как улепетывали от наших «катюш» они?

Вот что говорят разгромленные нами румыны:

«Под напором русских мы вынуждены были отступить. К утру мы ждали подкрепления, но его не последовало; от 4-го эскадрона, имевшего в своем составе 160 человек, осталось в живых 20–40 человек, не меньшие потери понесли и другие эскадроны нашего полка. Русские прорвали наши укрепления, оставшиеся в живых солдаты в панике бежали, но по ним был открыт огонь со стороны немцев; многие были убиты, в том числе и командир 4-го эскадрона.

Я же был взят в плен красноармейцем» [129] (с. 321–322).

Еще раз о геббельсовской пропаганде:

«...В правдивости кое-каких официальных германских сообщений приходится сомневаться. Например, в июне 1942 года было опубликовано, что с начала войны с

СССР и до весны германская армия потеряла 265 тыс. солдат, из них 83 тыс. за зиму. Я считаю, что эти данные преуменьшены.

Вот в нашей семье, в армии было 4 человека: дядя погиб под Ленинградом, брат тяжело ранен там же, я в русском плену и только другой дядя еще находится в строю. Я не имею основания думать, что только наша семья так несчастлива, поскольку безконечные объявления об убитых, ежедневно помещаемые в газетах, заставляют думать, что и в других семьях такое же положение.

...*Вопрос:* Читали ли вы советские листовки и какого вы о них мнения?

Ответ: Я видел всего три советских листовки и все они касались потерь. Что ж, когда в листовке написано, что германская армия имеет огромные потери, что дорога на Сталинград превратилась в дорогу смерти, что в ротах осталось по несколько десятков солдат — каждый читающий вспоминает о своей части и думает: “Да, это правда”...

Протокол допроса записан с моих слов правильно, мне прочитан на немецком языке:
Вольдемар Зоммер

Допросил:

Потапов

ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 326, л. 307 (подлинник)» [129] (с. 120–128).

И вот что еще особо сближает наш «совок», некоторыми и по сию пору столь в счастливых грезах лелеемый, и социализм несколько иной — от Адольфа Гитлера. В вышеприведенном документе читаем:

«Денег в настоящее время подавляющему большинству хватает, так как купить на них все равно нечего. Я получал рабочим-токарем 200 марок в месяц, а техником 280 марок. Расходовал 27 марок на квартиру и 100 марок на питание, выдаваемое по карточкам. Большую поддержку в смысле питания давал мне мой личный огород.

Остальные деньги тратить было некуда...» [129] (с. 128).

Это точная копия начала уже теперь нашей сегодняшней войны, неизвестно кем у нас развязанной. Ведь в 90-х годах XX века, когда даже сигареты и спиртное выдавались на талоны, наше уже вроде бы как и постсоциалистическое общество слишком явно напоминало социализм в Германии времен Адольфа Гитлера.

И все же: как же так случилось, что имеющая столько проблем какая-то грязная необученная мародерствующая толпа пришельцев все же не канула в лету еще летом в придонских степях, но протиснулась аж до самого до Сталинграда?

Здесь нам здорово помогли все те же ничего в военных действиях не смыслящие комиссары. В том числе и бригадный комиссар Поппель, накопивший свои мемуары о войне. Но вот как о тех днях и тех руководителях сказано в докладной записке ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР «О недочетах в боевых действиях 23-го танкового корпуса за период с 1 по 10 июля 1942 г.»:

«1.7.42 года 6 и 114 танковые бригады начали наступление, не имея данных о силах противника, без организации взаимодействия с пехотой, артиллерией и авиацией.

В результате такой неорганизованности, танки были встречены из засад активным артиллерийским огнем противника во взаимодействии с авиацией, что сразу нарушило боевой порядок наступающих наших танков.

Вследствие непродуманного наступления, части корпуса потеряли только за два дня боя до 30 танков и с боем отошли на восточный берег реки Оскол.

Таким образом задача — приостановить противника 23 танковым корпусом — выполнена не была по причине неправильного руководства частями со стороны командующего 28 армии генерал-лейтенанта **Рябышева** и члена Военного совета бригадного комиссара **Попеля**, а противнику удалось форсировать реку Оскол и продвинуться на восток.

С переходом частей танкового корпуса на восточный берег реки Оскол для занятия обороны в районе Принцевка, Пески, Терехово, Хохлово и Колосково установлено, что пехота 13 гвардейской СД, которая должна была занять оборону в этом районе, отсутствовала.

Командование корпуса выехало к члену Военного совета 28 армии **Попелю** с докладом о создавшемся положении.

Попель, вместо того, чтобы принять соответствующие меры, взял карту и заявил:

“... У меня на карте пехота 13 гвардейской стрелковой дивизии занимает оборону. Вы ничего не знаете. Езжайте и не создавайте панику”.

К исходу дня 3.7.42 года противник, использовал отсутствие пехоты, переправил автоматчиков через реку Оскол и занял село Колосково» [129] (с. 153).

Вот и вновь сочинивший на войну свою версию мемуарист слишком явно выглядит не в лучшем свете. Потому его мемуарная стряпня не может не обязывать иметь к ней и соответствующего отношения:

«В мемуарах Н.К.Попеля достаточно много ошибок и нестыковок...» [146] (с. 319).

Но уже и тогда с этим партийным выдвиженцем все было ясно не только нам, но и руководству. А потому:

«Командующий 28-й армии генерал-лейтенант **Рябышев** и бригадный комиссар **Попель** от занимаемых должностей отстранены.

Селивановский

ЦА ФСБ РФ, ф.14, оп.4, д.222, л.1–7

(подлинник)» [129] (с. 158).

Отстранен, понятно дело... Но уж слишком поздно. Враг к тому времени подошел к Сталинграду.

Вот одно из писем домой, где защитник Родины сообщает о том страшном геноциде, который творился по отношению к оставляемому Поппелями и К^о в плен немцу мирному населению России:

«Еще в мире не было такого заклятого врага и ни одна страна не вела такой войны, как ведет сейчас наша. Я был в окружении, видел, как он расправляется с мирными жителями, все грабит, убивает жен и детей...» [129] (с. 165).

А вот что сообщается в перехваченных цензурой письмах на счет все тех же Поппелей, Мехлисов и их сообщников:

«Начальник штаба артиллерии 76 СД капитан Свечкар, в беседе с работником штаба, 26.7.42 г. заявил:

“Нас предали. Пять армий бросили немцу на съедение. Кто-то выслуживается перед Гитлером. Фронт открыт и положение безнадежное, а нас здесь с 6 июля маринуют и никак не определяют. Разбросали дивизию и умышленно сделали ее недееспособной, тогда как можно было ее укомплектовать и бросить в бой...”

Косолапов

ЦА ФСБ РФ, ф.14, оп.4, д.912, л.153–154

(подлинник)» [129] (с. 168).

Так что же этих вроде бы и выявленных врагов народа тогда же к стенке не поставили?

Такова, судя по всему, была в те времена «всевластность» Иосифа Виссарионовича...

После объявления приказа НКО за № 227 появились следующие о его чрезмерной мягкости суждения:

«После объявления приказа НКО отдельные бойцы и командиры частей, ранее входивших в состав Юго-Западного фронта, высказывают недовольство тем, что за

неорганизованный отход и потерю отдельных армий ЮЗФ никто не понес ответственности» [129] (с. 185).

То есть, иными словами, ставится вопрос: почему не были расстреляны предавшие Родину политкомиссары высших рангов? Почему Мехлиса не расстреляли точно так же, как Мехлис в начале войны — Павлова?

Только лишь потому, что эти «кто-то» *выслуживаются*, на самом деле, вовсе не *перед Гитлером*, но перед упряманной от нас какой-то сверхсекретной партийной структурой с Лубянки в лице лишь пока здорово в данном эпизоде войны засветившихся Мехлисов-Попелей. А самого себя к стенке, как известно, никто никогда не приговорит.

Потому предательства продолжались:

«За время боевых действий, отмечен целый ряд фактов проявления трусости со стороны командно-начальствующего, а также рядового состава.

Например:

23 августа с.г. противник под прикрытием авиации прорвал линию обороны 4 и 166 СП, которые в беспорядке стали отходить.

Командир 4 полка майор Яров и военком батальонный комиссар Сергеев, вместо организации планомерного отхода, бросив полк, бежали с поля боя.

Командир 116 СП майор Козин, военком батальонный комиссар Беликов и нач. штаба полка капитан Тищенко также бежали с поля боя, причем на КП полка оставили сов. секретные документы и кассу полка.

15-го августа с.г. огневые позиции артполка 22-й истребительной бригады подверглись бомбардировке авиацией противника.

Командир полка майор Чирков и военком Петров, проявив трусость, бежали с поля боя. Полком никто не руководил.

Особыми отделами по фактам проявления трусости ведется расследование с целью привлечения виновных к уголовной ответственности» [129] (с. 211).

Однако ж предательства и трусость командного состава Красной Армии не прекращались. А потому, в конце концов, стали применять и к ним подходящие меры: «Заградительным отрядом Особого отдела 62 армии с 13 по 15 [сентября] задержано 1218 человек военнослужащих; из них расстреляно — 21, арестовано — 10, остальные направлены в свои части. Большинство задержанных относятся к войскам 10 дивизии НКВД и связному полку 399 стрелковой дивизии, который был брошен на поле боя командиром и комиссаром полка.

За проявленную трусость — бегство с поля боя и оставление части на произвол судьбы, командир связного полка 399 стрелковой дивизии майор Жуков и комиссар — ст. политрук Распопов расстреляны перед строем» [129] (с. 207).

Однако ж виновных в бегстве 10 дивизии НКВД, что вновь понятно и естественно, никто и пальцем не тронул. Но они почувствовали, что пришло время братья и за них...

Вторым фактором, повлиявшим на вынужденный отход наших войск, вплоть до Сталинграда, после выявления этой опутавшей армию какой-то засекреченной касты предателей, являлось явное отставание наше в технических средствах.

Об этом мы знали давно, знали всегда. Но вот сегодня фальсификаторы отняли у нас такую весьма странную возможность — уступать всей Западной Европе собранной вкуче в технических средствах.

Не будем и здесь доказывать, что верблюдами не являемся. Ведь это положение видно за версту лишь еще из содержания писем обыкновенных людей, еще не

ознакомленных с нынешними изобретателями нашего технического над Европой преобладания.

«...Плохо в том, что нет порядка ведения войны, от которого зависит победа. Пехота его нам не страшна, но он бомбит с воздуха по целому часу и пускает в бой много танков, в это время воздух дышит звуками моторов и кусками стали, просто голову нельзя поднять... Когда нет авиации противника, мы имеем каждый день успех, а с появлением авиации мы теряем эти успехи...». Док. “К” (от *Посулько Н.И., из ППС 1489*)» [129] (с. 196).

«...Нам говорят на второй фронт не рассчитывайте и не надейтесь, а разгромить немцев мы должны своими собственными силами. У немцев до черта техники. Автоматчики, мотопехота, танки, авиация и пр. У них на передовую солдат добрасывают на машинах и прямо с машины идут в наступление, наша пехота совершает броски пешком и в бой подчас вступает усталая, ослабевшая. Отсюда у них большая маневренность. В этом отношении у нас улучшилось по сравнению с 1941 годом, но еще не везде, по-моему, в нашей армии еще много предательства, ибо не могло так быть, за несколько дней отбросили нас от Харькова за Ростов, почти к Сталинграду, Черкесску, Майкопу, Краснодару. Возвратить это труднее, чем было удержать. Обстановка накалилась...» Док “К” (от *Ифедова В.Ф., из ППС 1487,372 ОСБ...*) [129] (с. 196).

«...В последних боях меня разочаровала своя часть, нет той боевой, которой она была сначала. Под Керчью и то лучше было, или это потому, что новые командиры, но последний бой проиграли, т.к. плохо были расставлены кадры. Могли не 1 000 разбить, а 2–3–4 такие там возможности были...» Док. “А” (от *Русинова В.И., из ППС 758*)...

“...Опишу бездарное наше положение. До фронта доехали с горем пополам, по приезде на второй день вступили в бой с немецкими танками и пехотой, и мы были разбиты вдребезги, немного осталось от дивизии... Немец воюет не считается, по одному человеку бьет из пушки, а нам на человека жалко пулеметной очереди...» Док “К” (от *Трушкова Я.А., из ППС 1489,358 ПАХ...*)

“...Сегодня весь день авиация немчуры не давала никакого покоя, хоть зарывайся на 100–1000 метров, а достанет. Наших самолетов не видно было целый день, и это не только сегодня, но было вчера и будет завтра... Ой, сколько сегодня на нашем направлении было самолетов, это ужас и главное то, что одна партия уходит, а другая приходит. Ну где наши самолеты, почему они нам не помогают?...» [129] (с. 197).

«...На нашем участке идут ожесточенные бои и не помогают «Сталинские соколы». На нашем Котельниковском направлении идут уже больше недели упорные бои с танками и мотопехотой. Их силы превосходят наши в три раза на этом участке...

...Да, если бы в тот момент, когда мы перешли в наступление, пришли бы на помощь наши самолеты, то конечно немца бы погнали, как сидорову козу... Только одно утешение, когда заговорит «Катюша», уж тут-то она дает перцу немчуре. Только из-за нее спасение...» (от *Квасова Г., из ППС 1728,265 истреб. Противотанковый д-н...*) [129] (с. 198).

«...В августе 1942 г. на нас наступали 68 фашистских танков, они наводили на трусов ужас и заячья душенька трусов — командира и комиссара нашей части не выдержала, они скрылись с поля боя. Мы остались без руководства. Тогда я пригласил к себе командира б-на тов. Овчаренко, предложил ему командование частью, а сам взял на себя комиссарство, часть была спасена. Люди не дрогнули. За 5 дней 12 атак танков были отбиты с большими потерями для немцев. Мы полностью сохранили своих людей...» Док. “А” (от *Корамолиева В.П., из ППС 1705...*)...

И.Штау

ЦА ФСБ РФ, ф.14,оп.4,д.913.л.27–31

(подлинник)» [129] (с. 198–199).

И вот как меняются настроения защитников Сталинграда ко второй половине сентября:

«...Я сейчас нахожусь на Сталинградском фронте, день и ночь мы ведем жестокие по своему содержанию бои...

...мы с каждым днем тесним врага от Сталинграда, от Волги и Сталинград мы ему ни за что не отдадим. В этих неравных боях мы ему наносим большие поражения.

Вот на этих днях, в одном бою, моя рота, которой командую я, уничтожила более 300 фашистских солдат и офицеров, этих завшивленных паразитов.

На сегодняшний день, я пока не в долгу перед Родиной, и на своем счету имею не один десяток уничтоженных фашистов. Кровь, проливаемая нами на полях сражений, не проходит даром — до последней капли крови мы будем громить врага, до полного его уничтожения...”

Действующая армия, ППС 923 МСБ — 2 рота Трубачева И...

“...передо мной кровавый фашизм, принесший на нашу землю столько страданий, издевательства и мучений нашим матерям, отцам, женам и детям и ...мой долг уничтожить их без конца до тех пор, пока бьется в моих жилах кровь...

...и в грядущем бою я буду истреблять этих головорезов не жалея сил и самой жизни, для полной победы над врагом. Победа будет за нами. Враг будет разбит!...”
Док. “А”

Отправитель: ППС №2287, в/ч №115, Пушкин Сергей...

ЦА ФСБ РФ, ф. 40, оп. 22, д. 102, л. 17, 43–44, 86

(подлинник)» [129] (с. 219–220).

Так что совсем не комиссары или заградотряды, что пытаются нам внушить фальсификаторы, привели к победе в Сталинградской битве. Зверства оккупантов над мирным населением и военнопленными отрезвили русского человека, понявшего, наконец, что от немца пощады не жди. И что только полная и безоговорочная победа способна спасти его родных и близких. И его, в том числе, самого.

Но слишком явственно теперь начинает проступать и другое: обнаруживается какой-то странный заговор высшего аппарата партработников против Сталина. Этот заговор работников Лубянки и является причиной поражений весны и лета 1942 г.

Конечно же, здесь просматривается и слишком низкая боевая готовность набранного пополнения из азиатских народностей. Ведь именно они толпами шли сдаваться в плен, заодно выбалтывая врагу все наши секреты. Потому немцам и разведки-то никакой не требовалось вести — все, что нужно, им приносили перебежчики. Но и техническое превосходство врага было настолько подавляющим, что и оно никак не могло не сказаться на результатах летних сражений. Сюда же следует добавить и предательства, все продолжающиеся происходить со стороны второй власти страны — подчиненных Лубянке ленинских, а на самом деле, что уже определили, троцкистских большевиков-ленинцев, исполняющих роль комиссаров в соединениях Красной Армии. И даже союзники наши липовые в тот ответственный для судьбы России момент от переправки к нам судов с военным грузами временно отказались. Ожидали, вероятно, серьезных перемен на Восточном фронте.

Так что все было в тот момент на стороне неприятеля. И даже наши «союзники».

Но враг, захлебнувшись в собственной крови, Сталинграда так и не взял. И когда уже стало совершенно ясно, что аппарату Лубянки власти у Сталина не отобрать, был издан указ, уничтожающий и всякую надежду на реванш этой и по сию пору держащей власть в стране упряпанной от людских глаз партии масонских подземелий:

«Выход в свет постановления Президиума Верховного Совета Союза СССР и приказа Народного Комиссара обороны “О ликвидации института комиссаров в

Красной Армии” вызвал оживленные реагирования со стороны военнослужащих частей и соединений Сталинградского фронта.

Большинство реагирований по данному вопросу носит положительный характер и военнослужащие правильно понимают решение правительства, вызванное необходимостью введения полного единоначалия...» [129] (с. 227).

И это *правильное понимание* сводится к следующему тезису:

«Неудачи на фронте были следствием военной неграмотности комиссаров» [129] (с. 227).

Однако ж, похоже, что не просто неграмотности, но именно предательства. К тому примешивалась и полная некомпетентность партработников в военном деле:

«...было какое-то двоевластие. Командир боевой, с хорошей выучкой, должен был подчиняться какому-то неучу...» [129] (с. 234).

А вот какие цифры опровергают версию, что якобы выстрелы в спину заградотрядов не позволили рассыпаться Сталинградскому фронту:

«Заградительными отрядами с начала их формирования (с 1 августа по 15 октября с.г.) задержано 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта.

Из числа задержанных: арестовано 3 980 человек, расстреляно 1 189 человек, направлено в штрафные роты 2 776 человек, штрафные батальоны 185 человек, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 131 094 человека» [129] (с. 230).

То есть расстреливался лишь один из сотни дезертиров. Чуть более угодило в штрафники. Остальные просто распределялись по частям.

На стороне противника, думается, уж вряд ли хоть одного такого беглеца среди румын или итальянцев, венгров или поляков пощадили бы немцы, исполняющие роль заградотрядов. Для них отстрел союзников был делом вполне естественным, не требующим хлопот и не сулящим за слишком жесткие меры понести какой-либо ответственности.

Вот настроения ноября:

«”Находясь в армии, ясно себе представляешь, что нет на свете той силы, которая смогла бы сломить нашу русскую силу.

Я призван оружием, а если потребуется телом заслонить дорогу врагу, чтобы спасти Вас и семьи погибших братьев от кровавого позорища...

Самое главное разреши тебя заверить, дорогая моя сестрица, что мы не сегодня завтра должны встретиться с погаными, вшивыми, проклятущими полчищами и я, как гвардеец и мое отделение, тоже гвардейцы, поклялись, ни шагу назад, а если кто нарушит нашу клятву, то я пушу пулю в затылок и своим бойцам сказал, если я побегу, то меня уничтожайте...” [129] (с. 261–262).

Сталинград

И враг все же был остановлен. С большим для него уроном:

«В результате тяжелейших для обеих сторон оборонительных и наступательных операций гитлеровская Германия потеряла под Сталинградом более полутора миллионов человек, громадное количество боевой техники, и, как показали последующие события, это был важнейший этап на пути к нашей полной победе в Великой Отечественной войне. В истории нет пока другого примера, чтобы менее чем за три месяца перестала бы существовать такая многочисленная армия, да еще при отсутствии у ее победителя общего превосходства в силах и средствах» [104] (с. 63).

Вот как проходило это сражение:

«К началу битвы оборудовать все рубежи не удалось. Но даже не полностью подготовленные, они сыграли значительную роль в развернувшихся сражениях.

В период Сталинградской битвы, когда стойкость и мужество советских войск приостановили продвижение врага, в военных сводках германского командования сообщалось о наличии под Сталинградом мощных укреплений, которые якобы и сдерживали наступление 6-й армии. На самом деле оборонительные обводы представляли собой сооружения полевого типа.

По этому поводу участник боев под Сталинградом бывший гитлеровский генерал Г.Дерр позже писал: «Немецкая пропаганда называла эти полевые позиции «внутренним и внешним крепостным поясом» и вызывала у многих впечатление о Сталинграде как о крепости. Этот термин даже часто применялся к Сталинграду. Это все не соответствовало действительности...» [Г.Дерр. Поход на Сталинград. Перевод с немецкого. М., 1957, с. 37]» [35] (с. 155).

Так что сами немцы свидетельствуют, что остановили их не какие-то там особые укрепления или сверхновые вооружения противника, но остановил русский солдат, ставший непреодолимым препятствием на пути к нашей Волге. А ведь в начале сражения:

«...немецко-фашистские войска превосходили советские в личном составе в 1,7 раза, в артиллерии и танках в 1,3 раза, в самолетах более чем в 2 раза» [35] (с. 158).

Прорыв немцев к Волге мог стать сигналом для начала наступления со стороны Турции и Японии, давно изготовившихся ко вторжению. Потому, сверх работающих на военном производстве мужчин, около двух миллионов бойцов мы вынуждены были держать на границах с этими потенциальными агрессорами.

И вот какая тяжелая обстановка тогда для нас сложилась:

«После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало на много меньше территории, стало быть, стало на много меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик» [35] (с. 158).

«Часть советской территории, на которой до войны проживало 88 млн. человек, оккупировал враг (Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946, с. 429)» [35] (с. 50).

Мы потеряли:

«...более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год» [35] (с. 158).

И оставалось у нас теперь территория, где до войны проживало 112 млн. человек.

Каковы, в сравнении с нашими были на тот момент мобилизационные возможности противника?

В Великой Отечественной войне нам довелось схлестнуться практически со всей Европой:

«...численность которой (за исключением... Англии и не сдающейся немцам партизанской Сербии) была около 400 млн. человек» [199] (с. 9).

То есть численностью используемого против противника населения мы на то время вражеской коалиции уступали почти в 5 раз! Ведь сюда же следует прибавить и доставшиеся немцам трофеи, вместе с населением, на временно оккупированной врагом нашей территории, где до войны проживало 88 млн. человек. Всех доставшихся врагу наших сограждан немцы будут подвергать принудительному каторжному труду, после чего каждый из них восьмой будет ими зверски убит!

«Вся захваченная территория была покрыта сетью концлагерей, тюрем и гетто. Всюду совершались массовые казни» [105] (с. 100).

Конечно же, какому-то количеству проживающих здесь людей удалось эвакуироваться, уйти в партизаны или в армию. Но если это удалось сделать каждому

четвертому нашему соотечественнику, как и отвезенным на специальных поездах в Ташкент местечковым обитателям Бердичева, то будет зверски убит, понадеявшись на милость врага, каждый из оставшихся четвертый! В *Белоруссии* же подверглись издевательской смерти под бравурную ложь геббельсовской пропаганды: ***каждый третий из понадеявшихся на милость победителей местных жителей!!!***

То есть Геббельс тогда внушал, что убьют де не всех.

И что действительно не убит пытается нам внушить сегодня Бешанов и К°. Что ж, всем смалодушничавшим он предлагает совсем не дурные на третью мировую войну перспективы: в предыдущую де кампанию немцы расправлялась лишь с каждым третьим. Потому следует сделать как можно более глубокий выдох и втянуть голову в плечи. Или вон как страус — зарыть голову в песок — да и вся недолга. Может как-нибудь еще обойдется? Может не нам суждено быть этим самым третьим? Может только лишь еще вторым или даже первым? А может помощь холуйская немца ублажит — голову бы только втянуть как следует...

Но подобного рода агитаторов во время войны ставили к стенке. Туда же отправлялись затем и ими подзуженные полицаи и власовцы, оуновцы и бендеровцы. И если всех их изъять из этого списка жертв, предназначенных на алтарь жидомасонского бога национал-социалистов, а также изъять из него и ушедших в леса партизан, то получится, что:

в Белоруссии немцами был расстрелян, забит до смерти, сожжен заживо — каждый второй житель этой части Русской Земли, из числа доверившихся милости победителя!!!

Но побеждал тогда зверь. Потому и вел себя по-зверски, полностью обнажая существо своей истинной природы.

Так ведь оставления после себя чего-либо живого в их инструкции вообще не входило. Вот одна из них:

«Следует воспитывать у немецких солдат чувство беспощадности... Следует поощрять солдат, своими действиями вызывающими страх перед германской расой... Никакой мягкотелости к кому бы то ни было, независимо от пола и возраста...» [116] (с. 169).

То есть эта звериная порода приходила сюда с одной лишь целью — убивать! Чего и не пыталась скрывать даже в своих инструкциях.

Но почему же мы не смогли отстоять свои западные земли в 41-м?

Потенциал воюющих сторон был тогда совершенно несоизмерим. Ведь хоть Сталин и пытался отстоять все им к тому времени присоединенные территории, но в тот момент такой возможности еще не имелось — враг был слишком силен. Да и крупномасштабные предательства в развернувшейся трагедии, что нельзя также не отметить, сыграли свою решающую зловещую роль. Потому отступления в ту пору было просто не избежать.

Но и к осени 42-го соотношение сил так все и оставалось не в нашу пользу. Ведь если мы, к тому времени, на вывезенном из-под удара оборудовании только еще начинали набирать обороты, то нам, в этот самый момент, противостоял потенциал всей Европы, к тому времени полным ходом работавший на Гитлера уже в течение нескольких лет.

Но не только производственные мощности выглядели тогда совершенно несоизмеримо. Гитлер имел мобилизационную возможность из Германии и стран сателлитов в два раза превышающую нашу. Мало того, за счет рабского труда военнопленных и иностранных рабочих мобилизационная возможность сильно

возрастала. Что подтверждается еще лишь численностью войск сателлитов агрессора. Ведь в годы войны она, по разным оценкам, временами превышала и 7 млн. человек!

Сюда же следует прибавить и наших же — доморожденных предателей, перешедших на службу к врагу, и бывших белогвардейцев, вставших на путь измены России. Сюда же следует занести и совершенно никем неучтенных вольнонаемных добровольцев практически из всех иных стран Европы. А ведь их еще в самом начале войны насчитывался, судя по всему, уже целый миллион (вольнонаемные). Затем эти части постоянно пополнялись, а в конце войны одних лишь французов и лишь у нас в плену оказалось 300 тыс. Отметим, когда уже немцам и в плен-то сдаваться было некому, союзники принимали у себя солдат в германской форме миллионами. Каких национальностей были эти пленные?

И вся слагаемая из выше перечисленного контингента солдат армии врага цифра, согласитесь, обязана получиться вовсе не малая. Потому становится более чем очевидным, что мы разгромили не только немцев, но и сводные армии всех тех народов, которые были собраны победившим в Европе национальным социализмом в очередной крестовый поход на Восток. Остальные же страны не только Европы, но и некоторые страны мира (Аргентина, например), были запланированы мировой олигархией банкиров в качестве материально-сырьевого придатка германского рейха.

А из сопредельных государств лишь Болгария не выставила против нас своего воинского контингента. Однако ж приняла участие в оккупации Югославии. Италия же, сопредельной даже и не являясь, это «упущение» компенсировала с лихвой. Ведь одна еще эта страна поставила под ружье 4,6 млн. человек, предназначавшихся, что и понятно, ох как еще и не для Африки. Но, что и естественно, в помощь Гитлеру в России.

И вот, оставив на дальних подступах к нашей волжской твердыне горы трупов и разбитой техники, немцы врываются в Сталинград. Но не тут-то было:

«Первыми 23 августа на северных подступах к городу вступили в бой с вражескими танками зенитные части. Появление противника с этого направления считалось маловероятным, поэтому здесь не было стрелковых частей, и батареи 1077-го зенитного артиллерийского полка ПВО оказались один на один со значительной группировкой танков и мотопехоты. Отбивая атаки вражеских автоматчиков, полк под командованием полковника В.С.Германа в течение двух дней вел борьбу без поддержки пехоты. В этих боях зенитчики уничтожили и подбили 83 танка и 15 автомашин с пехотой, истребили и рассеяли свыше трех батальонов автоматчиков и сбили 14 самолетов противника» [129] (Т. 5, с. 176).

Так что все подкрепления, посылаемые под Сталинград, исчезали, словно в бездонной бочке. А город все держался:

«Враг был вынужден перебрасывать силы в этот район с кавказского направления. Так группа армий “Б”, наступавшая на Сталинград, увеличилась с 38 дивизий в середине июля до 69 дивизий в конце августа, а к концу сентября их стало более 80...

Таким образом, вопреки расчетам гитлеровского командования, Сталинградское направление летом 1942 г. превратилось в центр борьбы для обеих сторон... Противник нес огромные потери, но сломить сопротивление защитников Сталинграда ему не удавалось» [35] (с. 178).

И тогда враг попытался уничтожить этот непокорный город с воздуха:

«По числу участвующих самолетов и весу сброшенных бомб воздушный налет на Сталинград в ночь с 23 на 24 августа был самой массовой операцией люфтваффе после 22 июня 1941 года. В нем принимали участие все авиакорпуса (I, IV и VIII) 4-го воздушного флота Рихтгофена вместе с имевшимися эскадрильями транспортных трехмоторных Ю-52 и дальними бомбардировщиками с аэродромов в Керчи и Орле.

Многие из пилотов сделали по три вылета, и более половины сброшенных бомб были зажигательными. Почти все деревянные здания — в том числе многочисленные рабочие поселки на окраинах Сталинграда — сгорели дотла, пожар бушевал всю ночь, и было так светло, что можно было читать газету в 70 километрах от города. Это был акт террора, предпринятый с целью убить как можно больше мирных жителей города, вывести из строя городские службы, вызвать панику, деморализовать защитников Сталинграда и устроить погребальный костер на пути отступающих войск — по примеру Варшавы, Роттердама и Белграда.

«Весь город охвачен пожаром, — с удовлетворением запишет в дневнике офицер 267-го полка 94-й дивизии Вильгельм Гофман, — по приказу фюрера люфтваффе предало его огню. Так им, этим русским, и надо, чтобы они прекратили сопротивление...» [177] (с. 174–175).

Но немцы не понимали психологии русского человека — сопротивление только возрастало. Но тому способствовали и сами условия, при которых приходилось обороняться:

«Вначале, когда немцы были на окраинах города, они еще могли извлекать выгоды из своего превосходства в танках и авиации. Дома здесь были деревянными, и все они сгорели во время массированного воздушного налета 23 августа.

Бои велись в гигантском окаменелом лесу из почерневших печных труб, где защитники города могли найти укрытие лишь в обуглившимся развалинам отдельных деревянных домов и рабочих поселков, опоясывавших город. Но по мере того как немцы все глубже и глубже пробивались в район канализационных труб, кирпича и бетона, их прежний оперативный план утратил свою ценность» [177] (с. 177).

Но вот начались бои уже непосредственно в самом Сталинграде:

«После непрерывных ожесточенных боев, длившихся более десяти дней, немцам наконец удалось пробиться к Волге и захватить центральную пристань...

Но у Паулюса не было желания праздновать, поскольку он только что узнал об огромных потерях, которые немецкие войска понесли за шесть недель наступления... К тому же он знал, что впереди его ждут еще более тяжелые бои. К северу от центральной переправы находились ключевые позиции русских защитников города — Мамаев курган, эпицентр незатухающих сражений, и район заводов. Там 6-й армии предстоит выдержать решающее испытание, от которого зависит исход битвы за Сталинград. А Паулюсу уже не хватало солдат и боеприпасов.

Вернувшись в свою штаб-квартиру в Голубинском на высоком западном берегу Дона, Паулюс направил срочную радиogramму командованию группы армий “Б”:
“Наши потери в живой силе в городе превышают получаемые нами пополнения. Если подобное положение не изменится, битва примет затяжной характер”» [177] (с. 202–203).

«От Мамаева кургана до берега Волги всего несколько сот метров. Но “покорителям” Европы, победно прошедшим по многим большим и малым странам, не удалось преодолеть эти оставшиеся метры. Гитлеровцы так и не прошли через Мамаев курган. Воины 284-й стрелковой дивизии полковника Н.Ф.Батюкова и 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала А.И.Родимцева не сошли с крутых склонов кургана. Отвага и мужество... стали той преградой, которая здесь, на волжском берегу, окончательно приостановила продвижение вермахта» [35] (с. 185–186).

«В Сталинграде каждая битва выливалась в схватку между отдельными лицами... часто, перезаряжая оружие, они слышали дыхание врага в соседней комнате; рукопашные поединки кончались в сумеречном дыму и клубах кирпичной пыли ножами и топорами, кусками камня и искореженной стали» [177] (с. 177).

Немцы начали штурм южных окраин Сталинграда:

«... Гот повернул свои дивизии на восток в расчете стремительно прорваться к Волге и расчленив 62-ю и 64-ю советские армии. Но когда его танки оказались на узких городских улицах окраинных поселков Сталинграда, война приняла другой характер. Русские солдаты забрасывали танки бутылками с горячей жидкостью. Ведя огонь из окон зданий, снайперы уничтожали целые отделения немецких солдат... В искусстве меткой стрельбы пальма первенства принадлежала русским... Наступавшие немцы несли огромные потери. Тем не менее 10 сентября 29-й моторизованной дивизии удалось пробиться к Волге в районе Купоросное.

С выходом частей Гота к Волге 62-я армия, уже отрезанная с севера от других советских соединений, оказалась полностью изолированной. Прижатой к Волге в районе от поселка Рынок до Купоросного, ей предстояло принять на себя всю тяжесть основной массы войск Паулюса, вступивших в западную часть города. 62-я армия была теперь единственной боевой силой, оставшейся в Сталинграде, призванной не допустить его захвата. Она противостояла более чем 200-тысячной группировке немцев» [177] (с. 200–201, 190).

Мало того, к немцам регулярно шли подкрепления:

«С 1 апреля по 18 ноября 1942 года немецко-фашистское командование перебросило с Запада на советско-германский фронт дополнительно 70 дивизий» [177] (с. 176).

Наши же войска пополнялись лишь по мере необходимости: русский человек здесь держался очень крепко.

И вот лишь узкая полоска Русской Земли все так же упорно продолжала сдерживать не прекращаемые атаки врага, чьи подкрепления вновь и вновь разбивались о нерушимые развалины волжской твердыни. На этот период расстановка сил была такова. Наши войска:

«...уступали врагу в численности личного состава и в артиллерии в 1,7 раза, в танках — в 3,8 раза и в боевых самолетах — более чем в 5 раз.

В таких неравных условиях начались бои... которые продолжались до 18 ноября.

Весь мир следил за мужественной борьбой сталинградцев» [35] (с. 192).

Но в небе Сталинграда, следует отметить, немецкие самолеты, хоть в начале битвы и имели подавляющее численное преимущество, чувствовали себя не слишком уютно:

«В ходе воздушных схваток над Сталинградом многие советские летчики-истребители стали асами. Одним из ведущих пилотов был Михаил Баранов, впоследствии одержавший 28 побед. В одном из боев он вместе с тремя товарищами смело атаковал группу из 35 “мессершмиттов” и лично сбил три самолета. Когда у него кончились боеприпасы, он искусным маневром зашел в хвост четвертого “мессера”, сблизился с ним и винтом отрубил ему руль поворотов, успешно совершив затем вынужденную посадку. Другой летчик, лейтенант Кострицын, атаковал соединение из 30 “Юнкерс-88” и лично сбил три из них. Сержант Нагорный один в бою против четырех Me-109 сбил два и обратил остальные в бегство» [177] (с. 378).

Так что в битве за господство в воздухе наши летчики, пересевшие на новые машины, неуклонно выравнивали соотношение сил.

Однако же враг, не считаясь с потерями, все напирал. Но:

«...даже когда немцам удавалось вклиниться в оборону русских, они застревали в паутине огневых точек и укрепленных пунктов противника, пробитые коридоры были слишком узкими, а немцы на острие клина сами оказывались в роли обороняющихся» [177] (с. 178).

Вот что пишет в своем дневнике Вили Гофман (ранее ликовавший в своем дневнике по поводу бомбежки Сталинграда):

«1 сентября: “Неужели русские действительно собираются сражаться на самом берегу Волги? Это же безумие”.

8 сентября: "...безрассудное упрямство".

11 сентября: "...фанатики".

13 сентября: "...дикие звери".

16 сентября: "Варварство... это не люди, а черти".

Затем Гоффман в течение месяца воздерживается высказываться о характере противника, в это время записи в дневнике насыщены мрачными размышлениями о горестной судьбе товарищей по оружию и самого себя.

27 октября: "Русские — это не люди, а какие-то железные существа. Они никогда не устают и не боятся огня".

28 октября: "Каждый солдат считает себя обреченным человеком"» [177] (с. 178–179).

А вот выдержки из дневника другого немца:

«16 сентября. Наш батальон вместе с танками атакует элеватор, из которого валит дым — горит пшеница. Говорят, русские сами подожгли ее. Батальон несет тяжелые потери. В ротах осталось по 60 человек. В элеваторе сражаются не люди, а дьяволы, которых не берут ни пули, ни огонь.

Если все здания в Сталинграде будут обороняться, как это, ни один из наших солдат не вернется домой.

20 сентября. Битва за элеватор продолжается. Русские ведут огонь со всех сторон. Мы сидим в подвале, выбраться на улицу нельзя. Старший сержант Нушке был убит, когда перебежал улицу. Бедняга, у него трое детей.

22 сентября. Соппротивление русских в элеваторе сломлено. Наши войска продвигаются к Волге. В элеваторе мы нашли трупы сорока убитых русских. Половина из них в военно-морской форме — морские дьяволы. В плен взяли только одного тяжелораненого, который не может говорить — или претворяется".

Этим "тяжелораненым" был командир пулеметного взвода 92-й морской стрелковой бригады Андрей Хозяинов, и его рассказ, приведенный в мемуарах генерала Чуйкова, создает впечатляющую картину боев на улицах Сталинграда, где личная храбрость и стойкость горстки солдат и младших командиров, часто утративших связь со своим командованием и считающихся погибшими, оказывали влияние на весь ход сражения.

Немецкое наступление, начавшееся столь блестяще и за несколько коротких недель подтвердившее способность вермахта заставить весь мир затаить дыхание, раздвинуло границы завоеваний рейха до их высшего предела. Однако было очевидным, что сейчас оно прочно застопорилось. На протяжении почти двух месяцев штабные карты оставались без изменений.

Министерство пропаганды утверждало, что ведется "величайшая битва на истощение из всех, которые когда-либо видел мир", и ежедневно публиковало цифры, которые показывали, как истекают кровью советские армии. Но верили ли этому немцы или нет, положение дел было совсем иным. Не Красная Армия, а немецкое командование было вынуждено неоднократно повышать ставки.

С тем же хладнокровием, которое отличало его отказ ввести в бой сибирские резервные дивизии, пока исход битвы под Москвой не стал очевидным, Жуков свел посылаемые 62-й армии подкрепления до минимума. За два критических месяца — с 1 сентября по 1 ноября — только пять дивизий были переправлены через Волгу — едва достаточно для покрытия потерь. Однако в этот же самый период из призывников, новой материальной части, кадрового костяка из опытных офицеров и закаленных младших командиров было сформировано 27 новых стрелковых дивизий и 19 танковых бригад. Все они были сосредоточены в районе между Поворино и Саратовом, где завершили учебно-боевую подготовку, а затем некоторые из них были на непродолжительный срок переброшены на центральный участок фронта для

приобретения боевого опыта. Таким образом, в то время как немецкое командование постепенно изматывало и обезкровливало все свои дивизии, Красная Армия создавала мощные резервы живой силы и танков» [177] (с. 182–183).

«Начавшееся 14 октября новое наступление немцев привело к самому затяжному и наиболее ожесточенному сражению в этом разрушенном городе. Оно бушевало почти три недели.

Паулюс усилил свои войска рядом специализированных частей, в том числе полицейскими батальонами и саперными отрядами, имеющими опыт уличных боев и подрывных работ. Но русские, несмотря на огромный численный перевес противника, превосходили немцев в тактике боев за каждый дом. Они усовершенствовали практику использования “штурмовых групп” — небольших отрядов солдат, вооруженных легкими и тяжелыми пулеметами, автоматами, гранатами, противотанковыми ружьями, которые поддерживали друг друга стремительными контратаками, выработали тактику создания “зон смерти” — густо заминированных домов и площадей, к которым оборонявшаяся сторона знала все доступы и в которые надлежало канализировать немецкое наступление.

Практика научила нас, писал Чуйков, что “успех в значительной мере основан на скрытом сближении с противником”.

“Двигайся ползком, используя воронки и развалины; рой ночью траншеи, на день маскируй их; накапливайся для броска в атаку скрытно, без шума; автомат бери на шею; захвати 10–12 гранат — тогда время и внезапность будут на твоей стороне.

...Врывайся в дом вдвоем — ты да граната, оба будьте одеты легко — ты без вещевого мешка, граната без рубашки; врывайся так: граната впереди, а ты за ней; проходи весь дом опять же с гранатой — граната впереди, а ты следом”.

Внутри дома “вступает в силу неумолимое правило: успевай поворачиваться! На каждом шагу бойца подстерегает опасность. Не беда — в каждый угол комнаты гранату, и вперед! Очередь из автомата по остаткам потолка; мало — гранату, и опять вперед! Другая комната — гранату! Поворот — еще гранату! Прочесывай автоматом! И не медли!

Уже внутри самого объекта противник может перейти в контратаку. Не бойся! Ты уже взял инициативу, она в твоих руках. Действуй злее гранатой, автоматом, ножом и лопатой! Бой внутри дома бешеный. Поэтому всегда будь готов к неожиданностям. Не зевай!” (Чуйков В.И. Сражение века, с. 307–308)» [177] (с. 187).

И вот кем являлся этот генерал Чуйков, которому Сталин доверил наиважнейший в тот момент участок фронта, снабдив его чисто сухопутные части батальонами морской пехоты. Имеется такая поговорка: скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты. Но здесь имеется рассказ даже не о друге, но о матери нашего полководца, одного из главных виновников Сталинградской Победы:

«Многие годы она была старостой храма — возглавляла приходской совет церкви святителя Николая поселка Серебряные Пруды, одноименного района, расположенного на границе Тульской и Московской областей. Партийные богоборцы, сначала закрыв храм, решили затем его уничтожить. И тогда Елизавета Федоровна... отправилась пешком в Москву. Шел 1937 год. Каким-то, до сих пор никому неизвестным образом, она попала на прием к Сталину. Храм не разрушили... Это была единственная церковь, не разрушенная богоборческой властью в Серебрянопрудском районе.

Память у Сталина была отменная. И, главное, он уже в 1941 году осознал, что с богоборчеством в истекающей кровью стране пора кончать, а проявлением веры народа в Божие заступничество за Россию не следует препятствовать. А значит, и вызревало понимание того, какие полководцы должны вести солдат в бой» [205] (с. 257–258). «Медленно, неся колоссальные потери, немцы прокладывали себе путь по территории

заводов, мимо мертвых станков и машин, через литейные, монтажные цехи и конторы. “Боже, почему ты покинул нас? — писал лейтенант 24-й танковой дивизии. — Мы сражались пятнадцать дней за один дом... Уже на третий день в подвалах, на лестничных клетках и лестницах валялись трупы 54 убитых немцев. «Линия фронта» проходит по коридору, разделяющему сгоревшие комнаты, по потолку между двумя этажами. Подкрепления подтягиваются из соседних домов по пожарным лестницам и дымоходам. С утра до ночи идет непрерывная борьба. С этажа на этаж, с почерневшими от копоти лицами, мы забрасываем друг друга гранатами в грохоте взрывов, клубах пыли и дыма, среди куч цемента, луж крови, обломков мебели и частей человеческих тел. Спросите любого солдата, что означает полоса рукопашной схватки в таком бою. И представьте себе Сталинград. 80 дней и 80 ночей рукопашных боев. Длина улицы измеряется теперь не метрами, а трупами...”» [177] (с. 188–189).

Так что слишком преждевременно немцы уже к тому времени несколько раз заявляли о своей здесь победе. А первый раз они завопили о своей здесь якобы победе еще в день своего появления на берегах Волги:

«Поздним вечером 14 сентября Берлинское радио первый раз объявило миру о падении Сталинграда и о расчленении России на две половины...

По воспоминаниям маршала Жукова, “...13, 14, 15 сентября для сталинградцев были тяжелыми, слишком тяжелыми днями... перелом в эти тяжелые и, как временами казалось, последние часы был создан 13-й гвардейской дивизией генерала А.И.Родимцева...” Солдаты и офицеры 62-й армии В.И.Чуйкова и 11-й дивизии НКВД полковника А.А.Сараева сверхчеловеческими усилиями обеспечили возможность высадки гвардейцев Родимцева. А те поздно вечером 14 сентября, форсировав Волгу под огнем врага, сразу с берега вступили в бой. Они, оказавшись на самом передовом рубеже, выполнили боевую задачу. Немцы были 15 сентября отброшены от берега за железную дорогу, у них отбили вокзал. А на другой день, 16 сентября, гвардейцы Родимцева выбили немцев с Мамаева кургана» [205] (с. 259).

А ведь это место является господствующей высотой Сталинграда. Потому победа на данном участке позволяла теперь обороняющейся стороне занять выгодное положение для отражения дальнейшего штурма города германскими войсками.

И вот кем являлся командир этого столь вовремя введенного в бой нашего подразделения:

«Перед направлением в Сталинград 13-я гвардейская дивизия формировалась на левом берегу Волги в слободе Николаевской. Командир дивизии, 37-летний Герой Советского Союза генерал-майор Родимцев, квартировался в частном доме. В 2001 году вспоминала Мария Степановна Мельникова, дочка хозяев этого дома...: “Когда генерал приехал... мама у него спрашивает:

— Вы, наверное, неверующий? Там, в комнате, иконы. Перенести их в другое место?

— Зачем же убирать, если они на месте? Я ведь сам крещеный. А потом, знаете, в трудный час о Боге и неверующие вспоминают...

Как-то утром к нашему дому подъехало машин одиннадцать... все офицеры стали прощаться и говорить маме: «Спасибо бабушка».

А генерал и говорит: «Была бабушка, а теперь как мать родная». Александр Ильич направился к выходу, перешагнул, было, порог дома, а потом, обернувшись к маме, тихо произнес: «Ты знаешь, куда еду. Благослови меня». Мама перекрестила его по-христиански, пожелала остаться живым, поцеловала: «Иди с Богом, сынок». Она пошла в горницу, вынесла из красного угла небольшую старинную икону «Господь Вседержитель» и благословила его генерала” (Из публикаций: Тупицин А. Постоялец//“Заволжье”. 1 февраля 2001 г. С. 3. Осьмакова О. Свет имени в тиши

времен...//“Заволжье”. 25 августа 2005 г. С. 3, и из рассказа дочери генерала Родимцева)» [205] (с. 260–262).

А вот что сообщил Николай Григорьевич Крыжановский, переводчик генерала Родимцев во времена его пребывания в Албании в качестве военного атташе:

«С группой экскурсантов я был в одном из православных храмов столицы Албании Тираны. Власти запретили богослужение в церквях, но некоторые из них оставались открытыми, как музеи. Когда все вышли на улицу, мне захотелось вернуться, чтобы побыть одному в церкви. Я так и сделал. Оглянувшись, увидел в темном углу коленопреклоненную фигуру. Когда человек поднялся и повернулся ко мне, я узнал Александра Ильича Родимцева. Он сказал мне: “Ты меня не видел”. Я ему ответил: “Я и сейчас Вас не вижу”. Николай вместе со своим отцом — отцом Григорием, священником Русской Православной Церкви Московского Патриархата, со временем переехал в СССР... О памятной ему встрече в храме он рассказал родственникам Родимцева в Москве только через сорок лет, памятуя наказ генерала» [205] (с. 262–263).

Так что Сталин очень не зря поставил на самом ответственном участке Чуйкова и Родимцева. Оба они не только не являлись атеистами, но, несомненно, были людьми вполне адекватными происходящим с их же участием великих событий по разгрому иноземных полчищ, в очередной раз впущенных воинствующими безбожниками в нашу страну.

Но и сам Жуков, главный виновник большинства одержанных нами в этой войне побед, тоже атеистом далеко не являлся. О чем свидетельствует монахиня Нина (Капустина), г. Волгоград, 2004 год:

«Хорошо помню, как осенью, еще не было морозов и снега, к нашему дому днем подъехала военная легковая машина. Я бы сказала — неказистая. Из нее вышли три человека — главный, такой крепкий, приземистый, с ним шофер и, видимо, адъютант. Попросили воды, я принесла. Главный спросил разрешения войти в дом. Когда мы прошли в горницу, где на стене висели иконы Спасителя Пресвятой Богородицы, главный скинул на лавку свою накидку (не знаю, как правильно назвать), снял фуражку и сразу к образам. Тут уж я признала в нем Жукова, фотографии-то его бывали в газетах после разгрома немцев под Москвой.

И на мое удивление, а я тогда комсомолкой была, он внятно и довольно громко произнес: “Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа”. И тут голос подал адъютант: “Аминь!” Чувствовалось, что приехавшие не раз вместе молились. Из комнаты вышла моя мама и присоединилась к их молитвенному пению. По прошествии стольких лет мне трудно сказать точно, какие были тогда пропеты молитвы. Длилась совместная молитва, пожалуй, не более получаса...

Потом Жуков со своими спутниками поблагодарил нас, попрощался и уехал. Иконы те храню до сих пор, уже шестьдесят два года. Думаю так: ему надо было помолиться, а при военных, где же, — у них походных церквей, как в Первую германскую войну, не было. Вот он, видать, и спросил на краю хутора, кто тут живет из верующих. А нас все знали» [205] (с. 273–274).

«Следующий критический момент в Сталинградском сражении наступил 14 октября, когда оборона 62-й армии была рассечена пополам. Ценой невероятных усилий и в этот раз армия Чуйкова устояла и продолжала сдерживать атаки немцев, рвавшихся к Волге. Нацистская газета “Берлинер берзенцейтунг” писала в этот день о боях в Сталинграде: “Наше насткпление, несмотря на численное превосходство, не ведет к успеху”. Иного результата трудно было ожидать, ибо немецкое наступление было

предпринято в день Покрова Пресвятой Богородицы — небесной заступницы России» [205] (с. 263).

Погребение 6-й армии

«К концу октября русские позиции в Сталинграде представляли собой несколько очагов сопротивления среди каменных развалин на правом берегу Волги, глубина которых редко превышала 300 метров. Тракторный завод был в руках немцев, которые усеяли мертвецами каждый метр заводской территории. “Баррикады” были наполовину захвачены немцами, сидевшими на одной стороне литейного цеха против пулеметов русских, укрытых в потухших мартеновских печах, на другой. Оборонительные позиции русских на территории завода “Красный Октябрь” оказались расколоты на три части.

Но эти последние островки сопротивления, закаленные в горниле непрекращающихся атак, были неистребимы. 6-я армия выдохлась, она была так же истощена и измотана боями, как английские дивизии Хейга в битве при Пасшенделе четверть века тому назад (...англичане потеряли около 260 тыс. человек, чтобы овладеть деревней Пасшендель), и с чисто военной точки зрения идея еще одного наступления в городе была бессмысленна.

...Немцы, видевшие, как их силы тают в пекле боев неделя за неделей, отказывались верить, что русские не несут потери в таких же пропорциях.

...В Сталинграде на карту была поставлена не только воля русских к борьбе, но и оценка всеми другими странами военной мощи Германии. Отвод войск с поля боя был бы равнозначен признанию поражения, которое, хотя, возможно, и было бы приемлемым для безстрастного и расчетливого профессионального военного ума, было немислимо с точки зрения германской “мировой политики”.

Большинство штабных офицеров группы армий “Б” по-прежнему были заняты подготовкой “последнего штурма” Сталинграда. Рихтгофен пишет, что даже новый начальник генерального штаба ОКХ Цейтцлер считал, что “если мы не сможем довести дело до конца сейчас, когда русские находятся в исключительно трудном положении, а Волга блокирована ледоставом, то никогда уже не сумеем добиться этого”. Это мнение начальника штаба ОКХ наверняка бы изменилось, знай он, что русские, вопреки его суждению об их “тяжелом положении”, сосредоточили более 500 тысяч солдат, около 900 новых танков, 230 артиллерийских полков и 115 дивизионов реактивных минометов на фронте атаки протяженностью менее 60 километров — самая высокая концентрация живой силы и огневой мощи с начала Восточной кампании.

В то время как 6-я армия собирала силы для решающей атаки на позиции русских в развалинах Сталинграда, а на ее флангах советские армии в соответствии с планом Г.К.Жукова скрытно занимали исходные рубежи, странная тишина опускалась на казавшийся вымершим город» [177] (с. 189–190).

Однако ж здесь следует обмолвиться и о роли основного вида нашего вооружения, наносящего здесь, в развалинах Сталинграда, основной урон врагу. Это артиллерия. А ведь она у нас, о чем сообщают сами же немцы, «особенно хороша». И по мере назревающей необходимости, а необходимость и действительно с каждым днем все более возрастала:

«...плотность артиллерии увеличилась и к 1 ноября достигла 59 орудий и минометов на 1 км фронта, т. е. она стала выше плотности, которую когда-либо удавалось создавать в оборонительных операциях, проведенных весной и летом 1942 г... В отдельные моменты наиболее напряженных боев на некоторых узких участках

обороны армии плотность артиллерии доводилась до 110 орудий и минометов на 1 км фронта...

Такая плотность артиллерии позволяла успешно отражать атаки во много раз превосходящего по количеству живой силы и техники противника и наносить ему решительное поражение» [195] (с. 381–382). Причем, здесь, в городе, очень большим коэффициентом полезного действия обладали, за счет своих малых размеров и небольшого веса, и наши самые маломощные орудия:

«Учитывая, что снаряд 45-мм пушки, как правило, не пробивал лобовую броню танков противника, огневые позиции для них выбирали с таким расчетом, чтобы обеспечить фланговый и косопрямельный огонь. С этой же целью нередко 45-мм пушки устанавливали в угловых зданиях, в которых пробивали две – три амбразуры и подготавливали надежные убежища для расчета и материальной части. Весьма эффективно действовали 45-мм пушки, установленные на вторых этажах зданий» [195] (с. 389).

И благодаря такой удивительной изобретательности наших воинов враг нес в бронетехнике просто колоссальные потери:

«Несмотря на то что противник использовал свои танки небольшими группами, прикрываемыми автоматчиками и поддерживаемыми огнем своей артиллерии и авиации, наши артиллеристы уничтожили в боях за город большое количество немецких танков» [195] (с. 390).

Что никак не могло не отразиться на общем ходе сражения:

«Большие потери противника в танках существенно снижали его возможности в борьбе за овладение городом» (там же).

Однако ж и для нашей крупнокалиберной артиллерии в Сталинградском сражении был найден удивительнейше эффективный способ ее массированного применения:

«В условиях ожесточенной борьбы за отдельные участки обороняемого города, особенно за такие важнейшие объекты как командные высоты, как высота 102,0 (Мамаев курган), заводы “Баррикады” и “Красный Октябрь”, артиллерия 62-й армии успешно применяла мощные артиллерийские контрподготовки» (там же).

И наносить их наиболее эффективно помогала сама обороняемая нами местность — с господствующими над противником высотами. Мало того, отличными наблюдательными пунктами уже и без того более возвышенной над врагом местности являлись трубы и крыши огромных корпусов заводов, откуда и засекались все массовые передвижения противника. И по его скоплениям, предупреждая атаку, наносился мощный артиллерийский удар. Вот пару таких налетов примеров:

«...утром 27 сентября разведкой наблюдалось скопление большого количества пехоты и танков противника в районе балок юго-западнее высоты 102,0... По окончании артиллерийской подготовки противника (во время которой наши батареи не подавлялись) артиллерия армии провела мощный 15-минутный огневой налет, главным образом по войскам, скопившимся на исходном рубеже для атаки... Воспользовавшись результатами контрподготовки, 95-я стрелковая дивизия перешла в контратаку, овладела юго-западными скатами высоты 102,0 и значительно улучшила свои позиции. Захваченные дивизией пленные показали, что нашим артиллерийским огнем были обезкровлены два полка только что прибывшие в Сталинград 100-й пехотной дивизии немцев...

Не мене интересен второй пример контрподготовки, проведенной артиллерией 62-й армии в первых числах октября на участке “Силикат”, поселок “СТЗ”. В этом районе наша разведка установила сосредоточение с целью прорыва нашей обороны до двух пехотных дивизий с танками, подготавливающих наступление с целью прорыва нашей

обороны на фронте около 3 км и выхода к Волге между двумя заводами — тракторным и “Баррикады”...

К этой контрподготовке командование армии смогло артиллерию пяти стрелковых дивизий и двух стрелковых бригад, северную подгруппу фронтовой артиллерийской группы (четыре пушечных полка), три истребительно-противотанковых полка и пять полков полевой реактивной артиллерии, т. е. свыше 300 орудий и минометов... В результате контрподготовки противник понес большие потери и сумел возобновить наступление на этом направлении только через пять дней, для чего предварительно пополнил и перегруппировал свои силы» [195] (с. 392–393).

А налеты эти, прекрасно корректируемые с господствующих над противником высот, наши средства артиллерийского нападения, предварительно сосредоточившись на каком-то определенном участке, производили с нашего пологого левого берега Волги. Причем, наши боевые порядки были скрыты за высокими берегом. А потому производили свои налеты совершенно безнаказанно.

Потому силы врага, несмотря на постоянные подкрепления, с каждым днем таяли.

«11 ноября гитлеровцы предприняли последнюю попытку штурма города. В этот день они смогли занять южную часть завода “Баррикады” и на узком участке пробиться к Волге. Героически сражавшиеся войска генерала В.И.Чуйкова оказались рассеяны на три части» [35] (с. 192).

Но все было тщетно. Немцы, как и обычно в реляциях своих мифологически все продолжавшие «громить» противостоявшего ему здесь врага, отсылая отчеты об уничтоженных, де, наших очередных полках и дивизиях, даже и во снах своих самых кошмарных не подозревали, что силы таяли вовсе не у нас, о чем взхлеб голосил доктор Геббельс — большой дока по части пропаганды, но у них, безнадежно все лезущих под жерла наших пушек и умирающих вагонами и эшелонами, словно мухи в осеннюю пору.

И все в этой войне вновь и вновь повторялось. Ведь ни для кого не секрет, что войны одной лишь лживой пропагандой выиграть не возможно. А потому:

«Наступление Паулюса, начавшееся 11 ноября, было таким же ошибочным и безнадежным, как последнее зимнее наступление группы армий “Центр” под Москвой за год до этого» [177] (с. 191).

И вот в чем заключается вся «ошибочность» этого наступления врага, оказавшегося неудачным:

«...в один из самых критических моментов битвы, в мрачном осеннем небе над дымящимися развалинами города многие наши солдаты и офицеры увидели небесное знамение. Что же было явлено им?

...целая воинская часть из состава армии Чуйкова... оказалась свидетельницей... явления Божией Матери в небе Сталинграда...» [205] (с. 264–266).

А потому вот что случилось с последней и самой ожесточенной попыткой врага все же переломить ход битвы в свою пользу. Через 48 часов после начала наступления, где участвовали самые последние резервы немцев, сражение:

«...свелось к серии ожесточенных рукопашных подземных схваток, не поддающихся какому-либо централизованному руководству. Небольшим группам немцев удалось преодолеть последние отделявшие их от Волги три сотни метров, но, достигнув реки, они оказались окруженными русскими, перерезавшими узкие коридоры, проложенные этими немецкими отрядами. В течение еще четырех дней между этими изолированными группами то вспыхивали, то затухали отчаянные яростные схватки. Пленных не брали, и у сражавшихся было мало надежды на то, что они выживут.

К 18 ноября из-за истощения сил и нехватки боеприпасов наступило вынужденное затишье» [177] (с. 191–192).

«Главная группировка противника, действующая в районе Сталинграда, понесла настолько большие потери, что вынуждена была окончательно перейти к обороне. 18 ноября 1942 г. закончился оборонительный период Сталинградской битвы. Город был удержан. Враг своей цели не достиг. В кровопролитных сражениях на подступах к Сталинграду и в самом городе его наступательные возможности были исчерпаны. [35] (с. 192).

«...Город на Волге стал кладбищем, где находят могилу громадные мрачные силы, со всех сторон привлеченные нацистами, чтобы послужить пушечным мясом для орудий, установленных на берегах Волги» [35] (с. 195).

«...враг был измотан до предела. Из опроса пленных было установлено, что части и соединения крайне малочисленны, морально-политическое состояние не только солдат, но и офицеров резко понизилось и мало кто верит, что выйдет живым из этого кромешного ада многомесячных сражений» [112] (с. 82).

А тем временем:

«...у нас закончилась подготовка крупных стратегических резервов, имевших новейшее оружие и новейшую боевую технику. К ноябрю у Ставки должны были быть механизированные и танковые соединения, вооруженные боеспособными и маневренными танками Т-34...» [112] (с. 76).

И вот грянуло наступление:

«19 ноября в 7.30 предрассветная мгла между Серафимовичем и Клетской озарилась оранжево-красными сполохами огня, и гром канонады 3500 советских орудий возвестил о начале наступления.

Застигнутые врасплох в своих выложенных соломой траншеях, солдаты 3-й румынской армии с ужасом увидели, как шквал снарядов и мин обрушился на их позиции. Блиндажи и бункеры рушились, погребая сотни людей. Солдаты метались, стараясь укрыться от губительного огня, глохли от оглушительного грохота разрывов. Когда наконец канонада смолкла, румыны услышали зловещий рев танковых моторов — части 5-й танковой и 21-й армий вышли со своих плацдармов и устремились в атаку.

Сквозь туман и снег “тридцатьчетверки” ворвались в оборонительные позиции ошеломленных румынских солдат. Охваченные паникой, румынские солдаты бросили свои окопы и укрытия и побежали. Лишь немногие вступили в бой с советскими танками...

Уже первые часы наступления армий Юго-Западного фронта принесли русским небывалый успех. Румынские солдаты крупными партиями сдавались в плен, передовые отряды советских танков углубились на десятки километров в тыл обороны противника и приближались к базам снабжения 6-й немецкой армии» [177] (с. 207–208).

А успех нашему неожиданному для немцев наступлению положило достаточно не обычное для атеистической страны священнодействие: «...перед тем, как 19 ноября 1942 года заговорили дальнобойные орудия, недалеко от их позиций, на левом берегу Волги перед Казанским образом Божией Матери митрополитом Николаем (Ярушевичем), был отслужен молебен о “даровании русскому воинству победы на сопротивных”» [205] (с. 271).

«В течение трех дней — с 19 по 22 ноября фронт румынских и немецких войск на севере был прорван на протяжении 80 километров, а на юге — на 55 километров. В прорыв хлынули шесть советских армий, подавляя уцелевшие островки сопротивления и жалкие попытки контратак частей полковника Симонса и поредевшего 48-го танкового корпуса. Штаб 6-й армии провел две бессонные ночи, лихорадочно пытаясь перегруппировать безценные танковые части и отвести пехоту из дымящихся развалин Сталинграда для защиты рушащихся флангов. В тылу армии Паулюса царил

полнейшая неразбериха, железная дорога к западу от города Калач была в нескольких местах перерезана советской кавалерией; звуки стрельбы доносились со всех сторон, время от времени вспыхивала перестрелка между немцами,двигающимися к линии фронта, и группами отступающих в беспорядке румын. Широкий мост через Дон северо-западнее Калача, через который перевозился каждый фунт и каждый патрон для 6-й армии Паулюса, был подготовлен для взрыва и непрерывно охранялся взводом саперов, ожидавших возможного приказа о его уничтожении.

За несколько часов до рассвета саперы услышали шум танковой колонны, подходившей с запада... Танки проскочили мост, из грузовиков выпрыгнули русские солдаты, которые перестреляли из автоматов большую часть взвода, а оставшихся в живых взяли в плен. К вечеру 23 ноября наступавшие с севера советские танкисты встретились с 36-й бригадой 4-го механизированного корпуса, подошедшего с юго-востока. Первое танковое звено в цепи, которая должна была задушить четверть миллиона немецких солдат, было выковано, и поворотный момент второй мировой войны наступил» [177] (с. 192–193).

«Вечером 22 ноября из своей новой штаб-квартиры в Гумраке, куда он срочно вернулся по приказу фюрера, Паулюс направил тревожную радиogramму в штаб группы армий “Б”: “Армия окружена... Запасы горючего скоро кончатся. Танки и тяжелое оружие в этом случае будут неподвижны. Положение с боеприпасами критическое. Продовольствия хватит на шесть дней...”

Через три часа он получит туманное заверение фюрера, что принимаются меры по организации деблокирующего удара» [177] (с. 209).

А в это время:

«В степи в 50 километрах южнее Серафимовича 48-й танковый корпус вел бои с наседавшими на него русскими танками. Прорваться к окруженным в районе Распопинской румынским дивизиям, все еще продолжавшим сопротивление среди “горящих домов и румынских трупов”, ему не удалось. К исходу 23 ноября остатки румынских дивизий капитулировали вместе со своими генералами. Лишь несколькими группам румынских солдат, усеявших трупами обочины дорог, по которым двигались длинные колонны русских танков и автомашин, удалось добраться до расположения частей 48-го корпуса... Румынская армия была фактически уничтожена» [177] (с. 209). «Войска двух фронтов соединились. Встретившиеся в степи солдаты кричали, обнимались, плакали, плясали на снегу, радуясь своей блестящей победе. Менее чем за 96 часов они завершили окружение немецкой 6-й армии. Более 250 тысяч немецких войск оказались пленниками гигантской ловушки» [177] (с. 211).

Таким образом:

«К 23 ноября 1942 года Красная Армия замкнула кольцо вокруг Сталинграда и начала самое крупное за всю войну зимнее наступление. Стремительно продвигаясь вперед, русские поочередно уничтожили румынские, итальянские и венгерские армии на реках Чир и Дон и пробили в немецком фронте брешь шириной 560 километров» [127] (с. 274).

«24 ноября 21-я и 5-я армии Юго-Западного фронта, разгромив окруженные группировки румынских войск, взяли в плен более 30 тысяч солдат, офицеров, генералов и громадное количество боевой техники.

Вот записи из дневника румынского офицера, начальника метеослужбы бригады 6-й дивизии, характерные для тех дней:

19 ноября.

Русские открыли ураганный огонь по левому флангу 5-й дивизии. Такого огня я еще не видел... от артиллерийской канонады сотрясалась земля и сыпались стекла... На высоте 163 показались вражеские танки и держат путь на Распопинскую. Вскоре

сообщили, что танки прошли на полном ходу через позиции и ворвались в село... Наши пушки не причинили им никакого вреда... У этих тяжелых, 52-тонных танков, идущих с максимальной скоростью, очень толстая броня, и наши снаряды ее не пробивают...» [112] (с. 100).

Замкнув малое кольцо окружения, была произведена молниеносная операция по удалению внешнего фронта от окруженной на Волге группировки врага. Но и далее события развивались не менее стремительно.

Вот, например, какими потерями для немцев обернулись действия 17-го гвардейского танкового полка под командованием подполковника Т.С.Позолотина:

«Полк, получив задачу совершить рейд по тылам врага, 20 декабря вышел в оперативную глубину гитлеровцев в районе хутора Хлебинского и, развивая стремительное наступление, на рассвете 23 декабря под покровом тумана вплотную приблизился к вражеским колоннам, двигавшимся к фронту, по-видимому, с целью закрыть образовавшуюся брешь. Возможности маневра противник был, по существу, лишен, так как справа и слева от дороги образовались огромные снежные завалы. Танки Позолотина огнем, броней и гусеницами уничтожали живую силу и боевую технику врага. 10 тысяч немецких солдат и офицеров нашли себе могилу в заснеженных придонских степях» [192] (с. 309).

Вот о еще одном подобном рейде:

«Войдя в прорыв северо-западнее Богучара 17 декабря в 18 часов 30 минут, 24-й танковый корпус прошел с боями около 300 километров, уничтожив по пути к станции Тацинская 6 700 вражеских солдат и офицеров и захватив громадное количество военного имущества. Утром 24 декабря, подойдя к станции, наши танки сходу атаковали ее с разных сторон. Гвардии капитан И.А.Фомин с группой бойцов ворвался на станцию Тацинская, перерезав железнодорожную магистраль Лихая — Сталинград. Уничтожив вражескую охрану, он захватил эшелон разобранных новых самолетов. К сожалению, капитан И.А.Фомин там же погиб смертью героя от вражеской пули.

В это же время танкисты под командованием капитана М.Е.Нечаева ворвались на аэродром, где стояло более двухсот немецких транспортных самолетов, готовых к вылету. Но взлететь им не удалось, они были раздавлены нашими танками» [112] (с. 110–111).

«В результате боев за Тацинская... захвачено два аэродрома противника, на которых находилось свыше 300 самолетов противника разных типов, три больших склада с продовольствием, 5 складов с боеприпасами, 4 склада с вещевым имуществом, склады ГСМ общим тоннажем свыше 300 тонн...» (ЦАМО РФ, ф.203, оп.2851, д.24, л.237 обр)» [146] (с. 236).

Таким образом:

«За один день 4-й воздушный флот лишился трети своей транспортной авиации» [177] (с. 381).

Так что к ежедневно сбиваемым нами десятками самолетам врага, пытающимся снабжать по «воздушному мосту» свои окруженные у Волги войска, этот удивительнейший 300-километровый рейд танковых колонн добавил и еще несколько сотен самолетов, уничтоженных на земле.

А вообще за время этой операции:

«...542 самолета различных типов... были захвачены советскими войсками на занятых в ходе наступления аэродромах» (там же).

В воздухе:

«Во время операции по снабжению своих окруженных войск немцы потеряли 500 самолетов...» (там же).

Так что результат упрямого желания гитлеровской европейской коалиции, а точнее мирового масонства, переломить ход битвы в свою пользу закончился для врага очень серьезным разгромом не только наземных, но и воздушных его армий. От этого страшного погрома его авиация уже не оправится никогда.

Причем, к этому поражению вражеские орды подвела вовсе не якобы ошибка Гитлера, не позволившая, де, вовремя предпринять попытку улизнуть из-под разгрома 6-ой армии. Но именно громадное превышение потерь немцев над потерями нашими в ходе этой поистине эпохальной битвы за выживание, в которой русский человек в очередной раз доказал, что сильнее его на планете людей нет. Ведь именно перемалывание костей постоянно направляемых в Сталинград очередных орд пополнения из центральной Европы и позволило нам сосредоточить на флангах такие многочисленные и прекрасно вооруженные группировки, с которыми имеющимися в наличии на тот момент у немцев силами справиться было просто поистине невозможно. А тем более при попытке провести сражение зимой в чистом поле.

Полную невозможность победы в таком сражении прекрасно понимало и германское командование:

«...сражение с превосходящими силами советских войск в открытом поле, в суровых зимних условиях, при ограниченных средствах передвижения, запасах горючего и боеприпасов имеет слишком мало шансов на благоприятный исход. Поэтому лучше закрепиться на занимаемых позициях и стремиться деблокировать группировку» [202] (с. 223).

А ведь и действительно — нашим танковым колоннам было бы в тот момент очень удобно проутюжить выскочивших из своих укрытий в степь гитлеровцев. Ведь в степи в тот момент вырыть хотя бы одинокий окоп — это достаточно трудоемкое мероприятие. А если потребуется рыть траншеи на протяжении всего этого предполагаемого трехсоткилометрового похода?

А сверху, в тот момент, беглецов еще и усиленно утюжит русская авиация...

Так что спасения в такого вот рода «отходе» у немцев на тот момент не было: их трехсоттысячная группировка могла прекратить свое существование, при подобного рода «маневре», в считанные дни. А так хоть как-то с грехом пополам просуществовала, правда, усиленно редая с каждым днем, до начала февраля, оттягивая на себя достаточно значительные силы русских. Однако же, чуть ли ни тотального своего истребления все же не избежала. Но о полной безысходности перед неизбежным поражением слишком далеко забравшихся войск объединенной Гитлером Европы уже сказано выше.

И все, кстати, от того, что Гитлер был лишен истинной информации о потерях как в своей, так и в противостоящей ему армии.

Так что зря сегодня судачат битые нами Манштейны о некомпетентности Гитлера. Врали бы ему поменьше, тогда, может быть, и не заставили бы в очередной раз ошибаться своего главковерха, уверовавшего к тому времени в то, что русские давно разбиты и никаких резервов для контрнаступления у них не может быть просто и по определению.

Но немец погибал тогда не только от присущего этой нации Мюнхгаузенов вранья, но и от трусости. О чем говорит эпизод при попытке деблокады вражеской группировки, окруженной в Сталинграде:

«Чтобы “развязать Сталинградский мешок”, немецким танковым дивизиям оставалось преодолеть сорок-сорок пять километров.

А танки Малиновского были практически без горючего и не могли помочь своим бойцам, отражающим атаки наступающих танковых частей немцев. И тут Родион Яковлевич, договорившись с представителем Ставки Верховного Главнокомандования

Александром Михайловичем Василевским о срочной доставке армии горючего, принял рискованное решение. Около шестисот стальных машин выползли из оврагов и балок на открытую местность и выстроились по всей линии фронта. Эффект был потрясающим. Гот доносил в ставку Гитлера: “Вся степь усеяна советскими танками”, — и получил приказ перейти к обороне (Голубович В.С. Маршал Малиновский. Киев, 1988. С. 101–102). Время было выиграно, горючее подвезли, и в 10 часов утра 24 декабря 1942 года 2-я гвардейская армия вместе с 51-й армией с рубежей на северном берегу реки Мышкова перешли в решительное наступление (Еременко А.И. Разгром группировки Гота-Манштейна. В кн.: Сталинград: уроки истории. М., 1980. С. 157–190)» [205] (с. 311–312).

Так что немца оказалось достаточным лишь еще пугануть, чтобы заставить его прекратить всякие и призывы к сопротивлению и вернуть свою технику в исходные позиции, бросив на произвол судьбы окруженную свою группировку, оставшуюся в Сталинграде. Так что своими шкурами Манштейн и Гот дорожили гораздо более, нежели шкурой вляпавшегося в капкан Паулюса. В том и весь немец. Потому ему еще и изначально не суждено было выиграть у нас войны.

А вот как выглядел общий масштаб этой грандиознейшей за всю историю войн операции:

«16 декабря 1942 года войска Донского фронта под командованием К.К.Рокоссовского перешли в наступление на Среднем Дону. В течение 15 суток были наголову разбиты 8-я итальянская армия, немецкая оперативная группа “Холлидт” и остатки 3-й румынской армии. 24 декабря началось наступление войск Сталинградского фронта (командующий А.И.Еременко) на Котельниковском направлении. К 30 декабря они нанесли поражение армейской группе “Гот”. В результате Среднедонской и Котельниковской операций русские войска продвинулись на запад и юго-запад на 150–200 км, заперев в “котел” южную группу вражеских войск во главе с командующим 6-й армией генерал-фельдмаршалом Ф.Паулюсом...

Сталинградская операция стала триумфом русского военного искусства. Впервые в мировой военной истории была окружена и полностью уничтожена столь крупная группировка противника. Русская победа полностью разрушила стратегические замыслы германского командования. Произошел коренной перелом в ходе войны: отныне военная инициатива перешла в руки Русской армии, и боевые действия устремились с востока на запад» [176] (с. 208–209).

«Для немцев Сталинград был самым трагическим событием второй мировой войны. Никогда раньше ни одна из их отборных армий не терпела столь сокрушительного поражения на поле брани. Никогда раньше столько немецких солдат не исчезало без следа в безкрайних просторах чужой страны. Сталинград был цепящей ум катастрофой для нации, считавшей себя расой господ. Пессимизм, словно инфекция, начал проникать в души тех, кто еще недавно на гитлеровских сборищах шумно скандировал: “Зиг хайль! Зиг хайль!”, и миф о гениальности фюрера постепенно развеялся под воздействием суровой реальности Сталинграда. В конфиденциальных беседах люди, ранее испытывавшие чрезмерную робость перед нацистским режимом, начали составлять конкретные планы по его свержению. Сталинград был началом конца “третьего рейха”» [177] (с. 196).

«В январе 1943 года внешний фронт в районе Дона усилиями Юго-Западного и Сталинградского фронтов был отодвинут на 200–250 километров на запад. Положение немецких войск, зажатых в кольцо, резко ухудшилось. Никаких перспектив на спасение у них уже не было. Материальные запасы истощались. Войска получали голодный

пак. Госпитали переполнились до предела. Смертность от ранений и болезней резко возросла. Наступила неотвратимая катастрофа» [112] (с. 114).

Вот как в своих воспоминаниях описывает финал катастрофы немецкий офицер 6-й армии Паулюс И.Видер. После предшествующей началу нашего наступления артиллерийской канонады:

«Мы вынуждены были начать отход по всему фронту... Однако отход превратился в бегство... Кое-где вспыхнула паника... Путь наш был устлан трупами, которые метель, словно из сострадания, вскоре заносила снегом... Мы уже отступали без приказа». И далее: «Наперегонки со смертью которая без труда догоняла нас, пачками вырывая из рядов свои жертвы, армия стягивалась на все более узком пятачке преисподней» (И.Видер. Катастрофа на Волге. М., 1965, с. 95, 102)» [112] (с. 114).

Затем мы вновь подтянули орудия. И вот чем отмечен финал этой битвы, блестяще завершённой русским человеком:

«Канонада грохотала долго. Наконец она стихла. И тотчас во многих местах над еще дымившейся черной землей затрепетали белые флаги. Появлялись они стихийно, помимо воли немецкого командования... утром 2 февраля окруженной северной группировки стали сдаваться в массовом порядке, и опять это происходило помимо воли фашистского командования. [71] (с. 189–190).

Однако ж, если уточнить, «масс» у противника к тому моменту оставалось не слишком-то и много. Все дело в том, что если южная группировка врага сдалась без особых хлопот, где фельдмаршал Паулюс подписал акт о капитуляции:

«...в северной части Сталинграда немецкий гарнизон под командованием генерал-полковника Штекера отказался принять условия капитуляции, и был уничтожен концентрированным огнем тяжелой артиллерии» [202] (с. 226).

То есть сдались лишь те слишком немногие, кто после этого расстрела практически в упор каким-то чудом уцелел.

И лишь после этого:

«Окруженная группировка противника прекратила свое существование. Великая битва на Волге закончилась» [71] (с. 190).

А сразу после одержанной победы:

«...в Сталинграде, в наскоро приведенном для этого в приемлемый вид одном из храмов (по некоторым сведениям, в сохранившемся храме во имя Казанской иконы Божией Матери) был отслужен благодарственный молебен (Якунин В. За веру и отечество. Самара, 1995, с. 89). И первую свечу затеплил командарм Василий Иванович Чуйков, “окопный генерал”, как его доброжелательно называли бойцы героически сражавшейся 62-й армии. Ему, выросшему в деревне, окончившему четыре класса церковно-приходской школы и с детства с родителями и со своими многочисленными братьями и сестрами ходившему в храм, не надо было объяснять, Чьей милостью была одержана победа в этой безпримерной битве...»

Какими путями происходило возвращение к вере отцов В.И. Чуйкова, ведает один Господь...

Думается, решительный возврат произошел на узкой полоске земли вдоль берега Волги, где его 62-я армия отстояла Сталинград. По свидетельствам его однополчан, именно после тех дней командарм Чуйков стал открыто посещать уцелевшие храмы, что были на долгом и трудном боевом пути его 8-й гвардейской армии (16 апреля 1943 г. 62-й армии было присвоено высокое звание — гвардейской, и она стала именоваться 8-й гвардейской армией), встретившей День Победы в Берлине» [205] (с. 276).

И здесь нет ничего удивительного — молитвами матери наш главный герой Сталинградской битвы был поставлен на правильную дорогу, с которой и не сошел. Ведь вновь его мать, спасшая единственную в ее районе церковь от уничтожения, после

одержанной ее сыном величайшей из побед, продолжает атаковать советские учреждения на предмет возвращения русскому человеку его исконных святынь:

«В 1943 году уже после победы под Сталинградом... Елизавета Федоровна Чуйкова снова в Москве. Теперь она на приеме у... Калинина. И добивается разрешения на возобновление богослужения в Никольской церкви в родных Серебряных Прудах» [205] (с. 284).

Да, народ русский, вопреки всем прогнозам, вновь возвращался к вере своих пращуров. Среди воинов, что и понятно, процент выживших был почти равен проценту одумавшихся:

«По свидетельствам многих ветеранов, непосредственно перед самыми боями в городе жители раздавали солдатам переписанные на бумаге молитвы “Живый в помощи...”»

Рассказы местных жителей, переживших войну, полны историями об их молитвах в Сталинграде в период боев, во время бомбежек, об обхождении мимо своих жилых домов с иконами в руках в промежутках между налетами немецких самолетов. Рассказывает жительница Сталинграда Александра Ивановна Сиденко: “Женщины на груди носили на шнурке ладанки. Ладанками называли обшитый тканью свернутый листок бумаги, на котором от руки были написаны слова 90-го псалма «Живый в помощи...». И у меня была ладанка. Икону Божией Матери из дома мы перенесли в погреб и там ее укрыли. Когда немцы начали бомбить, из горящего дома (нас было восемь человек) мы перебрались в землянку. Прятавшиеся здесь люди просили меня читать, не преставая, молитву «Живый в помощи...» И я читала... Бомбили три дня. О еде тогда и не думали. И что удивительно, даже дети не просили есть, только пить. Во всех землянках по просьбе людей я читала 90-й псалом «Живый в помощи...» В последней землянке нас было уже тридцать человек” (Сиденко А.И. Вера в Божию милость спасает и в войну // Православное слово. 1996, апрель–май. С. 12)

Рассказывает жительница села Горноводяное Мария Федоровна Ягупова: “Мое родное село находится на правом берегу Волги. В 1942 году немцы его не занимали. В селе было два госпиталя, в которые с фронта по грейдеру шли раненые советские солдаты. Немцы бомбили этот грейдер, Волгу и все вокруг села, но село они не бомбили. Вражеские самолеты опускались низко к окнам домов. Летчики стреляли по окнам, били стекла, но из жителей за все время боев в Сталинграде никто не был ранен. Бабушки по ночам с иконами ходили воеруг села. Люди говорят, что поэтому немцы нас не бомбили...”

Когда немцы начали массированные бомбардировки Сталинграда 23 августа 1942 года, жители бросились из этого огненного ада к Волге, стремясь на чем угодно переправиться на левый берег. По словам Людмилы Павловны Дубровченко, доцента Оренбургского института, “мы с мамой переправлялись в большой весельной лодке, набитой людьми. Была жуткая бомбежка. Немецкие самолеты летели на бреющем полете и расстреливали всех плывущих по Волге. Практически все люди тонули. Над водой стоял вой, Ю стон, крики. Моя мама взяла с собой икону Божьей Матери. Она не кричала, когда все от страха вопили, а молилась во время переправы. Нашей лодки не коснулся даже ни один осколок, все люди, сидевшие в ней, остались живыми”» [205] (с. 297–299).

И таких историй, которые стало можно публиковать в прессе лишь в последнее время, просто масса. И если до войны существовало 20 томов «Жития святых», где описываются подобного рода чудеса, произошедшие на всей земле за два последних тысячелетия, то о последней войне, если бы пресс советской пропаганды не заставлял людей держать язык за зубами под угрозой ссылки в ГУЛАГ, вышло бы томов даже много больше, нежели имелось до этого. Так что от авиации врага, в ту пору

сбрасывающей на головы советских граждан Сталинграда и его ближайших окрестностей весь груз военных заводов практически всего мира, ущерб не был нанесен лишь тем людям, которые все-таки, пусть и от страха, но вспомнили — кто все-таки они. Потому исключительно они и остались в живых. Всех же остальных, ни под каким видом не желающих вспоминать свое родство, высшим провидением было предначертано, руками немецких летчиков, просто тотально уничтожить. Что и происходило повсеместно.

Однако же, что и не замедлило произойти, обогривших в крови мирных жителей немецких пилотов ждала не менее страшная участь, уподобленная участи их в совсем недавнем прошлом жертв. Ведь если они были озабочены лишь как можно больше убить русских людей на земле, причем, не важно — гражданских лиц или военных, то наша истребительная авиация и противовоздушные части истребляли десятками и сотнями сами эти вражеские самолеты, тем безприрывно выравнивая соотношение сил.

Но не только в небе Сталинграда в разгар битвы уничтожалась вражеская авиация, но и по всем фронтам в это же самое время шло ожесточеннейшее воздушное сражение, в ходе которого:

«Из более чем 11 тыс. вражеских самолетов, уничтоженных на советско-германском фронте в 1942 г. большая часть приходится на лето и осень, когда борьба носила наиболее ожесточенный характер» [35] (с. 270).

Наши потери авиации:

«Ожесточенные сражения... при отражении крупного наступления вермахта в 1942 г., потребовали огромного расхода материальных средств. С мая по ноябрь боевые потери только одних самолетов составили более 7 тыс. [ИВИ. Документы и материалы, ив.№3, с. 423]» [35] (с. 318).

То есть 1942 г., за счет все возрастающего мастерства русских летчиков, пересевших теперь на новые модели машин, максимально приблизил мощь нашей авиации к немецкой, до этого момента все еще продолжавшей подавлять своей численностью. Но численности немцев мы противопоставили умение и героизм. Потому на целых четыре тысячи самолетов сбили больше. Тем и еще более четко обозначив полное соответствие этого флота Германии — воздушного, флоту своему подводному, чьи «достижения» Гитлер сверял исключительно по сводкам Би-би-си.

А потому выглядит совершенно неоспоримым тот простой факт, что:

«К концу 1942 года уровень немецких асов стал падать — мы выбили цвет немецких летчиков...» [122] (с. 158).

То есть в войне за небо, повторяя сложившуюся ситуацию конца 41-го года, мы вновь одержали полную победу. И на этот раз господству вражеской авиации в воздухе России пришел конец.

Также дела обстояли и с танками, орудиями и живой силой врага:

«...летом и осенью немецко-фашистское командование каждый месяц дополнительно вводило против Советской Армии в среднем 10 дивизий. Кроме того, на фронт ежемесячно направлялось 250 тыс. человек маршевого пополнения. Общее количество соединений противника к концу этапа достигло 278, или в пересчете на дивизии — 270. Это было наибольшее количество сил, задействованных гитлеровцами на советско-германском фронте за всю вторую мировую войну» [35] (с. 317).

То есть в качестве живого мяса немцами и их многочисленными союзниками «на съедение» нам бросалось по полмиллиона человек ежемесячно! Но и этого, для продления немецкого наступления, оказалось все же маловато.

Но уж больше брать немцам людей стало просто неоткуда — враг был полностью обезкровлен.

И лишь после того, как мы эти проблемы врага прочувствовали, началось стремительное наступление наших фланговых группировок.

«23 нояб. подвижные соединения Юго-Зап. и Сталинг. фронтов соединились... и окружили 22 дивизии и более 160 отд. частей 6-й и частично 4-й танк. нем. армий общей числ. 330 тыс. чел» [87] (Т. 7, с. 519).

И вот с какими неразрешимыми проблемами в те дни столкнулось руководство рейха:

«Окруженной в Сталинграде армии необходимо доставлять 700 тонн в день. Даже если окруженные войска перебьют всех лошадей и будут питаться кониной, им потребуется ежедневно 500 тонн снабжения» [177] (с. 211).

Конечно же, снабженная в поход на Восток не только своими, но и нашими «союзниками» объединенная Гитлером Европа могла себе позволить роскошь попытаться производить доставку необходимых грузов самым дорогостоящим путем — по воздуху. Однако все расчеты были сделаны без учета противодействия наших ВВС и средств зенитной обороны:

«На бумаге число самолето-вылетов в операции по снабжению окруженных немецких войск выглядело внушительным. Но статистика скрывала тот факт, что, хотя самолеты поднимались в воздух со своих авиабаз и брали курс на Сталинград, их грузы не доходили до сидящих в “котле” солдат. Тяжелые погодные условия вынуждали самолеты с полпути возвращаться назад, их перехватывали русские истребители, обстреливали подтянутые зенитные батареи. В результате усеянная обломками самолетов степь внизу под авиатрассой была похожа на авиационное кладбище» [177] (с. 215–216).

Немцы, что и понятно, пробовали вырваться из котла:

«4-я танковая армия выступила 8 декабря... но уже в начале второй половины декабря была отброшена на Котельниково... Таким образом, рухнула всякая возможность освобождения из котла.

Еще больше ухудшилось так же и положение на донском фронте в декабре вследствие прорыва русских по фронту и в глубину в р-не 8-й итальянской армии» [129] (с. 286).

А в это время окруженные немцы испытывали все большую нужду. И практически во всем. Ведь с момента окружения, несмотря на просто катастрофические потери как самих грузов, так и пытающихся их доставить самолетов врага:

«Ежедневные поставки снабжения по воздуху не превышали 100 тонн» [177] (с. 217).

Вот текст одной из телеграмм из штаба 6-й армии, отправленной 26 декабря:

«Сегодня к 17.00 мы приняли 38 “юнкерсов” и 3 “хейнкеля”, доставивших нам 70 тонн, включая продовольствие, в основном хлеб. Хлеба у нас осталось на два дня, остального провианта — на день, жиров уже нет.

Требуется немедленно доставить по воздуху продовольствия на 250 тысяч человек... Мы полностью зависим от поставок по воздуху... у нас также кончается горючее, завтра мы израсходуем последние 20 тонн... Прошу любым способом обеспечить доставку завтра 200 тонн, из них 150 тонн провианта и 50 тонн горючего. Иначе нам не продержаться» (там же).

И вот пришло время расправиться с остатками вражеской группировки, практически оказавшейся лишенной подпитки извне для оказания какого бы то ни было серьезного сопротивления:

«На рассвете 10 января 1943 года, на 48-й день окружения, в 8,05 семь тысяч орудий и минометов открыли ураганный огонь по укреплениям 6-й армии в районе Карповки. Одновременно армада советских самолетов атаковала немецкие позиции.

Спустя два часа в обороне немцев появились бреши, в которые быстро ворвались «тридцатьчетверки» с автоматчиками на броне. Некоторые немецкие дивизии почти полностью погибли под этим ливнем огня и стали, другие были разбиты, рассечены на части. К концу дня войска 6-й армии отступали или бежали к развалинам Сталинграда. К 11 января положение в “котле” еще более ухудшилось...

Радиограмма штаба 6-й армии, отправленная 11 января в 9.40 Манштейну, гласила: “Противник осуществил прорыв на широком фронте... отдельные укрепленные пункты пока еще держатся. Мы пытаемся собрать вместе и использовать остатки интендантских и строительных частей, чтобы создать линию сопротивления”.

Но было уже безнадежно пытаться отсрочить неизбежное. В 19.00 радиостанция окруженных сообщила: “Оборона прорвана в глубину... ширина прорыва шесть километров... наши потери значительны. Сопротивление войск быстро падает из-за нехватки боеприпасов, сильного мороза и отсутствия укрытий от мощного артиллерийского огня противника”.

Капитан Винрих Бер, вернувшись из поездки на передовую, написал своему другу Клаусу фон Белову краткое письмо. Бер рассказал ему то, о чем штаб 6-й армии не упомянул ни в одном из своих официальных заявлений. Немецкие солдаты дезертировали большими группами, многие фронтовые офицеры утратили волю к руководству; часовые спали на посту, закутав голову одеялом; лишенные поддержки танков, перепуганные немцы обращались в бегство...» [177] (с. 217).

Здесь, собственно, удивляться-то нечему. Ведь немец привык давить лишь при осязательном превосходстве в вооружении. Здесь же, оказавшись без должного количества боеприпасов и вооружений, он быстро раскис и был тут же разгромлен. При этом мало кому удалось спастись бегством:

«...“котел” начал заметно сжиматься по мере того, как немецкие войска бежали на восток. Восемь дивизий фактически были уничтожены.

К аэродрому в Питомнике прорвались русские танки. Диспетчеры на контрольной вышке отменили дальнейшие посадки транспортных самолетов, и шесть истребителей М-109 взлетели в воздух, чтобы перебазироваться на небольшой и плохо оборудованный аэродром Гумрак. При посадке пять из них разбились. Шестой истребитель неуверенно покрутился над аэродромом, затем взял курс на запад и исчез за горизонтом. Совершив посадку на немецкой авиабазе, летчик доложил, что Питомник более не находится под немецким контролем.

С потерей этого аэродрома 6-я армия получила смертельную рану» [177] (с. 224–225).

Противник, таким образом, лишился и последней своей возможности как-либо все-таки попытаться дотянуть в Сталинграде до весны. Но оно еще и до начала штурма было таким. Вот что ответил Малиновский, когда иностранные журналисты поинтересовались имеются ли шансы у немцев вырваться из окружения:

«Сталинград — это лагерь вооруженных военнопленных. Положение его безнадежно» [177] (с. 224).

А общий итог разгрома был таким:

«Как засвидетельствовал позднее сам противник, только Германия потеряла за ту зиму в России 1 200 000 солдат и офицеров, а вместе с армиями-сателлитами потери врага составили до 1 700 000 человек. Громадными цифрами исчислялся неприятельский урон и в боевой технике: 24 000 орудий, 7 400 танков, 4 300 самолетов» [104] (с. 111).

«Во время наступления наших войск зимой 1943 года было разгромлено 100 вражеских дивизий (около 40% всех их соединений)» [176] (с. 210).

А вот что случилось, со слов все тех же немцев, с самой окруженной группировкой:

«Из 300 000 военнослужащих, попавших в “Сталинградский котел” в ноябре, до русского плена дожили 90 000. И только 6 000 из их числа смогли вернуться на родину» [179] (с. 215).

Остальные же 84 тыс. германских шаромыжников, то есть практически живых мертвецов, кому просто чудом посчастливилось все же дожить до плена в холоде и голоде ледяной непривычной им русской зимы, большей своей частью:

«...погибли от переохлаждения и тифа...» [202] (с. 227).

И смогли возвратиться в Германию только после того, как от звонка до звонка отбарабанили срок, полученный за свои преступления:

«...спустя почти 12 лет...» (там же).

Той же зимой была осуществлена и еще одна достаточно крупная операция на окружение противника — Острогожско-Россошанская. Ее итогом:

«...стало освобождение территории площадью 22,5 кв. км, захват в плен 86 тыс. солдат и офицеров противника. Была разгромлена 2-я венгерская армия, итальянский альпийский корпус, 385-я и 387-я немецкие пехотные дивизии, дивизионная группа “Фогеляйн”» [123] (с. 170).

Таким образом, мощь вторгшейся к нам под знаменами Гитлера очередной объединенной европейской коалиции была окончательно подорвана. Впереди явственно наметилось поражение оккупационных войск, не выдержавших сопротивления с русским человеком. Людские ресурсы агрессора оказались вычищены до самых крайних пределов — пополнять их было давно уже более нечем. В войне наступил явный перелом.

Но враг не дремлет. И даже такую колоссальную победу, как Сталинградская битва, Запад пытается списать на что угодно, но только не на победу и сегодня самого страшного для него оружия — русского:

«Если в высказываниях многих государственных и военных руководителей времен минувшей войны и в литературе первых послевоенных лет Сталинградская битва правомерно называлась решающей битвой мировой войны, то уже вскоре на Западе стали появляться откровенные тенденции снизить звучание этой битвы, вытравить из сознания сегодняшнего поколения память о Сталинграде... предать забвению исторический подвиг защитников города-героя на Волге. А с течением времени эти тенденции оформились в определенную систему фальсификации истории Сталинградской битвы. Эта фальсификация имеет свои приемы и направления.

Одним из таких приемов фальсификации является тенденциозный показ боевых действий под Сталинградом через призму работ мемуаристов и историков из числа бывших гитлеровских генералов. В статьях и книгах, посвященных битве на Волге, подробно описываются лишь действия немецко-фашистских войск, главным образом в наступлении, с явной симпатией к ним и гитлеровскому генералитету в особенности. При этом неумеренно превозносятся успехи вермахта, восхваляя немецкое военное искусство. Критике подвергается только Гитлер, на которого взваливается вся вина за неудачи и поражения. На этом фоне вскользь, весьма отрывочно и искаженно говорится о Советской Армии. Ее **героические оборонительные сражения преподносятся как сплошная цепь поражений...**

Фальсификация Сталинградской битвы характерна прежде всего для американской, английской и западногерманской историографии. Она находит широкое отражение не только в иллюстрированных изданиях, специально предназначенных для идеологической обработки подрастающего поколения, но и

в исследовательских трудах, энциклопедиях, мемуарной литературе и других работах по истории второй мировой войны.

...сведения, взятые из немецко-фашистских источников и мемуаров бывших гитлеровских генералов, без тени сомнения признаются достоверными, а фактические данные из советских военно-исторических трудов тут же оговариваются как не внушающие доверия. Потери вермахта в ходе его наступления в 1942 г. выводятся и подаются читателю мизерными, хотя автор не может не знать, что 95 процентов [на самом деле все 100% — А.М.] всех потерь на данном этапе мировой войны немецко-фашистские войска понесли именно на советско-германском фронте» [35] (с. 197).

Но ведь тома данного очень объемистого труда, «История 2-й мировой войны 1939–1945 гг.», начали выходить в свет еще более трех десятков лет назад (с 1974 по 1982)! Так что нынешние перегибы позабывших свое родство Иванов являются вполне теперь законным появлением выросших «плодов» из тех давних лет тогда еще, во всяком случае, в нашей стране, «цветочков».

«Но как бы ни усердствовали буржуазные фальсификаторы в своем стремлении предать забвению подвиг защитников Сталинграда, историческая правда о нем непобедима, так же как непобедимым оказался сам город-герой на Волге» [35] (с. 198).

Однако ж самыми первыми из объявившихся у нас в стране фальсификаторов являются вовсе не *буржуазные* источники. Но «Советская военная энциклопедия» образца еще 1976 г. Ведь именно после ею искусственного выравнивания соотношения сил перед войной, судя по всему с дальним прицелом на последующую пропаганду, к атаке на нашу Победу присоединился и Запад.

Им вторит и геббельсовская пропаганда времен крушения Германии в величайшей из битв современности — битве на Волге. Ведь и по сию пору эти недобитки с совершенно умным видом приводят вот какие цифры своих там потерь:

«До конца 1942 года немецкая армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести более 800 000 человек» [179] (с. 298).

Остальные 17 млн., следовательно, следуя этим геббельсовским цифирям, что и до сих пор они пытаются крутить перед нашим носом, бряцали в тот момент оружием и, поругивая русские морозы, ждали окончания холодов, чтобы разгромить уже теперь окончательно десятками миллионами ежедневно укладываемых ими в сырую землю этих безтолково лезущих на их пулеметы русских.

Однако ж к Курску, заметим, их армия, пополненная поляками, чехами, словаками, венграми, французами, голландцами, норвежцами, албанцами, испанцами, итальянцами, хорватами и т.д., будет в полтора раза все же своей численностью уступать нашей, якобы давно переистребленной на бумаге по несколько раз кряду.

Но эта их просто безумствующая пропаганда, которой разумные доводы ни о чем не говорят, к сегодняшнему дню, *общими вражьиими усилиями*, нас вообще низвела просто до такой степени, до какой уже низвести просто невозможно и чисто теоретически. Пока, правда, еще только на бумаге.

Но это только для начала. Агрессия носит сегодня чисто информационный характер, пытаюсь удушить в нас и всякое стремление к сопротивлению. Но когда волна альтруизма и депрессии сделает нас вообще не способных ни к чему, вот тогда и начнется третье на нас масонское нашествие.

Потому, чтобы не расслабиться от ласковой западной пропаганды и не оказаться затем, проснувшись, связанными по рукам и ногам и с кляпом во рту, следует всегда помнить их отношение к тем, кто больше для них уже не представляет какой-либо опасности: *горе побежденным!*

Курская битва

«Не рой другому яму — сам в нее попадешь», — говорит прекрасная русская пословица, повествующая о неизбежной судьбе всех тех, кто желает зла окружающим его людям. Немцы, в этой своей тотальной ими начатой против русского народа войне, желая истребить нацию нашу, что выясняется, истребили нацию свою. Уже зимой 1941-го они сгребли всех способных носить оружие от 18 до 47 лет. Год спустя, оставив набранные орды догнывать на полях Сталинграда, по сусекам сгребать пришлось уже стариков, женщин и даже детей:

«Высокие потери в людях и технике после Сталинградской битвы... привели к тому, что все резервы оказались исчерпанными, восстанавливать действующие на фронте соединения до штатной численности было просто нечем...

13 января 1943 г. фюрер был вынужден подписать приказ о “тотальной войне”... зарегистрироваться для прохождения военной службы должны были мужчины от 16 до 60 лет и женщины от 17 до 45 лет» [146] (с. 22).

Для этих же целей более тщательно были обложены рекрутской повинностью и жители оккупированных территорий:

«...на фронт направлялись поляки, чехи, словаки» [146] (с. 847).

Но все это являлось лишь полумерами. И в пушечном мясе у битого под Сталинградом врага все равно продолжала чувствоваться острая нехватка. Потому:

«С 11 февраля 1943 г. в качестве вспомогательных служащих ВВС стали призываться 15-летние школьники» [146] (с. 23).

А вот, для сравнения, как выглядели мероприятия для пополнения нашей армии, в ту пору готовящейся к генеральному сражению:

«В начале апреля Н.Ф.Ватутин приказал:

1. Мобилизовать в прифронтовой полосе всех мужчин... в возрасте с 1924 года рождения до 50 лет включительно» [146] (с. 127).

То есть, если немцы уже с февраля 43-го начали добавлять к благополучно сгнившему к тому времени на полях русской славы пушечному мясу не только стариков и детей, в возрасте от 15-ти и вплоть до 60-ти лет, но и женщин, то нами, причем, лишь в прифронтовой полосе и лишь к концу апреля, лично Ватутиным стали отмобилизованы гражданские лица от 19 до 50 лет. Мало того, в приказе значилось:

«3. От мобилизации освободить лиц, занятых по восстановлению промышленных предприятий, работающих на транспорте, квалифицированных рабочих наркомсвязи и специалистов сельского хозяйства...» (там же).

Таким образом, мобилизации было подвергнуто слишком ограниченное число лиц, чтобы и приблизительно можно было эти приготовления в прифронтовой зоне сопоставить с лихорадочным поиском пушечного мяса в стане врага.

Но и технически мы не стояли на месте. Особенно это чувствовалось в небе:

«К лету почти вся авиация была перевооружена новой материальной частью...» [112] (с. 133).

Но не только качественно усилилась наша авиация:

«По количеству авиации наши ВВС уже превосходили немецкие воздушные силы» [112] (с. 133).

И именно по этой причине:

«Немцы вообще к тому времени стали трусливее...» [122] (с. 87).

И это вполне естественно. Ведь лишь:

«...когда их большинство, они вояки будь здоров» [122] (с. 87).

Ну а если никаких преимуществ не имеется, то и рисковать лишней раз расчетливому немцу не имеет смысла. Потому он и стал к тому времени куда как более труслив, чем в начале войны, когда имел возможность нападать вдесятером на одного.

Но и пехота наша теперь получила оружие, превосходящее германское:

«В мае 1943 года в каждой стрелковой роте появился взвод автоматчиков. Автоматы стали поступать также в танковые и механизированные войска» [104] (с. 160).

И такое случилось лишь к лету 1943 года. Немцы же такой тип вооружения имели еще до нападения на Польшу. Ведь именно еще тогда к ним:

«С осени 1939 г. начали поступать автоматы (W. Eckard, O. Morawitz, Die Handwaffen des brandenburgisch-pruessisch-deutschen Heeres 1640–1945. Hamburg, 1957)» [32] (с. 376).

Здесь, правда, о несовершенстве оружия врага требуется уточнение. Расположение их затворов не позволяло вести огонь из положения лежа. Именно по этой причине, на что в своих воспоминаниях указывают битые нами немецкие генералы, появившиеся под Сталинградом в большом избытке в наших войсковых соединениях автоматы нанесли столь серьезный урон немецкой пехоте, чье оружие для боев в условиях города оказалось совершенно непригодным.

И к Курску, когда освоившийся в руках наших бойцов автомат, своими качествами превосходящий немецкий, почти вытеснил винтовку, наша пехота начинала получать над противником уже значительный перевес. Вот как на тот момент выглядело соотношение сил сторон:

«В июле 1943 года Русская армия превосходила противника в людях в 1,2 раза, в артиллерии — почти вдвое, в танках — в 1,8 раза и в самолетах — в 2,8 раза» [176] (с. 210).

Ну, а после этого сражения, нами великолепно выигранного, когда еще с полмиллиона разлагающихся на жаре трупов немецких тел трое суток не позволяли нормально дышать проходящим мимо этого поля русской славы русским солдатам, наше преимущество в живой силе куда как и еще более возросло. Однако ж и для вражьей авиации Курская дуга представляет грандиозных размеров могильник. После этого сражения, где повержены были последние надежды агрессора на реванш, небо остается уже до самой Победы за нами. И от Курска и до самого Берлина мы крушили этих «асов Геринга» с таким постоянством и настойчивостью, что под конец войны уже имели в авиации восьмикратное свое над врагом преобладание.

Таковы же и танковые «асы» Манштейна, по несколько десятков русских танков, тоже из воздуха, приписавшие на свой счет все в том же сражении, вдребезги ими проигранном.

А вот что следует сказать о появлении танка, ничем особым себя в этой войне не проявившего, но в устах нынешних фальсификаторов якобы ставшего неким безудержным громилой наших «тридцатьчетверок».

В январе 1943 г. на Ленинградском фронте в районе расположения на Синявинских высотах наших дальнобойных 122-мм орудий вышел вот какой удивительный случай. Прямо на расположение орудийного расчета дальнобойного орудия шел немецкий танк новой пока неизвестной конструкции. Не долго думая, орудие развернули на прямую наводку и дали залп:

«Выстрел был сделан с расстояния каких-нибудь 50 метров. Снаряд буквально снес расколовшуюся башню, а ее куски с такой силой ударили по броне второго, идущего следом танка, что его экипаж сбежал, даже не выключив мотор» [78] (с. 44).

Вот такого вот рода «героизмом» и страдали прославленные фальсификаторами танковые «асы» Манштейна: усиленно опасаясь за целостность своей собственной шкуры, они решили уберечь ее самым испытанным в среде вторгшихся к нам культуртрегеров способом — бегством. При этом они даже и не попытались чем-либо

ответить нашему оружию, только что произведшему свой выстрел и оставшемуся теперь практически безоружным перед вторым уцелевшим танком врага. Страх сделал свое дело: немцы, не рискуя искушать судьбу, на всякий случай решили поступить так, как, судя по всему, они всегда и поступали в подобных же ситуациях — сбежать.

А ведь этим брошенным нам в руки унесенными ногами аника-воинами невиданным бронированным чудовищем являлся немецкий новый танк «тигр», тогда еще секретный.

Но раскуроченный пушкой-гаубицей прямой наводкой танк, как потом выяснилось, для нас уже новинкой не являлся. Несколькими днями ранее нам уже достался в руки точно же такой:

«В январе 1943 года, стремясь ликвидировать прорыв советских войск на Волховском фронте, немцы бросили в бой новейший танк Т-VI — “тигр”. Этих танков у них были тогда считанные единицы. Они проходили войсковые испытания... И вот с этим-то “тигром” и вступили в единоборство бронейщики Волховского фронта. Меткими выстрелами они вывели из строя все смотровые системы танка. Ошеломленный этим, экипаж бежал, бросив почти исправную машину» [78] (с. 44).

Вот и вновь: чуть зачуяв хоть малую опасность, эти аника-воины тут же кинулись, сломя голову, драпать, что есть мочи, без оглядки!

И это, между прочим, танкисты самого у них элитного подразделения... Да с кем мы вообще воевали?! Ведь вся эта вломившаяся к нам вооруженная до зубов банда имеет полный набор качеств, присущих лишь самым отъявленным негодям! В том числе, что для того рода двуногих и вполне естественно, просто потрясающую какую-то патологическую животную трусость...

А вот теперь слушаем свидетельства и самих беглецов о работе наших бронейщиков. Отто Кариус:

«Парни справа от нас теперь начали стрелять по нам из противотанковых ружей. Уже через короткое время не работал ни один смотровой прибор... эти ребята все время меняли позицию, а потом молниеносно исчезали опять» [128] (с. 50).

Так что против тяжелой немецкой техники, чье воздушное преимущество над всеми и вся появляется лишь теперь, мы вполне могли бороться и с помощью противотанковых ружей.

Но это, понятно дело, стало возможным лишь после того, как танк был досконально изучен и были выявлены все его слабые места.

Но особо сильных мест у него не было и тогда, когда он еще только появляется на фронте:

«...первый бой стал для “тигров” неудачным: один танк был подбит, а три увязли в болоте. Подбит был “тигр” артиллерийским оружием, по занимаемой им нише аналогичным 10-см корпусным пушкам “К-18”... — 122-мм корпусной пушкой “А-19” обр. 1931 г. С подбитым танком долгое время не знали, что делать: достать его было невозможно... Судьба танка была решена только в ноябре 1942 г. 24–25 ноября с танка сняли все ценное оборудование и взорвали его» [123] (с. 279).

Но он лишь открыл серию из подобного рода сувениров, которые оставались нам затем вражескими частями достаточно часто: два на Синявинских высотах, один после обстрела из противотанковых ружей.

Еще раз о нем. Ведь именно эта машина раскрыла для нас все уязвимые зоны этой на тот момент новейшей еще совершенно секретной немецкой техники:

«...в январе 1943 г., в ходе проведения операции “Искра” по прорыву блокады Ленинграда, был захвачен “тигр” в пригодном для изучения состоянии» [123] (с. 279).

Вот как описывает его захват маршал Жуков:

«Было это 14 января 1943 года. Нам доложили, что между Рабочим поселком №5 и Рабочим поселком №6 наши артиллеристы подбили танк, который по внешнему виду резко отличался от известных нам типов боевых машин...

Мы заинтересовались этим сообщением и приказали создать специальную группу в составе стрелкового взвода и четырех танков... Группа поддерживалась мощным артиллерийско-минометным огнем.

В ночь на 17 января группа во главе со старшим лейтенантом Косаревым приступила к выполнению боевого задания. Участок местности, где находился подбитый танк, противник держал под непрерывным обстрелом. Тем не менее, захваченную машину удалось отбуксировать. Доставили даже формуляр танка, подобранный на снегу...» [111] (с. 379–380).

То есть унесший ноги экипаж не только не подорвал оставляемый ими в руки врага секретный танк, но впопыхах, спасая собственную шкуру, даже потерял от него формуляр... С кем мы воевали?

«Захваченный танк был передан на всестороннее исследование. Опытным путем специалисты установили его наиболее уязвимые части... Поэтому, когда потом во времена Сталинградской и Курской битв немцы применили “тигры”, наши танкисты и артиллеристы уже смело вступали с ними в единоборства» [111] (с. 379–380).

Потому и не удалось Манштейну вызволить окруженную группировку Паулюса. Ведь этих секретных танков у нас к тому времени перебивало слишком презрительное количество, чтобы не найти к ним какого-либо более или менее простого и естественного противоядия:

«Надо сказать, что танки свои 502-й батальон терял под Ленинградом вполне буднично, далеко не так, как полагается чудо-воину:

“Pz.Kpfw.VI” (H) фабричный номер 250 003 — застрял в болоте 17 января, взорван после неудачных попыток эвакуировать;

“Pz.Kpfw.VI” (H) фабричный номер 250 004 — поломка двигателя и радиатора, оставлен экипажем;

“Pz.Kpfw.VI” (H) фабричный номер 250 005 — попадание снаряда противотанковой пушки в моторное отделение, танк сгорел;

“Pz.Kpfw.VI” (H) фабричный номер 250 006 попадание снаряда из противотанкового орудия в башню, поломка трансмиссии, подорван 17 января;

“Pz.Kpfw.VI” (H) фабричный номер 250 009 — застрял в болоте, оставлен экипажем;

“Pz.Kpfw.VI” (H) фабричный номер 250 010 — подбит огнем танка “Т-34”, загорелся, взрыв боекомплекта” (*Коломиец М. Первые “тигры”. М.: Стратегия КМ, 2000.С. 19*)» [123] (с. 279–280).

И в этих отчетах немцев о захватах их секретных танков русскими, что и понятно, мы не обнаруживаем и намека. Ведь если бы обнаружилось, что вместо подрыва танк в целости оставлен врагу, то такой экипаж ждал бы немедленный расстрел. Немецким командованием:

«...был отдан приказ, чтобы ни один “тигр” не попал в руки русских ни при каких обстоятельствах...» [128] (с. 34).

И, несмотря даже на это, нам достались в руки целых четыре такие танка! Где три подряд случая дезертирства просто пальцем указывают нам на тот миф, который представляет собой вообще вся немецкая отчетность времен войны. То есть врать им позволялось все что угодно: никакие цифры их начальству не внушали недоверия.

Что немца, в конце концов, и подвело: победа над ветренными мельницами вовсе еще не являлась победой над танками врага.

И вот до какой степени эта секретная новинка была нами изучена. Свидетельствует все тот же Отто Кариус:

«В последовавших операциях мы быстро нашли превосходное описание “тигра” русскими. У каждого русского было такое описание для того, чтобы он знал наши уязвимые точки. Поскольку наше собственное руководство не выпустило инструкции по эксплуатации, мы воспользовались русскими публикациями... Таким образом мы и сами познакомились с уязвимыми местами нашей техники» [128] (с. 35).

Это свидетельство врага полностью подтверждает как русскую версию о нашем еще начальном противостоянии этому танку, так и чудовищную ложность германской версии, где самоуспокоение врага вовсе не спасает его от захвата нами четырех танков врага. Что было уже не в сагах пунктуальной германской отчетности, но на самом деле!

Так что новинка и в самом своем еще зачатии как-либо по-особому себя не проявила. Однако же именно из расчета противоборства новому типу немецких танков:

«Оборона под Курском готовилась прежде всего как противотанковая. В ее основе лежали противотанк. опорные пункты (ПТОП). Глубина противотанк. обороны достигала 30–35 км. Решающим условием создания устойчивой обороны явилось массирование сил и средств на направлениях вероятных ударов пр-ка, а также глубокое операт. построение войск фронтов, достигшее 50–70 км. Была организована сильная противовозд. оборона, к выполнению задач к-рой привлекались ис. авиация и зенит. артиллерия фронтов, достигавшее 50–70 км» [87] (Т. 4, с. 537).

«На всех танкоопасных направлениях оборона состояла из противотанковых опорных пунктов и районов. Кроме артиллерии и танков, широко применялось минирование, отрывались противотанковые рвы, эскарпы и другие инженерно-заградительные средства. Широко применялись подвижные отряды заграждений и противотанковые резервы.

Все эти противотанковые мероприятия были достаточно эффективными — сказывался огромный опыт, добытый в тяжелых предшествовавших боях. Танковым войскам противника было обеспечено поражение...» [112] (с. 144).

«Средняя плотность минирования достигала на важнейших направлениях 1,5 тысячи противотанковых и 1,7 тысячи противопехотных мин на один километр фронта (в 6 раз больше, чем в обороне под Москвой, и в 4 раза больше, чем под Сталинградом)» [177] (с. 268).

«Тщательная и хорошо организованная противовоздушная оборона фронтов и всего курского выступа дала возможность надежно прикрыть войска и нанести большие потери вражеской авиации» [112] (с. 144).

И готовилась эта оборона чуть ли ни полгода. В наших КБ против новой тяжелой техники врага быстрыми темпами создавали все новые виды оружия. Заводы тут же в не менее срочном порядке принимались за их изготовление. Транспорт — за доставку, которую в отдельных случаях исполняла даже авиация:

«Перед самым началом Курской битвы самолеты начали доставлять на фронт кумулятивные — бронепрожигающие — снаряды, позволяющие 122-мм гаубицам поражать даже “тигры” и “фердинанды”» [78] (с. 125).

«Наши тяжелые полевые орудия во время Курской битвы вообще отличались в уничтожении тяжелых фашистских танков и самоходок. Задолго до сражения командование начало готовить к противотанковой борьбе все без исключения артиллерийские части. И когда пятьдесят “тигров” и “пантер” подошли на расстояние прямого выстрела к огневым позициям 642-го пушечного артиллерийского полка, его орудия за несколько минут буквально искрошили 17 танков, после чего остальные обратились в бегство. И это не удивительно: прямой наводкой по танкам с близкого расстояния стреляли 122-мм пушки и 152-мм гаубицы-пушки...» [78] (с. 45–47).

А ведь эти пушки образца еще 1938 г.

Но и новое оружие специально против «тигров» нами загодя заготавливалось. Вот, например, что припасли к встрече немцев под Курском разработчики самой затем ставшей массовой 76-мм пушки образца 1942 г.:

«Добытые разведкой сведения о новой бронетанковой технике противника позволили выявить наиболее уязвимые точки вражеских танков. Конструкторы разработали для многих орудий новые боеприпасы, давшие возможность вести борьбу с танками. Получила такие боеприпасы — подкалиберный и кумулятивный снаряды — и дивизионная пушка. Боевые расчеты орудий получили памятку с указаниями, куда и какими снарядами следует поражать “тигров” и “пантер”. И результаты этой подготовки не замедлили сказаться...

За неделю оборонительных боев на Курской дуге войска одного только Центрального фронта уничтожили более восьмисот танков и самоходок, и из них на долю 76-мм пушек приходилась основная часть» [78] (с. 73).

Вот рассказ об одной из них:

«7 июля 1943 года на хорошо замаскированную пушку сержанта П.Панова выскочили фашистские танки. Их было двадцать три. Впереди шли “тигры”. Подпустив танки поближе, Панов приказал открыть огонь подкалиберными снарядами и в течение нескольких минут подбил и поджег пять вражеских машин. Отойдя за высоту, танки открыли огонь по пушке Панова. Но когда они снова двинулись вперед, полусасыпанная землей пушка снова ожила и поразила еще шесть танков...» [78] (с. 73)

А ведь из одиннадцати подбитых 76-мм пушкой Панова танков «тигров» оказалось шесть.

«На Курской дуге расчеты 76-мм орудий показали себя достойно. О нагрузке, которая выпала на их долю в этом сражении, можно судить хотя бы по такому факту: за семь дней оборонительных боев — с 5 по 12 июля 1943 года — дивизионные пушки Центрального и Воронежского фронтов выпустили более 450 тыс. снарядов — больше, чем орудия всех других калибров, вместе взятые» [78] (с. 74).

А так как немцы постоянно выискивали пути наименьшего сопротивления, много раз меняя направление главного удара, то очень помогла нам для защиты именно эта пушка, у которой имелась возможность перемещения в места наиболее вероятных ударов немецких танков. Именно для этого она и была поставлена на лафет 57-мм противотанкового орудия. Но и дебют самой 57-мм пушки, затем участвовавшей в сражении под Шауляем, оказался не менее удачен:

«Прямой наводкой по танкам стреляло 871 орудие. За 13 дней они уничтожили 469 фашистских танков. Наши потери при этом составили 191 орудие» [78] (с. 76).

А ведь пушки конструктора Грабина оказались самыми лучшими орудиями той войны, что признавал и враг:

«Их эффективность была столь велика, что Гитлер даже отдал нелепый приказ: брать в плен пушки Грабина, чтобы использовать их на своей стороне» [185] (с. 20).

Так что при таких раскладах о каком-то сегодня придуманном фальсификаторах с введением «тигров» якобы полученном немцами подавляющем преимуществе заявлять серьезно просто бессмысленно. Ведь еще только противотанковые орудия прекрасно справлялись со своими обязанностями. А ведь 57-мм орудие пробивало лобовую броню «тигра» даже с километра, а на расстоянии 500 м бронепробиваемость ее снарядов увеличивалась до 147-мм! [36] (с. 361).

И вот что в особенности удивительного: это оружие у нас появилось еще до войны. Однако начальник ГАУ, как это ни покажется теперь странным, этот вид вооружения забраковал:

«В 1941 году Кулик запретил рассмотрение о принятии на вооружение ЗИС-2 — 57-мм противотанковой пушки КБ Грабина, впоследствии ставшей лучшей пушкой той

войны. Он же запретил производство пушки ЗИС-3. В том же году АРТКОМ ГАУ принял решение о запрещении ведения автоматического огня из автоматических винтовок и карабинов» [135] (с. 391).

А вот что значат собой для нашей Победы запрещенные врагом русского народа Куликом пушки ЗИС-3. Когда у немцев появились на вооружении «тигры» и «пантеры»:

«...стволы пушек Т-34 и ЗИС-3 были переведены одним проходом сверла с калибра 76 мм на калибр зенитных пушек 85 мм. И броня “тигров” и “пантер” снова стала пробиваемой» [185] (с. 20).

Вот как, что выясняется, элементарно просто ковалось наше оружие, без проблем дырявящее броню дорогостоящих «тигров»!

Запрещенным видом вооружения для русского человека, и вновь с подачи все того же Кулика, стал и автомат:

«В Советском Союзе пистолет-пулемет Дегтярева выпускался и был на вооружении частей НКВД и милиции. В Красной Армии его не было потому, что ведавший вопросами вооружений начальник ГАУ Г.И.Кулик считал, что “автомат — это оружие полиции”» [156] (с. 19).

Но и миномета мы были лишены все тем же засевающим на высокую армейскую должность врагом:

«Почти в таком же положении Красная Армия оказалась и в отношении минометного вооружения по вине того же Кулика...» [156] (с. 19).

Но и это далеко не все:

«76-миллиметровая пушка образца 1939 г. конструкции В.Г.Грабина по боевым и эксплуатационным качествам являлась первоклассной пушкой. В танковом варианте она превосходила пушки немецких танков» [156] (с. 19).

Не мене эффективным в тот предвоенный момент средством против танков врага была и наша 45-мм противотанковая пушка. Однако же:

«...как ни странно, к началу войны Красная Армия была недостаточно обеспечена противотанковой артиллерией. Причиной этого являлось снятие с производства 76 и 45-миллиметровых пушек, а также противотанковых ружей» [156] (с. 19).

Вот по какой причине нашим солдатам, чтобы не пропустить немцев к Москве, требовалось бросаться под танк с «коктейлем Молотова», в попытке лишь ценою своей жизни остановить бронетанковую технику врага! Ведь даже противотанковое ружье было Куликом отобрано у пехоты!

А вот кто обеспечил к уже имеющимся у нас на день нападения Германии пушкам острую нехватку снарядов:

«Еще в 1940 году, — вспоминал Хрулев, — в правительстве рассматривался вопрос о том, где сосредоточивать мобилизационные запасы. Военные работники предлагали разместить их за Волгой. Но этому воспротивился Нарком госконтроля Л.З.Мехлис» [156] (с. 26).

В тот момент он также входил в тройку еврейских заместителей главы Совнаркома — в тот момент руководящего органа страны. Потому его голос здесь и стал решающим. И даже пытавшийся противиться его решению Сталин не смог помешать представителю Лубянки поставить под удар германских войск запасы боеприпасов к уже имеющимся на тот день у нас противотанковым орудиям:

«Он настаивал, чтобы их накапливать в пограничных районах, даже вблизи от вероятного противника. В любом возражении против этого Л.З.Мехлис видел вредительство» [156] (с. 26).

И никто, по словам Хрулева, даже Сталин, якобы как нам сегодня внушили являющийся на тот день в СССР всемогущим, не смог воспрепятствовать этому просто

сумасшедшему с точки зрения обороняющейся стороны решению, ставящему под всеокарушительный удар врага наши стратегические военные запасы уже в самые первые дни возможной войны. А потому:

«Впоследствии нам пришлось за это жестоко расплачиваться. Много материальных средств было либо уничтожено нашими войсками при отходе, либо захвачено врагом» [156] (с. 26).

Что и говорить: «мудрое решение». И оно прекрасно сочетается с обнаруживаемой нами слишком явной связью хозяев Лубяньских подземелий с «комитетом 300», развязавшим эту войну. Таким образом, заказчики, что теперь видно просто за версту, готовили стране военное поражение не только со стороны объединяющейся в крестовый поход Европы, но и с тыла: со стороны находящихся у власти партийных бонз Лубяньки и опекаемых ими служб. В том числе и ГАУ.

И вот до какой степени сложно было воевать с этим ставленником масонства даже Сталину, казалось бы, всемогущему хозяину СССР. Вот что пишет в своей книге «Цель жизни» А. Яковлев:

«Сталин сказал: “Знаете ли вы, что не кто иной, как руководители нашего военного ведомства были против введения в армии автоматов и упорно держались за винтовку 1891 года? Вы не верите, улыбаются, а мне пришлось лично воевать с маршалом Куликом по этому вопросу”» [135] (с. 397).

А вот как ведомство Кулика всеми силами задерживало поставку уже готового автоматического оружия:

«В 1941 году оружейными заводами в СССР было изготовлено 98 644 автомата, на 1 января 1942 года в действующей армии числилось 55 147 автоматов. Верховный главнокомандующий т.Сталин едва-едва нашел 250 автоматов (В январе 1942 года только в Москве было изготовлено уже 17 629 автоматов) для двух батальонов, отправляемых в новогодний рейд по немецким тылам. Это означает, что 43 247 автоматов “куда-то” исчезли, так что их не мог отыскать даже всемогущий “товарищ Сталин”. Но может быть, виной тому неразбериха, вызванная реальной угрозой столице? — В 1942 году оружейные заводы дали для фронта 1 499 269 автоматов.

В последующие годы производство автоматического стрелкового оружия неизменно увеличивалось. Но в 1944 году в Красной Армии наличествовало 1 427 085 автоматов. Итак, женщины и подростки день и ночь, голодая, не щадя сил, трудились на заводах — чтобы их отцы, мужья и братья получали “все для фронта, все для победы”, а изготовленные ими автоматы целых два года везли на фронт...» [135] (с. 397).

Отлаженная подрывная работа чекистской Лубяньки и здесь, по поставке столь необходимого нам оружия на фронт, выглядит слишком очевидно, чтобы ее можно было упорно продолжать не замечать. Ну а если в Первой мировой войне в подобной же ситуации отличились именно масоны, не допустив на фронт снаряды со складов, то и здесь нет никакой возможности отрицать, что нехватку автоматического оружия не организовали они же.

А вот по какой причине на границах для сдерживания наступающих колонн вермахта нам мин, которых в стране было более чем достаточно, все же не хватило:

«Западному округу по табели было положено иметь около 1 млн. противотанковых мин, а имелось в наличии только 92,5 тыс. Но и эти мины находились на инженерных складах, а не в войсках» [156] (с. 111).

Так что и то небольшое, что все-таки имелось, представителями Лубяньки было либо взорвано, либо оставлено «врагам». Потому немцы с таким завидным постоянством проскакивали по нашим мостам почему-то никем не взрываемым и постоянно совершенно неожиданно заходили нашим войскам в тыл: враги русского народа не позволили ему воспользоваться даже имеющимися в наличии средствами обороны, не

говоря уже за те, которых наши войска были уже и изначально лишены. Потому сами немцы сильно удивлены происходящим, даже до конца не понимая, чем является такая странная беспечность войск НКВД, обычно отвечающих за взрыв мостов. В журнале группы армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Фон Бок, записано:

«Общая оценка обстановки: наше наступление явилось полной неожиданностью для противника. Против заблаговременно подготовленного, планомерного и продуманного отхода противника говорит тот факт, что нами захвачены все мосты, которые оказались неповрежденными» [156] (с. 118–119).

А вот по какой наитривиальнейшей из причин не был на границах использован наш и до конца войны самый для немцев грозный — тяжелый танк:

«...к 152-мм орудию танка KV не успели даже завезти боеприпасов (ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 157, д. 8, л. 43)» [156] (с. 113).

Не завезли по нечаянности или не пожелали завозить!?

Кулика все же, но лишь к 1947 году, признали врагом народа и в 1950-м поставили к стенке. Однако ж свое дело он сделал — страну для более успешного нападения врага подготовил хорошо. Мало того, сделал все от него зависящее, чтобы наши технические новшества претворялись в жизнь как можно в более поздние сроки: хозяевам подземелий в этой войне необходима была победа Гитлера.

Но как ни усердствовали в том враги русского народа, а наша инженерная мысль вновь и вновь прорывала кольцо плотной блокады, организуемой чекистами, словно из рога изобилий все появляющихся вновь и вновь гениальных решений разработчиков лучшего в мире оружия. Потому мы вновь везде оказались лучшими.

Это доказали и знаменитые «илы», гроза в том числе и бронетанковых войск Германии, прозванные немцами «черной смертью», и более чем способные противостоять немецким тяжелым танкам наши крупнокалиберные самоходки, и знаменитые наши «катюши», имеющие возможность наносить жестокие потери не только среди живой силы врага, но и танковой техники:

«Будучи преимущественно наступательным оружием, 300-мм реактивные снаряды отлично показали себя и в оборонительных сражениях 1943 года, когда они с успехом применялись против фашистских танков. Даже тяжелые “тигры” разлетались при прямом попадании 300-мм снаряда, а легкие и средние выходили из строя даже тогда, когда он разрывался в 5–10 метрах от них» [78] (с. 109).

Но и авиация подготовила свой сюрприз к намечаемой встрече немецкого наступления на полях все того же Курска:

«Создание в 1943 г. противотанковой бомбы кумулятивного действия расширило возможности штурмовиков в борьбе с вражескими танками и штурмовыми орудиями» [42] (с. 250).

А вот о наших самоходках:

«...когда 5 июля “тигры” двинулись в бой, на всех участках их встретили ошеломляющие советские сюрпризы, среди которых, быть может, самым неожиданным была самоходная установка СУ-152...

“...Ночью все самоходки были упрятаны под стогами пшеницы, — вспоминает участник боев на Курской дуге И.Козлов. — ...Немецкие танки, не видя СУ-152, двигались прямо на нас.

Когда они подошли на 200–250 м, из всех 8 артустановок был открыт огонь прямой наводкой. Сразу загорелось 4 «тигра», а остальные повернули обратно...” Таково было боевое крещение самоходки СУ-152...» [78] (с. 92).

И вот как был сконструирован этот «зверобой», создавший немцам под Курском столько неразрешимых проблем. Когда в январе 1943 г. на Волховском фронте был

захвачен в качестве боевого трофея немецкий «тигр», то наши разработчики сразу приступили к конструированию достойного ответа на новинку врага.

А в основание наших разработок легли вести с Ленинградского фронта, где прямой наводкой наше орудие доказало свою против этих же танков профессиональную пригодность. Вот как сообщает о молниеносности проведенных ими работ один из разработчиков СУ-152 доктор технических наук Синев:

«Мы работали с полной отдачей сил — и уложились в срок, сделали машину за 25 дней!» А к 1 марта 1943 года была готова первая партия самоходок, сразу же отправленная под Курск» [78] (с. 94).

«Всего в 1943 году изготовлена 671 такая машина» [66] (с. 517).

То есть сотни три этих «Зверобоев» к Курской битве уже имелось. Но ведь у нас за полгода до этого началось освоение еще и иной крупнокалиберной самоходки — СУ-122:

«Год принятия на вооружение: 1942... Всего в 1942–43 годах выпущено 640 машин» [66] (с. 518).

Ну, еще и этих «Зверобоев», со 122-мм орудием, несколько сотен к тому времени у нас уже должно было прикопиться. Так что подготовка к сражению была более чем основательной.

Но имелась на тот момент на южном фланге Курской дуги и крупнокалиберная артиллерия:

«Основная часть 122-мм и 152-мм гаубиц находилась в 6-й гв. А. Перед началом операции Н.Ф.Ватутин передал ей две пушечные бригады... В общей сложности к 64 122-мм гаубицам семи стрелковых дивизий армия получила дополнительно 102 гаубицы» [164] (с. 670).

Но и это были еще не все наши преимущества перед врагом, изготавливающимся к наступлению. Нам стал известен даже день начала наступления. Потому и был проведен упреждающий удар.

Мало того. Сами немцы сообщают, что лишь на собственных минах, не убранных по нерадению немецкими саперами, в первый же день «тигры» понесли просто невосполнимый урон:

«...недостаток сведений о собственных минных полях стал болезненным для “тигров”. Многие “тигры” напоролась на мины. Позже, в результате неполного снятия мин саперами, еще несколько “тигров” вновь подорвались на минах» [123] (с. 286).

То есть еще в начале этой операции сами немцы создали себе достаточно сложные условия, лишившись авангардов своей наиболее на тот день боеспособной техники. Затем, презрительно, им помогли в этом вопросе еще и мы. Потому враг уже с самого первого дня имел слишком серьезные потери, чтобы можно было ему хоть как-либо и пытаться спорить со своими в этой баталии противниками.

Со стороны Орла за неделю непрерывных атак немецкая танковая группировка продвинулась лишь на 12 км. То есть крупные массы танковых колонн, собранные в бронированные клинья, «продвигались» со скоростью менее 2 км в день! О чем это говорит?

Да о полном их разгроме!

И вот как сообщает о подготовке обороны на этом участке командующий Центральным фронтом К.К.Рокоссовский:

«...в полосе 95 километров мы сосредоточили 58 процентов всех наших стрелковых дивизий, 70 процентов артиллерии и 87 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок... Это был, конечно, риск. Но мы сознательно шли на такую концентрацию сил, будучи уверены, что враг применит излюбленный свой метод — удар главными силами под основание выступа. Наша разведка и партизаны подтверждали, что мощная

группировка вражеских войск создается именно на том направлении, где мы ожидали» [71] (с. 204).

То есть удивительная шаблонность действий врага, мигом клюнувшего на заброшенную ему удочку, подставляла немца под более чем мощный удар обороняющегося кулака.

И вот такая колоссальная работа была проведена для успешного отражения ожидаемого наступления:

«Всего войсками фронта за апрель-июнь было отрыто до 5 тысяч километров траншей и ходов сообщения, установлено до 400 тысяч мин и фугасов. Только на участке 13-й и 70-й армий было выставлено 112 километров проволочных заграждений, из которых 10,7 километра — электризованных, и свыше 170 тысяч мин.

Располагая данными, что немецкое командование, готовясь к летнему наступлению, особые надежды возлагает на массированные удары своих танковых войск, оборону Курского выступа мы строили прежде всего как противотанковую, в расчете на отражение ударов крупных танковых группировок противника... Мы подготовили сильные противотанковые рубежи с мощными опорными пунктами на наиболее опасных направлениях и максимально насытили их артиллерией.

...сюда входили минные поля, противотанковые рвы, надолбы, плотины для затопления местности, лесные завалы...

К борьбе с танками противника в случае их вклинения в нашу оборону мы готовили в дивизиях и армиях подвижные отряды заграждения, которые в ходе боя должны были выставлять на пути вражеских танков мины, фугасы и переносные препятствия» [71] (с. 208–209).

Готовились к стрельбе по гусеницам с близких дистанций расчеты бронебойных ружей и пехотных 45-миллиметровых пушек.

«В ночь на 5 июля в полосе 13-й и 48-й армий были захвачены немецкие саперы, разминировавшие минные поля. Они показали: наступление назначено на три часа утра, немецкие войска уже заняли исходное положение» [71] (с. 216–217).

Таким образом, появлялась возможность нанесения упреждающего удара. И это была вовсе не случайность, как может показаться на первый взгляд. Наша разведка наголову превосходила разведку немецкую. Вот что о ней говорят сами немцы:

«В темноте русские разведчики подбирались к немецким часовым, стоящим в окопах, и ждали — иногда несколько часов — подходящего момента, чтобы захватить их. Когда им удавалось это, они оглушали ошеломленную жертву, связывали ей руки и ноги веревками, затем привязывали веревку к лодыжкам и волокли к ближайшей советской траншее, пусть даже за несколько сот метров. Такие похищения происходили в полной тишине. Лишь следы, обнаруженные на следующее утро, указывали направление, в котором утащили жертву.

Единственным способом защищать наших солдат от столь безчеловечных форм похищения было увеличение количества дозорных и часовых. От часовых требовали постоянно поддерживать связь с соседними постами, мы устанавливали заграждения с сигнализацией, ставили мины, использовали специальных сторожевых собак... Несмотря на эти предосторожности, терпение и изобретательность солдат Красной Армии оказались неистощимыми. Если затея не удавалась в первую ночь, ее повторяли на следующую и так далее, пока не удавалось найти требуемую жертву. Если русские узнавали о наших контрмерах, они прекращали попытки на этом участке и старались найти другой, охраняемый слабее. И опять поиск продолжался до тех пор, пока не завершался успехом» [127] (с. 316–317).

То есть формы ведения нами фронтовой разведки были вообще уникальны. У немцев не было ничего даже и приблизительно подобного. А потому не просто в

данный момент, несмотря на принятые врагом контрмеры, нам удалось выведать планы немецкого командования — мы всегда с помощью «языков» узнавали планы врага. Потому так жестоко его всегда и громили. Не явилась здесь исключением и Курская битва: разведка выполнила обыкновенное свое рядовое задание, которых за время войны выполнила тысячи — только и всего. Потому нами и был нанесен всесокрушающий упреждающий удар:

«Наша артиллерия открыла огонь в полосе 13-й и частично 48-й армий, где ожидался главный удар противника, как оказалось, всего за десять минут до начала его артподготовки.

На изготовившиеся к наступлению вражеские войска, на их батареи обрушился огонь свыше 500 орудий, 460 минометов и 100 реактивных установок М-13. В результате противник понес большие потери...» [71] (с. 217).

Вот как сами немцы сообщают об этом неудачном для них начале битвы:

«Русские узнали о дате атаки, вероятно, после разведки боем на левом фланге, проведенной 4 июля. С 02.00 до 02.20 русские открыли сильнейший артиллерийский огонь по предполагаемым участкам форсирования возле Белгорода, нанеся нам серьезные потери» [127] (с. 294).

А вот как выглядели вещественные доказательства этих в стане врага потерь:

«Только позже, когда мы перешли в наступление, в Томаровке, в Борисове и других населенных пунктах мы увидели тысячи березовых крестов над немецкими могилами, да и жители рассказывали нам, сколько им пришлось после этого удара свозить убитых фашистских солдат и офицеров» [146] (с. 285).

Удар же врага по нашим позициям ожидаемого эффекта не принес:

«...в документах 2-го тк СС за 5 июля встречаются донесения о том, что из выявленных ранее артиллерийских позиций и огневых точек в полосе 52-й гв. сд две трети оказались ложными» [146] (с. 298).

Но изготовившийся враг запланированное наступление все-таки начал:

«В боевых порядках танковых групп следовала пехота на бронетранспортерах и в пешем строю.

Немецкое командование, видимо, рассчитывало повторить атаку подобную той, которую оно осуществило летом 1942 года из района Курска в направлении на Воронеж. Однако ж враг просчитался: время было не то.

Наша артиллерия, минометы, «катюши» и пулеметы встретили наступающих сильным огнем. Орудия прямой наводки и противотанковые ружья в упор расстреливали вражеские танки. Наша авиация контратаковала противника в воздухе и на земле.

Завязались тяжелые упорные бои. Попадая на наши минные поля, вражеские танки подрывались один за другим...

Против танков наша пехота применяла и 45-миллиметровые пушки. Броню «тигров» они пробить не могли. Стреляли с близкого расстояния по гусеницам. Саперы и пехотинцы под ураганным огнем подбирались к остановившимся вражеским машинам, подкладывали под них мины, забрасывали гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Стрелковые подразделения в это время своим огнем отсекали следовавшую за танками пехоту и контратаками истребляли ее. Четыре ожесточенные атаки были успешно отбиты войсками 13-й армии, и только в результате пятой атаки, когда противник ввел свежие силы, ему удалось ворваться в расположение 81-й и 15-й стрелковых дивизий. Наступило время поддержать эти соединения авиацией... Руденко поднял в воздух 200 истребителей и 150 бомбардировщиков. Их удары замедлили темп наступления гитлеровцев на этом участке, что позволило перебросить сюда 17-й

стрелковый корпус, две истребительно-противотанковые и одну минометную бригады. Этими силами удалось задержать продвижение врага.

Несмотря на то, что противник нанес удар огромной силы, ему в первый день боев удалось только вклиниться в нашу оборону до 6–8 километров» [71] (с. 218–219).

Вот как описывает свой первый день на Курской дуге наш разведчик Владимир Карпов, герой Советского Союза:

«За “тиграми” следовали автоматчики с засученными рукавами. Эти их засученные рукава действовали устрашающе — шли вояки, знающие свое дело. Шли, как на работу, с твердым решением не останавливаться ни перед чем! Они были похожи на... гитлеровских солдат... на шоссе под Москвой в сорок первом году!

Но времена настали другие, и не то оружие в наших руках. Теперь немецким пикировщикам, как они ни старались, не удалось построить карусель над головами обороняющихся. Едва появились, как на них тут же обрушились из-за облаков истребители. Защелкали скорострельные пушки, и задымили черными шлейфами “Юнкерсы” и “мессершмитты”, падая на землю один за другим. Падали и наши “яки” и “лавочкины”. Однако сбросить бомбы на боевые порядки наземных войск они не дали.

Даже “тигры” выглядели несокрушимой силой лишь издалека. А как только приблизились на прицельное расстояние, новые наши пушки ЗИС стали пропарывать броню особыми снарядами и сжигать танки.

Матушка-пехота сидела в траншеях, не трепеща от волнения, хорошо зная, что все это должно было двинуться на нее именно в тот час, именно с этих направлений и в таком именно количестве. Под рукой солдат лежали теперь не хрупкие стеклянные бутылки с горючкой, а специальные противотанковые гранаты. И в каждом взводе были еще противотанковые ружья с длинными, словно водопроводные трубы, черными стволами. Они прожигали шкуру “тиграм”, ослепляли их, сбивали с катков гусеницы» [116] (с. 223).

То есть уже и сама пехота была оснащена оружием, не позволявшим безнаказанно давить себя гусеницами.

Следующий день вражеских атак хоть и обошелся наступающим частям вермахта не менее дорого, чем день первый, но не позволил им пробиться вообще нигде. Постоянно отбрасываемый нашими контратаками, враг захлебнулся в собственной крови. Однако же попыток прорвать оборону не оставил:

«С рассветом 7 июля противник начал атаки на Поньри. Разрывы тысяч бомб, снарядов и мин, грохот орудий, гул танковых моторов и лязг гусениц сотрясли землю.

Самоотверженно сражались наши артиллеристы, отражая атаки танков. Командиры твердо держали в своих руках управление, уверенно руководили подразделениями и частями. Величайшую стойкость, превосходную выучку показали артиллеристы. Здесь отличились тысячи бойцов... трудно найти слова для характеристики их мужества и героизма. Это об их стойкость разбилась бронированная лавина врага. Это они, артиллеристы, превратили хваленые “тигры” и “фердинанды” в безформенные груды искореженного и исковерканного металла. С помощью артиллеристов мужественно сражавшиеся полки 307-й стрелковой дивизии отбили пять атак противника.

Плечом к плечу с артиллеристами и пехотинцами отражали атаки врага саперы. Они славно потрудились на оборонных работах и выше всякой похвалы действовали теперь, отражая наступление противника. Выставленные ими на основных танкоопасных направлениях управляемые минные поля и фугасы сейчас взрывались под вражескими танками. На многих участках путь танкам преградили подвижные саперные отряды.

Активно взаимодействовала с наземными войсками наша авиация. Воздушной разведкой и наземным наблюдением было установлено, что в лощине у Поньрей противник сосредоточил для новой атаки сотни полторы танков и большое количество

мотопехоты. Мы обрушили туда огонь сотен орудий, а Руденко направил 120 штурмовиков и бомбардировщиков. Этот налет нанес врагу огромные потери, и его атака была сорвана...

Несмотря на тяжелые потери, враг продолжил штурм. Вечер не принес передышки. Немецко-фашистское командование бросило на Поньри еще два полка пехоты и 60 «тигров». Им удалось потеснить 307-ю дивизию. Однако, приведя в течение ночи свои части в порядок, дивизия с утра перешла в контратаку и вернула прежние позиции. Противник, понеся большие потери, был выбит и отброшен, а Поньри остались в наших руках.

В течение 7 и 8 июля не стихали бои и на ольховатском направлении. Вражеская пехота при поддержке танков непрерывно атаковала нашу оборону. Но части 17-го гвардейского стрелкового корпуса и 2-й танковой армии, фронтовая артиллерия и авиация отразили натиск. Стойкость, массовый героизм наших солдат и офицеров остановили врага.

К исходу третьего дня сражения почти все фронтовые резервы были втянуты в бой, а противник продолжал вводить все новые и новые силы на направлении своего главного удара. Можно было ожидать, что он попытается бросить в бой все, что у него имеется, пойдет даже на ослабление своих частей на пассивных участках фронта. Чем удержать его? И я решился на большой риск: послал на главное направление свой последний резерв — девятый танковый корпус генерала С.И.Богданова...

8 июля в 8 часов 20 минут до 300 вражеских танков при поддержке артиллерийско-минометного огня и ударов авиации атаковали северо-западнее Ольховатки наши позиции на стыке 13-й и 70-й армий. Враг ворвался в боевые порядки пехоты. Здесь успела с ходу занять позиции 3-я истребительная артиллерийская бригада полковника Рукосуева. Артиллеристы встретили гитлеровцев огнем прямой наводки.

Для характеристики напряженности этого боя привожу лишь один пример. На батарее капитана Г.И.Игишева двигалось почти три десятка танков. Артиллеристы приняли неравный бой. Четыре орудия, подпустив врага на 600–700 метров, открыли огонь. Артиллеристы уничтожили семнадцать танков. Но и от нашей батареи осталось всего одно орудие, а возле него три человека. Они продолжали вести огонь и подбили еще два тяжелых танка. Противник вынужден был отойти» [71] (с. 223–224).

То есть враг, потеряв две трети состава своего танкового подразделения, был просто деморализован и 11 танков сочли необходимым поскорее унести ноги из этого пекла. Их сковал страх перед оставшейся в своем единственном экземпляре пушкой, обслуживаемой всего тремя русскими людьми.

«Успешно были отражены атаки и на других участках фронта...

Вражеский натиск стал заметно ослабевать. К 11 июля фашистские войска, понеся огромные потери и не добившись успеха, прекратили наступление. За шесть дней непрерывных атак противнику удалось вклиниться в нашу оборону всего от 6 до 12 километров» [71] (с. 224).

А когда немецкое наступление полностью выдохлось, наши части без проблем вернули врага на исходные позиции:

«Пользуясь достигнутым успехом, войска 48, 13 и 70-й армий коротким ударом к 12 июля отбросили противника на его прежние позиции» [71] (с. 226).

Но и соседи Рокоссовского не дремали. Осуществляя полное взаимодействие с Центральным фронтом, 12 июля:

«...перешел в наступление сосед — Брянский фронт» [71] (с. 226).

Маршал Жуков уточняет:

«12 июля Брянский фронт и усиленная 11-я гвардейская армия Западного фронта перешли в наступление и, несмотря на глубоко эшелонированную, сильно развитую в

инженерном отношении оборону и упорное сопротивление противника, прорвали ее и начали продвижение вперед в общем направлении на Орел.

Как и ожидалось, противник заметался на орловском плацдарме и стал снимать свои войска из группировки, действовавшей против Центрального фронта. Этим незамедлительно воспользовался Центральный фронт и 15 июля перешел в контрнаступление» [112] (с. 152).

А вот как события развивались на южном фазе Курской дуги.

«...в ночь на 4 июля перебежчик-чех из саперного батальона 52-го армейского корпуса рассказал, что всем немецким солдатам роздан сухой паек на пять дней и дополнительные порции шнапса. Рассудив, что в ближайшие часы немцы пойдут в наступление, командующий Воронежским фронтом Н.Ф.Ватугин на рассвете 5 июля, следуя намеченному плану, отдал приказ артиллеристам открыть упреждающий огонь по немецким передовым позициям и местам сосредоточения войск. Интенсивная артиллерийская контрподготовка длилась около получаса...» [177] (с. 273).

Так что враг и здесь понес еще перед началом операции очень большие потери. И все-таки наступление немцев началось.

«...по числу орудий, весу залпа и управлению огнем артиллерия русских была несравнимо сильнее немецкой. Имевшиеся в распоряжении Манштейна артиллерийские орудия не смогли разрушить оборонительные позиции русских или расчистить проходы через минные поля. В результате многие танки подорвались на минах на подступах к русским позициям и вскоре остались позади наступающей немецкой пехоты.

Экипажи танков получили строгие инструкции:

“Ни при каких обстоятельствах не останавливать танк для оказания помощи поврежденным машинам. Техническая помощь является обязанностью только инженерных частей. Командиры танков должны продолжать наступление, пока танк не утратил мобильность. В случаях утраты танком подвижности, но при сохранении боеспособности орудия (например, технической поломки или повреждения гусеницы) экипаж должен продолжать вести огонь из неподвижного танка”.

Этот приказ, по существу, обрекал на смерть экипаж поврежденного танка, так как многочисленные советские орудия могли расстреливать остановившийся танк за считанные минуты после подрыва его на mine» [177] (с. 275).

Так что диспозиция уже перед началом сражения обязывала немцев настраиваться на тотальную войну. Она и приняла характер тотальной, но по большей части именно для немецкой стороны.

Меллентин:

«...Мы встретили ожесточенное сопротивление, и, несмотря на все усилия наших войск, им не удалось продвинуться вперед. Перед дивизией “Великая Германия” находилось болото, а по ее плотным боевым порядкам вела сильный огонь русская артиллерия. Саперы не смогли навести необходимых переправ, в результате многие танки стали жертвами советской авиации...» [146] (с. 314).

«Полностью очистить район от оставленных советскими войсками минных полей не удалось. Концентрация на трех километрах нескольких сот боевых машин из разных частей, автотранспорта с четырьмя батальонами пехоты и артиллерийских тягачей при неподготовленности дороги ни к чему, кроме пробок на основных направлениях и потерях при налетах штурмовиков 2-й ВА и попадания на мины, привести не могла и не привела» [146] (с. 432).

«Штаб 2-го тк СС внимательно отслеживал ситуацию. В этот момент для командования корпуса, как, впрочем, и для руководства всей армией, было очень важно

как можно быстрее прорвать передний край первой наиболее укрепленной полосы русских и решительным рывком выйти на прохоровское направление, еще до того момента, как советская сторона подтянет мобильные оперативные резервы» [146] (с. 393).

Но эти мобильные резервы, что для немцев оказалось полным сюрпризом, нами были подтянуты заранее. И вот как наши «тридцатьчетверки» «разговаривали» с неприятелем уже на второй день его чрезвычайно насыщенных техникой атак. А на позиции 1-й танковой в тот момент навалились:

«...48-й танковый корпус, танковая дивизия СС “Адольф Гитлер”, два танковых корпуса СС, мотодивизия “Великая Германия”, танковые дивизии СС “Мертвая Голова”, “Райх”, “Викинг”.

Но пугаться превосходства врага было некогда...

Первый удар принял на себя 2-й танковый батальон под командой Семена Вовченко. Батальон имел 10 танков, но вел бой с 70 танками противника. В течение двух часов батальон Семена Вовченко уничтожил 24 танка противника, в том числе 14 “тигров”» [155] (с. 187–188).

Так что в первых же встречных боях наши танки уже изрядно наковыряли по зубам танкам будущего мемуариста — всех и вся победителя — мистера Манштейна. И дрались не на жизнь а насмерть, уже и сами погибая, стараясь при этом уничтожить и еще очередную пятерку культуртрегеров, в ужасе пытающихся увернуться от горящего русского танка, идущего на таран!

Вот как описывает жена Катюкова, сама, что и понятно, участница этого сражения, подвиг экипажа Шаландина в этом еще первом бою танковой бригады:

«...Шаландин и члены его экипажа Владимир Кустов, Владимир Лакомцев и сержант Петр Зеленин вступили в бой с численно превосходящим противником. Они действовали из засад, подпуская вражеские танки на дистанцию прямого выстрела, а затем, ударив по бортам, сжигали два “тигра” и один средний танк. Да, для этого нужны были крепкие нервы и мужественное сердце!» [155] (с. 188).

Но вот загорелся танк Шаландина. Однако же, вместо чтоб покинуть горящий танк и быть расстрелянными в упор из пулеметов надвигающегося вражеского танка, экипаж, скорее всего израненный и искалеченный от попадания в танк снаряда, принял решение пусть и самим погибнуть, но преградить собою дорогу рвущемуся к Курску врагу.

И здесь стоит лишь представить — какой ужас обуял экипаж лишь мгновеньем раньше столь вроде бы и удачливого германского аса, своим тяжелым танком все-таки поджегшим наш средний танк? А что подумали увидевшие всю эту картину экипажи всех иных германских танков, в тот момент находящихся невдалеке? А что, самое может быть главное, услышали? Ведь связь, в отличие от наших, у германских танков работала превосходно — на улучшении ее качества в тот момент работали оборонные заводы не только полоненной Гитлером части Европы, но, как выясняется, и весь мир.

Они увидели, а главное — услышали с предсмертным воплем ужаса своих коллег, слишком не веселую для себя перспективу: чтобы спастись от русских танкистов мало подбить их танк — следует еще и от подожженного танка вовремя отшарахнуться на почтительное расстояние. И это для того, чтобы не взлететь на воздух от переизбытка снарядов, которыми столь щедро снабдила немцев снарядившая их в поход на Восток Европа, просто обязанных теперь детонировать при столкновении!

А наш горящий танк:

«...пошел на таран “тигра”. “Тигр” загорелся, но погиб и весь экипаж нашего танка» [155] (с. 188).

Враг, понятно, на такое уж вряд ли рассчитывал. И:

«...анализ поступавшей информации свидетельствовал, что уровень сопротивления советских войск был недооценен. Каждое сообщение из дивизий подтверждало предыдущее — войска продолжают топтаться на месте. Подготовленный план по прорыву передовых позиций русских рушился уже на начальной стадии, а вместе с ним и весь график наступления корпуса» [146] (с. 393).

Вот как с немецкой стороны были описаны эти события:

«На южном фланге дуги через сутки после начала наступления усилиями 48-го танкового корпуса генерала Кнобельсдорфа и 2-го танкового корпуса СС генерала Хауссера немцам удалось вклиниться в оборону русских... Гот решил с первыми лучами солнца нанести удар через реку Березовая силами 3-й танковой дивизии и дивизии “Великая Германия”. Но ночью разразилась гроза, хлынул проливной дождь, вода в реке вышла из берегов и превратила прилегающие луга в топкое грязное болото. Под покровом темноты русские подтянули артиллерию и танки к развалинам и уцелевшим домам на северном берегу, и обе немецкие танковые дивизии понесли чувствительный урон от прямого огня русских, когда они на рассвете выстраивались в плотные боевые порядки. В течение дня под прикрытием дымовых завес немецкие саперы упорно наводили переправы. Над их головами бушевала яростная артиллерийская дуэль между советскими орудиями и сосредоточившимися танками, сопровождавшаяся непрерывными налетами немецких пикирующих бомбардировщиков, которыми Гот стремился компенсировать нехватку тяжелой артиллерии. К вечеру немцы, несмотря на серьезные потери, так и не смогли продвинуться ни на шаг. В ночь с 6 на 7 июля обе дивизии были оттянуты назад и переформированы» [177] (с. 279).

«...хорошо подготовленные позиции, продуманная система артиллерийского огня и инженерных сооружений — все это изумило противника и наводило на мысли, что если и будет достигнута в этой операции победа, то заплатить за нее придется очень дорогую цену» [146] (с. 451).

Но и на иных участках этого поля сражения поражение нападающей стороны читалось уже в самом его начале:

«Уже первые часы боев показали, что ставка на массированный удар тяжелыми боевыми машинами по обороне русских себя не оправдала.

“...Скованные минными полями и естественными препятствиями, наступающие танки были хорошей мишенью для русских, — отмечают Г.Хейнрици и В.Гаук. — Поэтому сверхтяжелые танки не смогли на деле проявить свою ударную мощь” (Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. М., 1970. С. 114–115)» [146] (с. 431).

Не обошлось и без свойственной боям такого масштаба неразберихи. Вот как завершила свою атаку рота «тигров» из 503-й отб 19-й тд генерал-майора Г.Шмидта:

«В отчете дивизии отмечалось:

“...Переправившейся в течение дня роте “тигров” под командованием капитана Хайтмана не удалось прорвать полосу укреплений противника вокруг предместья Михайловка. Почти все «тигры» были выведены из строя минами” (ЦАМО РФ, ф.38А, оп.9027, д.46, л.151–152).

Девять “тигров” подорвались на минах, причем семь из них на собственных...» [146] (с. 435).

А вот как здесь сражались наши артиллеристы. 7 июля совершил свой подвиг капитан артдивизиона Василий Мироненко. Когда в пылу сражения с немецкими “тиграми” был убит орудийный расчет, а вражеские танки уже приблизились к батарее вплотную:

«...Мироненко стал на место наводчика и, сам заряжая орудие, принялся в упор расстреливать танки. Он поджег шесть танков. Рядом с ним разорвался снаряд, и

Василий Мироненко погиб. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза» [155] (с. 190).

И это лишь один из множества эпизодов, прославивших стойкость русского человека на этой огненной Курской дуге. Потому:

«...несмотря на огромные потери, прорвать наш фронт немцам не удавалось. Противник наткнулся на непробиваемую стену» [155] (с. 190).

Вот еще эпизод:

«Горячая обстановка сложилась и в полосе 6-го танкового корпуса.

...здесь противник напоролся на упорное сопротивление танкистов. 74 танка потерял противник и успеха не имел» [155] (с. 190).

«Наши войска проявляли мужество, отвагу. Не щадили своих жизней, проявляя массовый героизм. Это были и пехотинцы, и артиллеристы, и танкисты, и медики, и тыловики — все как один. Все было отдано для победы» [155] (с. 191).

Вот очередной эпизод:

«Командир 3-й роты лейтенант Круглов пропустил через роту 56 танков противника. Рота была укрыта в щелях, и ни один боец не дрогнул, потерь в роте не было. После трех атак потери врага — 20 танков сожжены и подбиты» [155] (с. 191).

А вот что сообщают здесь же воевавшие немцы. Эрхард Раус:

«Развитие операции достигло кризисной точки. У нас не осталось никаких резервов, чтобы бросить их в бой» [127] (с. 306).

Вот впечатления об этом моменте Курской битвы нашего фронтового разведчика Владимира Карпова:

«Танковые армады, разбомбленные авиацией и расстрелянные артиллерией, горели в полях, как железные города.

Наконец фашисты попятились. Сначала медленно, то и дело бросаясь в свирепые контратаки, потом быстрее, но все же организованно, от рубежа к рубежу. Наши войска преследовали их по пятам. Нет, не только дивизиями, сохранившимися в резерве, а главным образом теми же самыми, которые стояли насмерть в обороне. Усталые, небритые, пропитанные гарью бойцы день и ночь теснили противника. Усталость накопилась такая, что люди засыпали порой на ходу и двигались вперед в полусне, с закрытыми глазами, держась рукой за повозку, пушку или соседа» [116] (с. 226–227).

Но до самого момента своего отступления эта южная, более мощная группировка врага, продвинулась за эту смертоносную для нее неделю на одном из участков на расстояние до 35 км. Но и это, при скорости продвижения танковых колонн 5 км в день, говорит именно о горах трупов, которые немцы отдали в жертву за эту свою последнюю попытку передвижения по нашей земле с целью ее захвата.

«Только за 6 июля противник потерял здесь более 200 танков, десятки тысяч солдат и около 100 боевых самолетов» [112] (с. 153).

«...две гвардейские дивизии генерала И.М.Чистякова в суточном бою смогли сломать план вражеского командования и удержать на своих рубежах наиболее сильное танковое соединение ГА “Юг” — корпус Кнобельсдорфа» [146] (с. 364).

«Гопталась на месте и дивизия бригаденфюрера Т.Виша. Ее бронегруппы не смогли сходу прорвать участок 151-го гв. сп... Из дневника сводки дивизии: “Артподготовка нашего наступления 5.7.43 прошла согласно плану и, по показаниям пленных, очень успешно. Прорыв с последней бомбой в 4.05 удался только до противотанкового рва, где войска под фланкирующим огнем вражеских батарей с западного берега Ворсклы залегли и окопались” (Stadler S. Op.cit.S.43.).

Читатель, вероятно, обратил внимание на нестыковку в донесении: артподготовка успешная, но прорыва не последовало. Такая форма донесений “мы действуем по прекрасно разработанному плану, но результатов нет” — была широко распространена

в германской армии. Причина ее живучести — универсальность, она устраивала всех: и вышестоящее командование (все идет по плану, неудачи — явление временное), и исполнителей (мы действуем по вашему плану; он блестящий, конечно, упорство противника в нем не учтено и все не так, как хотелось, но мы герои и под вашим руководством непременно победим). Уже после войны битые генералы вермахта перенесли этот проверенный прием в мемуарную литературу» [146] (с. 388).

Но если немцы лишь отчитываются о некоей якобы где успешности своих действий, очень благоразумно избегая упоминания о потерях, то вот как выглядели в тот день оперативные сводки наших подразделений:

«Об итогах боев 6 июля в состоянии корпуса его штаб развернуто доложил командованию 1-й ТА в оперативной сводке к 12.00 7 июля:

«...10-я мбр... Потери: 3 Т-34, убито — 1 чел., ранено 3 чел. Уничтожено: 36 танков, 9 автомашин и до 70 солдат и офицеров противника...

1-я мбр... убито 13 чел., ранено 84 чел. Потери материальной части и вооружения: станковых пулеметов — 1, карабинов — 1, бронетранспортеров — 1, автомашин — 5. Уничтожено: 40 танков противника, из них 23 сожжено, 17 подбито, автомашин с боеприпасами и пехотой — 7, складов с боеприпасами — один и до 400 солдат и офицеров.

3-я мбр... Потери в матчасти и личном составе: 3 танка Т-34, 3 автомашины, одна 45-мм пушка, одна 76-мм пушка, один станковый пулемет. Убито — 7 чел., ранено 10 чел. Уничтожено: до 20 танков противника, в остальном уточняется.

1-я гв.тбр... Потери: (сгорело) 8 Т-34, подбито и осталось на поле боя 3 Т-34, разбито одно 76-мм орудие, подбита одна автомашина, убито — 16 чел., ранено — 25 чел. Уничтожено: танков противника (подбито) — 18, из них 3 Т-6, два противотанковых орудия, истреблено до роты пехоты противника.

49-я тбр... Потери: сгорело в бою 7 Т-34, 4 Т-34 не вернулись из боя. Всего потерь 11 Т-34. В личном составе: убито — 11 чел., ранено — 10. Уничтожено: 4 танка, из них Т-6 — 2, бронированных тягачей — 5, повозок с боеприпасами — 3 и 150 солдат и офицеров» [146] (с. 585–586).

Вот как эти потери фиксировались в стане врага. Дивизия «Великая Германия»:

«На 4 июля танковый полк дивизии располагал 112 боеспособными танками... после двух суток боев полк Штрахвица лишился больше половины танкового парка — 53%.

В более тяжелом положении оказалась бригада “пантер”. По штату она имела 192 линейных танка... Согласно тому же донесению штаба корпуса, к исходу дня 6 июля в строю осталась лишь пятая часть — 40 боевых машин.

Большая часть Т-5 — более сотни танков вышла из строя по техническим причинам и требовала ремонта. Но в боевых условиях и командованию 48-го тк, и 4-й ТА, в общем-то, было все равно, по каким причинам они вышли из строя. Главное в другом: ударное объединение ГА “Юг” лишилось почти одновременно такого значительного количества боевой техники... А ведь на эти силы в плане “Цитадели” делались расчеты, ставились им определенные цели и задачи и немалые. И все рухнуло. Резкая потеря боеспособности бригады и серьезные проблемы с ее использованием, наряду с существенным отставанием войск АГ “Кемпфа”, оказали очень существенное негативное влияние на действие войск 4-й ТА в ходе первого этапа операции и явились важными факторами, “обрушившими” “Цитадель”» [146] (с. 587–588).

И при всем при том многие германские части так и не сдвинулись с места. Но и в последующем немцы продолжали топтаться на месте, уверяя свое командование, что одерживают победу за победой:

«С утра 7 июля вновь начались ожесточенные атаки врага» [112] (с. 153).

Однако же за следующие два дня:

«...противник потерял еще не менее 200 танков и много другой техники. Его пехотные части уже насчитывали в своих рядах не более половины их исходной численности» [112] (с. 133).

Серьезный урон врагу наносило грамотное минирование намеренно оставляемых нашими войсками военных объектов. Вот лишь один из примеров:

«“Хорошие результаты получены от приведения средств ТОС в действие в районе выс. 228.6.

В замысел минирования высоты входило следующее. Атакующую пехоту противника, идущую за танками, при захвате ею высоты загнать в заминированные ранее траншеи, блиндажи и бомбоубежища и в них ее полностью уничтожить. Этот замысел полностью удался... на участке у выс. 228.6 было уничтожено 12 танков противника и до полутора батальонов пехоты” (ЦАМО РФ, ф.203, оп.2845, д.227, л.13.)» [146] (с. 390–391).

И это лишь один из множества эпизодов, когда наступающая сторона от подобного рода потерь защитить себя зачастую просто не в состоянии. А ведь такими «сюрпризами» были просто напичканы те поля славы русского оружия, когда и без того еще под Сталинградом обескровленные немецкие соединения были добиты окончательно и с тех пор в живой силе враг нам продолжал уступать все более и более.

Меллентин:

«Быстрота, с которой русские устанавливали мины, была поразительной. За двое-трое суток они успевали поставить свыше 30 тысяч мин... Несмотря на то, что мы продвинулись вглубь обороны русских до 20 км, вокруг нас все еще находились минные поля, а дальнейшему продвижению препятствовали противотанковые районы обороны. В этой связи следует еще раз подчеркнуть искуснейшую маскировку русских. Ни одного минного поля, ни одного противотанкового района не удавалось обнаружить до тех пор, пока не подрывался на mine первый танк или не открывало огонь первое противотанковое орудие. Трудно прямо ответить на вопрос, каким образом немецким танкам удалось преодолеть всю эту мощную противотанковую оборону...» [146] (с. 469).

Лишь одним единственным, о чем Меллентин, что и понятно, упомянуть чрезмерно стесняется: горами искареженного железа и пушечного мяса соотечественников немецкого генерала. Потому:

«...нельзя не согласиться с битым немецким генералом» [146] (с. 469).

Между тем это очень действенное средство обороны, входящее в число специально к данному немецкому наступлению подготовленных сюрпризов, прекрасно применялось не только перед Меллентином. Минные поля:

«...широко использовались всеми армиями, оборонявшими Курский выступ» [146] (с. 469).

Но даже фрагменты достаточно удачных боевых действий отдельных соединений немецкой армии в Курской битве не принесли противнику никакой выгоды:

«...наряду с положительными результатами прорыв корпуса СС принес целый ряд существенных проблем. Причем, они возникали подобно цепной реакции — одна порождала другую. Главная из них — фронт 2-го тк СС оказался значительно растянут, более чем на 40 км. Помимо того что он постоянно подвергался сильному давлению, в том числе и танковых частей, его дивизии имели открытые фланги. Не удалось, как рассчитывали, сломить сопротивление русских на стыке 48-го тк и 2-го тк СС. Это привело к тому, что Кнобельсдорф 6 июля не сумел вывести корпус в район Яковлева и сменить левофланговую дивизию Хауссера. А тот, в свою очередь, был не в состоянии уменьшить фронт 2-го тк СС и сконцентрировать значительные силы на участке прорыва в северо-восточном направлении.

Существенное влияние на обстановку на направлении главного удара 4-й ТА, собственно на ситуацию на Прохоровском направлении, оказывали неудачи АГ “Кемпф”. Ее войска двигались далеко не так, как изначально предполагалось, — плечом к плечу с корпусом СС. Она продолжала топтаться на месте... Уже утром 6 июля в пойме Липового Донца появился новый сильный и достаточно активный танковый корпус русских. Наличие двух танковых группировок у основания ударного клина 2-го тк СС: в районе Новые Лозы и Яковлево-Покровка сковывало его действия, заставляло отвлекать значительные силы для прикрытия. Вдоль поймы Липового Донца уже сконцентрированы “Мертвая голова” и основные силы “Дас Райх”. В то же время основные силы “Лейбштандарт”, из-за активных действий вражеских танковых сил с севера, не смогли продвинуться дальше Яковлева, ее боевая группа, в том числе и танковый полк, вели тяжелые оборонительные бои...

В то же время 48-му тк не удалось создать плацдарм на западном берегу Пены... Русские везде держались стойко, укрепляя участки стрелковых частей многочисленными танками. Концентрация на флангах 48-го тк танковых соединений усиливала опасность удара под основание уже всей 4-й ТА...

В сложившейся ситуации 7 июля Гот намеревался приостановить попытки прорыва на север и северо-восток... решить проблему угрозы флангам обоих корпусов, и левому крылу армии» [146] (с. 613–614).

Таким образом:

«Вместо создания грандиозного котла для советских фронтов противник сам себя загнал в стальные тиски нашей обороны... бронированный кулак группы армий “Юг” был рассечен на несколько отдельных частей... Гот и Манштейн проламывали эшелонированную оборону хотя и железными, но растопыренными “пальцами”» [146] (с. 778–779).

Так что даже весьма скромные успехи приносили немцам лишь прибавление хлопот:

«Продуманная и давно опробованная тактика, применяемая М.Е.Катуковым, позволила пяти танковым бригадам приковать к себе три дивизии противника и часть танкового полка “Дас Райх”» [146] (с. 629).

Здесь очень существенную помощь принесла и наша реактивная артиллерия. Вот один из результатов ее обстрела:

«...дали залп 4 установки М-13. После чего разведка донесла, что в указанных квадратах обнаружено 140 обгоревших машин, перевозивших пехоту, боеприпасы и горючее” (ЦАМО РФ, ф. 11 гв. тк, оп.1, д.28, л.276.)» [146] (с. 636).

Какие ужасы панического бегства лишь волей случая считанных единиц уцелевших в этом аду немецких солдат стоят за этими сухими лаконичными цифрами, извлеченными из архива?!

Но такие удачные удары по врагу реактивной артиллерией здесь являлись не исключением, но нормой:

«Мы давали залп с открытых огневых позиций прямой наводкой по фашистским танкам и пехоте. Как правило, несколько танков подбивали, пехота практически уничтожалась. Далее в бой вступали наши танки, а боевые машины быстро уезжали и укрывались в аппаратах» [146] (с. 765).

Так что немцу на Курской дуге приходилось достаточно не сладко. А потому:

«Прорыв в запланированные Готом районы шел с большим трудом. Рубежи русских оказались значительно прочнее и устойчивее к сильным танковым ударам, чем ожидалось. А благодаря вводу в бой оперативных танковых резервов советская сторона создала такие условия, при которых, даже расколов пополам фронт 6-й гв. А и фактически прорвав вторую полосу обороны, 4-я ТА была полностью скована боем по всему участку наступления, и даже дивизии 2-го тк СС не смогли сомкнуть свои

фланги, не говоря уже о корпусах. Дивизии ударной группы Хауссера дрались в пробитых ими коридорах, испытывая сильное давление не только по фронту, но и на флангах. Хауссер был вынужден выделять существенные средства для их прикрытия. Это вело к распылению сил и не позволяло концентрировать усилия соединения на направлении главного удара. Отсутствие сплошного фронта прорыва и постоянная фланговая угроза являлись важнейшими проблемами, которые предстояло решать в ближайшие дни и командованию 4-й ТА, и ГА “Юг”. Ведь АГ “Кемпф” 7 июля так и не удалось преодолеть рубеж 7-й гв. А и надежно прикрыть правое крыло армии Гота.

Кроме того, появился еще один важнейший фактор, который будет негативно влиять на действия соединений Манштейна, — неудачи 9-й А генерала В.Моделя ГА “Центр”. Она полностью увязла в обороне войск Центрального фронта генерала К.К.Рокосовского. Верховное командование вермахта уже вечером 7 июля предприняло ряд шагов для вывода ситуации в ее полосе из тупика. А средства усиления для Клюге Берлин был вынужден изымать у Манштейна» [146] (с. 661–662).

Но такая «помощь» представляла собой лишь «Тришкин кафтан», который уж на два фронта ну никак было не растянуть.

Техника же у немцев была такова, что для продолжения полноценного наступления их громоздких танков требовалось подождать «у моря погоды». То есть чтобы наступать им требовалось, чтобы высохли лужи...

И они этого дождались:

«На третий день наступления почва достаточно подсохла... и 48-й танковый корпус смог наконец переправиться на северный берег реки. Армия Гота теперь почти наполовину преодолела армейскую зону обороны русских и вплотную подошла ко второй оборонительной полосе. Правее корпуса Кнобельсдорфа три дивизии СС сумели даже иглубже вклиниться в оборонительные порядки русских, но, в отличие от Кнобельсдорфа, командиру корпуса СС не удалось оттеснить русских на широком фронте. Вместо этого каждая танковая дивизия СС пробила собственную брешь и теперь, неся крупные потери, под непрерывным фланговым огнем противника пыталась продвинуться дальше на север» [177] (с. 280).

«Анализируя ситуацию, Гот понял: с “Цитаделью” начинают возникать очень серьезные проблемы, наступление дает существенные сбои, потери растут, а о резервах и думать не приходится» [146] (с. 695).

«К исходу 9 июля 1943 нем.-фаш. войскам удалось ценой огромных потерь вклиниться в оборону войск Воронеж. фронта (команд. ген. армии Н.Ф.Ватутин) на обоянском направлении на глубину до 35 км» [87] (Т. 6, с. 612).

«В течение двух дней гренадеры 3-й танковой дивизии и мотопехота “Великой Германии” упорно штурмовали позиции русских. В непрерывных ожесточенных боях они овладели рядом деревень, оседлавших долину реки Пена, и к вечеру 11 июля вынудили русских отступить в поросший лесом район к северу от Березовки. В оборону Воронежского фронта был вдавлен четырехугольный выступ глубиной примерно 15 и шириной 25 километров — жалкий итог недели колоссальных усилий и потерь...

В секторе наступления танкового корпуса СС даже этого ограниченного успеха достичь не удалось. Гренадеры оказались вынужденными вести столь тяжелые бои по защите флангов вклинившихся танковых дивизий, что дивизионные командиры с трудом смогли оттянуть оказавшиеся на острие клиньев танки. 11 июля дивизии “Рейх” и “Адольф Гитлер” сумели соединиться друг с другом, но дивизия “Мертвая голова” все еще оставалась изолированной от них.

Это была последняя и наиболее яростная битва, которую вели дивизии СС, укомплектованные одними немцами. После операции “Цитадель” Гиммлер откроет

доступ в войска СС притоку добровольцев из оккупированных стран и уголовному сброду из гражданских тюрем рейха» [177] (с. 281).

«Перегруппировав в течение 10 июля свои основные силы на более узком участке, противник вновь бросил их в направлении Прохоровки, рассчитывая здесь смять наши ослабевшие войска. В течение 11 июля на прохоровском направлении продолжалось тяжелое сражение.

К исходу дня на участке Воронежского фронта наступил опасный кризис» [112] (с. 153).

«Понимая, что до решающей схватки с танковыми дивизиями врага остались считанные часы, Ставка Верховного Главнокомандования передала 5-ю гвардейскую танковую армию в подчинение генерала Ватутина, и в ночь с 11 на 12 июля она получила приказ нанести контрудар по рвавшемуся к Прохоровке 48-му танковому корпусу и 2-му танковому корпусу СС Хауссера» [177] (с. 282).

«Согласно ранее разработанному плану Ставка подтянула из своего резерва сюда, в район Прохоровки, 5-ю гвардейскую общевойсковую и 5-ю гвардейскую танковую армии и на утро 12 июля ввела их в сражение. Вступив в дело, последняя имела 800 танков и самоходно-артиллерийских установок. Противник в общей сложности имел на обоянском и Прохоровском направлениях не меньшее количество танков, но боевой дух его войск был уже надломлен в предшествовавших сражениях...

В течение 12 июля на Воронежском фронте шло сильнейшее сражение, особенно ожесточенное на прохоровском направлении, где **наиболее успешно действовала 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерала П.А.Ротмистрова**» [112] (с. 153–154).

И это сообщает не какой-нибудь очередной мемуарист, но главный виновник нашей во всей той войне Победы — маршал Жуков.

«На всех участках фронта шли ожесточенные, кровавые бои, горели сотни танков и самоходных орудий. Над полем боя стояли тучи пыли и дыма. Это был переломный момент в сражении на белгородском направлении. Обескровленные и потерявшие веру в победу, гитлеровские войска постепенно переходили к оборонительным действиям. 16 июля противник окончательно прекратил атаки и начал отвод своих частей на Белгород» [112] (с. 154).

А вот цифры, говорящие о том, что именно группировка Манштейна потерпела куда как более весомое поражение, нежели ее северные соседи, с успехом отбитые войсками Рокоссовского. Ведь уже при нашем контрнаступлении если на Орловском направлении нам еще оставалось противостоять 1200 танков врага, то в Белгородско-Харьковской операции все той же армии Ротмистрова оставалось противостоять только 600 танков. Это то количество бронетехники, которое еще оставалось здесь после покрытого славой русского оружия Прохоровского поля [42] (с. 218). Так что здесь:

«Положив на поле боя десятки тысяч своих солдат и офицеров, сотни сгоревших и разбитых танков, захватчик потерпел полный крах...» [61] (с. 150).

Однако ж битому не метается. Манштейны и К°, оставшись не у дел после страшного поражения в войне, судя по всему, следуя приказу Запада, приступили к попытке подлога произошедших в Курской битве событий своими оправдательными выдумками с целью реабилитации своего военного поражения. Эти выдумки тут же подхватила западная пропаганда, навязав миру много иное мнение на произошедшие тогда события:

«Буржуазные историки фальсифицируют роль и место Курской битвы во 2-й мировой войне» [87] (Т. 4, с. 539).

И самым болезненным бельмом в их глазу является не дающая им покоя наша великолепнейшая победа во встречном танковом сражении на поле русской славы под Прохоровкой. Но сегодня эту «буржуазную» демагогию бурно принялись подпитывать

еще и свои собственные — доморощенные Иуды. Их головы вскружили увлечения какими-то там «рыцарскими» ристалищами и «дубовыми листьями» с «железными крестами». Не поняли они, что столь тщательно собираемые ими какие-то такие якобы «новые сведения о войне» на самом деле являются достаточно старым и уже не раз испытанным немцами продуктом фальсификации. Ведь с набитой мордой продолжать пытаться разглагольствовать о некоей своей в России культуртрегерской миссии как-то даже и не к лицу, что ли. Потому требуется оправдание за каждую полученную в драке шишку. И оно ими без труда находится: талант Мюнхгаузена у этой нации сидит просто в крови.

Одним из тех, кто попался на эту удочку, стал в недавнем прошлом казалось бы вполне и патриотически настроенный писатель — Карен Раш. Вот сколь исправно он пытается следовать давно заглощенной Западом мифологизированной версии об этой замечательно выигранной нами величайшей из битв Отечественной войны:

«Наши потери в Курской битве были один к четырем. За каждый немецкий танк мы отдавали четыре» [130] (с. 61).

И такие «точно подсчитанные» цифири, судя по всему, им заимствованы не у кого-нибудь, но у самого мэтра в вопросах фальсификации истории второй мировой войны — мистера Манштейна, изобретшего сагу о своих неслыханных победах, где нашелкал нашего брата в своих приключенческих сказках просто в клинических даже для душевно больных людей количествах 6:1. Раш, замороженный этими бреднями о дубовых листиках и железных крестиках неких таких «рыцарей без страха и упрека», легко клюнул на эту удочку, на которую десятилетием ранее угодил Солженицын.

Вот откуда ноги растут у всех этих сплетен: от веры в непогрешимость Запада.

Что ж, будем и далее продолжать очищать зерна от плевел: выискивать и обличать параноидальные версии фальсификаторов от тех событий, которые с ними и рядом никогда не стояли.

Но не только мощнейшие средства наземной борьбы были заранее заготовлены нами для отражения атак тяжелых немецких танков. Сильно подкосила мощь немецкого воздушного флота, предназначавшегося для сопровождения танковых атак под Курском, русская авиация, заранее нанеся свой удар на изготавливаемые противником к атаке прифронтовые аэродромы:

«Первый массированный удар наших бомбардировщиков был очень эффективен... лишь за три дня (6–8 мая) противник потерял, по нашим данным, около 450 самолетов.

Вторая воздушная операция проводилась месяц спустя — с 8 по 10 июня. К ней привлекались силы только трех воздушных армий — 1, 2 и 15-й, а также дальняя авиация... за май и первую декаду июня потери противника в самолетах превышали цифру 700. А это являлось уже серьезным ослаблением его ударной группировки» [104] (с. 163).

И такие сведения не от сороки, которая на хвосте принесла. А от начальника оперативного отдела русского Генштаба.

А вот сорока на хвосте цифири сообщает:

«В целом в битве участвовало 13 тысяч танков с обеих сторон» [72] (с. 58).

По данным энциклопедии у немцев:

«...насчитывалось св. 900 тыс. чел., ок 10 тыс. ор. и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, ок. 2050 самолетов» [87] (Т. 4, с. 537).

У нас:

«...1 336 тыс. чел., более 19 тыс. ор. и минометов, 3444 танка и САУ, 2172 самолета» [87] (Т. 4, с. 537).

Так что и здесь ни с какими мифологическими данными нынешних романистов даже и близко ничего не стыкуется!

А тысячи эти, столь уж неправдоподобно многочисленные, судя по всему, объявились лишь в больном воображении Манштейна. И именно тогда, когда потребовалось под им объявленное соотношение 1:6 количество наших танков подвести. И его байки превзошли рассказы самого поднаторевшего в этом вопросе «рыболова». Но у страха глаза велики — вот и сблазнилось Манштейну. Потому наследник его мифологии нам теперь и сообщает:

«Генерал Ротмистров привел на Прохоровское поле 5-ю гвардейскую танковую армию. Она вся, по сути, ляжет здесь... **Сталин не простил Ротмистрову потерю армии**» [72] (с. 59).

И наградил за это, что случится уже теперь на самом деле, — *маршальским жезлом!*

Не правда ли: странно?

Странно. Но пока, угодив на крючок некоего правозащитничка доки-доктора Геббельса со Манштейном вкупе, восклицаем: «Ай-яй! Ведь это же надо: цельную нашу армию этот вражина оскаженная Манштейн в землю сырую уложил, а мы про то так до сих пор ничего и не знали!»

Не знали. Но лишь по той простой причине, что мемуары мистера Манштейна, с точки зрения достоверности описываемых им фактов его необычайных приключенческих побед, всегда можно было рассматривать лишь с точки зрения достоверности историй, некогда поведанных своим слушателям бравым солдатом Швейком. Вот уничтожил он тут армию этого самого Ротмистрова, что, судя по всему, и выставил в некое свое оправдание перед гитлеровским генштабом, а потому и танков его нащелкал столько, сколько предоставило в его отчетности его большое самолюбивое воображение.

Но вот начальник уже теперь оперативного отдела русского генштаба с этой балладой о победах господина Манштейна оказался не ознакомлен! Потому и воюет наш Ротмистров приспокойнехоньки себе и дальше, и в мыслях своих не ведая о своей смерти, красиво преподнесенной Гитлеру мистером Манштейном. Мало того: воюет все той же своей якобы кем разгромленной армией, о чем Жуков, также не ведающей о майнштейновской балладе, совершенно однозначно сообщает:

«18 июля мы с А.М.Василевским находились на участке, где сражались части 69-й армии под командованием генерал-лейтенанта В.Д.Крюченкина, 5-й гвардейской армии генерал-лейтенанта А.С.Жадова и **5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П.А.Ротмистрова**» [112] (с. 154).

То есть той самой армии, которую якобы в полном своем составе, лишь за несколько дней до этого, изничтожил рассматриваемый нами мемуарный гений — мистер Манштейн! И уж в данном случае Жуков с Василевским при этом сражении даже присутствовали:

«Нам довелось лично наблюдать ожесточенные бои... где... противник оказывал сильное огневое сопротивление и даже переходил в контратаки. За 18 июля армиям П.А.Ротмистрова и А.С.Жадова удалось оттеснить его» [112] (с. 154).

А затем, 23 июля, перейти и в наступление, перед началом которого было необходимо, как сообщает тот же Жуков:

«...произвести пополнение войск, понесших потери; **особенно это касалось 6-й и 7-й гвардейских, 1-й танковой армий и ряда артиллерийских частей...**» [112] (с. 161).

Про необходимость пополнения якобы понесшей *особые потери* 5-й танковой армии Ротмистрова здесь опять ни слова не сказано. Это говорит о том, что потери в его частях оказались менее значительны, чем у многих иных, в том числе 1-й танковой

армии. То есть бред Манштейна и здесь ни с чем не стыкуется. И особенно выдает его вранье с головой упрямая его личная ненависть к Ротмистрову. Ведь свали он свою мемуарную победу на якобы разгром 1-й танковой, и ему было бы куда как проще лапшу из своих липовых побед нам по ушам развешивать. Тут ведь пусть и весьма жалкие, но хоть какие-то аргументы были бы. Но вот с Ротмистровым — полная промашка...

А вот и Штеменко сообщает, без задних каких мыслей, о продолжении боевых действий все той же 5-й танковой армией. Ведь именно ей ставкой Верховного Главнокомандования и ставится боевое задание по окружению Харькова:

«...Для этой цели 1-й танковой армией Катукова перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а **5-й гв. танковой армией Ротмистрова**, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефа» [104] (с. 182).

И вот какими темпами теперь наступали уже мы. И все теми же, между прочим, танками, которых, по рассказам фальсификаторов, у нас, после Прохоровки, якобы не обязано было и вообще оставаться в наличии:

«Наступая на одном операционном направлении, танковые армии представляли собой своеобразный бронированный меч, наносивший глубокий рассекающий удар. Массированное применение танков на узком участке фронта оказывало влияние на темп операции. К исходу дня 1-я танковая армия перерезала шоссе на дороге Томаровка-Белгород, а **5-я гвардейская танковая армия** вышла к Бессоновке. За день наступления армии продвинулись на 30 км (Архив МО, ф. 236, оп. 2673, д. 275, л. 64.)» [37] (с. 172).

Немцы, чтобы оказаться под Прохоровкой, пробивались туда на такое же расстояние целую неделю, получая при этом такие ежедневные порции подзатыльников, что после еще и Прохоровского сражения им наступать стало уже больше не чем. Вот почему уже после перехода в наступление наши бронированные кулаки более не натыкались на какое-либо серьезное сопротивление, оказываемое им со стороны немецких моторизованных частей: сколько-нибудь боеспособных танковых подразделений у немцев более не оставалось. А потому следующий день «умершая» армия Ротмистрова лупила пытающихся сбежать немцев с куда как и еще большим успехом:

«...1-я и 5-я гвардейская танковые армии прошли с боями более 50 км» [37] (с. 173).

Вот это темп! Немцы в 41-м такого не имели!

Так что при взятии Харькова, как тут теперь по версиям фальсификаторов выясняется, нашими войсками были задействованы танковые армии, одна из которых, к этому времени, германскими Мюнхгаузенами была объявлена «мертвой»!

И вот чем Ротмистров, как выясняется, столь изрядно «поднасоллил» этому якобы победителю всех и вся мемуарному гению — Манштейну, снятому Гитлером с занимаемой должности, как теперь выясняется, исключительно за его полную бездарность и никчемность. А главное, все за то же — за его извечное вранье.

А осложнения отношений будущего мемуариста с командиром тогда еще 7-го танкового корпуса Павлом Ротмистровым начались в Ростове-на-Дону, где:

«В янв. 1943 корпус принял участие в разгроме группы Манштейна и освобождении г. Ростов-на-Дону» [87] (Т. 7, с. 151).

Вот когда еще будущий этот мемуарист первый раз получил по зубам от нашего боевого командира. За данный «проступок» обиженным непризнанным гением и был объявлен «покойником».

А вот и еще все о той же якобы где скончавшейся боевой единице нашей армии:

«Войска армии сыграли решающую роль в разгроме ударной группировки пр-ка под Прохоровкой, где произошло самое большое встречное танковое сражение 2-й мировой

войны. Затем армия под командованием Р[отмистра] успешно участвовала в Белгородско-Харьковской и Уманско-Ботошанской операциях...» [87] (Т. 7, с. 151).

Но и это было еще не все, что после своего уничтожения на бумаге мистером Манштейном совершила эта столь нелюбимая им армия:

«После операции “Кутузов” 1-я ТА выводится в резерв Ставки на Сумщину, а 5-я гв. ТА продолжает действовать в составе Воронежского фронта, переименованного в 1-й Украинский. Во время боев за Днепр армия Ротмистра форсировала эту мощную водную преграду, и, прорвавшись вглубь обороны врага, ее 29-й тк овладел железнодорожной станцией Пятихатка, где было захвачено 11 эшелонов, среди которых эшелон с горючим, два эшелона с ранеными, один эшелон с танками... склад с военным имуществом и боеприпасами» [146] (с. 211).

И такой прыти от списанного на бумаге в расход воинского соединения, что и понятно, никто не ждал...

Но ведь это всего лишь по-настоящему — это не в счет. Ведь мемуарным победителем Прохоровки стал еле ноги из этого пекла унесший Манштейн. На него теперь и ровняются мемуаристы нынешние.

Кстати, а что же это за «фрукт» за такой? Может новый Бонапарт или как бы Тамерлан какой такой новоявленный, исключительно пока только этими «буками» русскими лишь и не признанный?

Уже в самом начале русской кампании воинские соединения, весьма опрометчиво Гитлером доверенные Манштейну, терпят неудачи. И лишь чудом и помощью благоволящего его немощи диктатора избегают уготованной им гибели. В районе Чудово 12 июля 1941 г.:

«Наступавший моторизованный корпус противника был атакован частями 11-й армии в районе Сольцы. Контрудар 11-й армии был хорошо организован. Его поддержала авиация. От неожиданности противник повернул вспять и начал поспешный отход. Преследуя вражеские войска, части 11-й армии нанесли им большие потери. **Если бы не помощь подоспевшей 16-й немецкой армии, 56-й мехкорпус Манштейна был бы уничтожен**» [111] (с. 279).

То есть первую свою «феньку» под глаз разбираемый нами «Бонапарт» заполучил еще летом 1941-го под Новгородом.

Но, может быть, он потом выправился и стал воистину великим?

Смотрим:

«**МАНШТЕЙН** (Manstein) Эрих фон Левински... один из нацистских военных преступников... Командуя группой армий “Дон” (нояб. 1942 — фев. 1943), М[анштейн] безуспешно пытался деблокировать 6-ю армию, окруженную под Сталинградом» [87] (Т. 5, с. 126).

То есть еще и там ему приизрядно по зубам «касторочных средств» поотведать принудили. Это вносит в рисуемый нами образ фигуры генерал-враля особый колорит. Ведь даже появившиеся уже тогда в его распоряжении «тигры» оказались беззубы против русской морской пехоты, насмерть вставшей на пути его моторизованных колонн. И генерал-вралю уже тогда пришлось ретироваться, получив и здесь соответствующую масштабу своего «гения» уж очень очевидную под свой германового образца неандертальский глаз приизрядную «феньку».

Но и в дальнейшем ему «везло» ничуть не более. Манштейн, как следует из повествующих о нем документов:

«С февр. 1943 командовал группой армий “Юг”, терпевшей поражение в ходе Курской битвы и в др. сражениях. При отступлении широко практиковал тактику “выжженной земли”» [87] (Т. 5, с. 126).

За что лишь чудом и все тем же враньем избежал петли на Нюрнбергском процессе. Когда его приперли к стенке аргументами, Манштейн:

«Стал отрицать, что в армии, которой он командовал, существовала специальная оперативная группа для массового уничтожения людей, однако немедленно был уличен показаниями другого свидетеля — видного эсесовца Олендорфа, возглавлявшего эту группу. Оказывается, Манштейн лично давал ему указания о массовом уничтожении советского гражданского населения, и по его же (Манштейна) распоряжению тысячи пар часов, снимавшихся с жертв, раздавались в качестве подарков армейским офицерам. Остальные ценные вещи (золотые зубные протезы, кольца, браслеты), принадлежавшие уничтоженным, подлежали строгому учету и затем направлялись в Берлин, в имперский банк [106] (с. 146–147).

Так что именно в выполнении палаческих функций и заключается вся значимость деятельности этого военного преступника. Лишь здесь с поразительнейшей наглядностью проявились все присущие ему «таланты». Но вот как обстояли дела с его полководческой деятельностью:

«За неудачи на фронте М[анштейн] в марте 1944 был отстранен от командования и зачислен в резерв» [87] (Т. 5, с. 126).

Так что отнюдь не за измену или попытку государственного переворота, но именно за бездарность Гитлер и отстранил, в конце концов, Манштейна от командования: даже сам фюрер ощутил полную никчемность этого ничтожества, безмерно кровожадного даже по меркам гитлеровского безпредела.

«После 2-й мировой войны, в 1950, М[анштейн] за совершенные им воен. преступления был приговорен британским воен. трибуналом к 18 годам тюрьмы. В 1953 освобожден. М[анштейн] был почетным членом ряда реваншистских организаций. В выпущенных мемуарах пытался оправдать свои преступления необходимостью выполнения солдатского долга, а воен. неудачи на Вост. фронте — бездарностью Гитлера» [87] (Т. 5, с. 126).

На самом же деле, как теперь выясняется, в основе бездарности руководства союзными армиями Оси, возглавляемых Германией, являлось совсем другое обстоятельство. Вина Гитлера заключается в том, что он слишком поздно понял, почему достоверности сведений Манштейна, всю войну извечно всех каким-то таким немислимым образом «побеждающего» (даже тогда, когда армия не просто отступает, но бежит, сломя голову), следует доверять ничуть не больше, нежели «сведениям» его в этой области великого предшественника: барона Мюнхгаузена. Вот и под Курском Гитлер совершил основную свою ошибку, после чего наши войска могли успешно наступать, совершая марши стальными бронированными колоннами по 50 км в день:

«13 июля, Гитлер, встревоженный неблагоприятным развитием событий, срочно вызвал в ставку фельдмаршалов Клюге, Манштейна и других представителей высшего командования. На состоявшемся совещании Клюге заявил, что... “Наступление 9-й армии не может продолжаться...” (E. Manstein. *Verlorene Siege*, S. 502.). Однако командующий группой армий “Юг” Манштейн продолжал отстаивать прежний план наступления. Он утверждал: “Остановить сейчас битву, вероятно, означало бы упустить победу. Если 9-я армия будет хотя бы сковывать противостоящие ей силы врага и, может быть, потом возобновит наступление, то мы попытаемся окончательно разбить силами наших армий действующие против нас и уже сильно потрепанные силы противника” (Ibidem.).

Под влиянием заверений Манштейна Гитлер изменил высказанное в начале совещания мнение, что операция “Цитадель” не может продолжаться. Было принято решение продолжать наступление на Курск ударной группировкой группы армий “Юг”» [37] (с. 161).

Вот, после какой ошибки Гитлера нашим танковым группировкам именно на южном фланге Курской битвы впоследствии удавалось лупить немца столь безнаказанно! Ведь все это происходило на том участке фронта, где Манштейн росчерком пера уничтожал по 800 наших танков в день, отдавая за них, ну просто в неизлечимо больном своем воображении, по 8 своих.

Но не один Манштейн занимался приписками на свой счет гор трупов противника. Немцы вообще в этом вопросе слишком обожали приврать. Вот каковы размеры их в этом вопросе «скромности»:

«К 8 июля немцы насчитывали 86 советских дивизий уничтоженными» [125] (с. 190).

То есть всего за пару дней, между прочим, *наступления*(!), они наших войск, каким-то лишь им известным образом буквально перелетая своими тяжелыми танками через наши густые минные поля, якобы поискромсали с миллион!

Именно эти манштейновские цифири теперь и крутят у нас перед носом просто одуревшие от любви к военным преступникам нынешние германofilы.

«При изучении событий Второй Мировой и Великой Отечественной оценка положения, данная В.Бешановым, представляется вполне отражающей реальность: “Потери советских войск оказались столь велики, что при дальнейших «победах» такого же рода до Берлина могли добраться лишь штабы...”» [136] (с. 498).

Ну, если поверить на слово сагам Манштейнов со Бешановыми, то да.

«Однако слухи о кончине вооруженных сил СССР были сильно преувеличены» [125] (с. 191).

И вот до какой теперь просто поражающей степени. Мы, как выясняется, имели не за два, а:

«...за 19 дней боев безвозвратные потери всего 70 330 человек...» [136] (с. 498).

Вот еще подытоживание наших в этой битве потерь. Андрей Кравченко:

«По данным авторов книги “Гриф секретности снят” потери Воронежского фронта с 5 по 23. 07. 1943г. составили: безвозвратные — 27 542 человека, санитарные — 46 350, общие — 73892. Потери Степного фронта с 9 по 23.07.1943: безвозвратные — 27 452, санитарные — 42 606, общие — 70 058. В общем, по двум фронтам — 143 950 человек» (<http://www.battlefield.ru/kursk-battle-totals/stranitsa-4-poteri-protivnika-v-bronetekhnike.html>).

То есть убитыми мы потеряли в горниле сражения века на Курской дуге за 19 дней сражения 54 994 человека. А сколько пришлось здесь оставить немцам, чтобы захлебнуться в собственной крови?

Потому поделки Манштейна и его коллег по сочинительствам стали ощутимы уже через пару недель, когда вдребезги проигранное врялями сражение заканчивалось страшным и окончательным разгромом их южной группировки (северная к тому времени была давно разбита).

И не без помощи руководства, отличившегося и здесь редкостной бездарностью:

«Неудачный дебют под Курском был следствием тактически неграмотного тактического использования новых танков» [123] (с. 291).

Например:

«...дивизия “Великая Германия” оказалась просто перегружена танками. Перед сражением в составе соединения было 129 танков... Добавление к этим танкам 200 “пантер” превращали “Великую Германию” в неуправляемого монстра. Нет ничего удивительного, что уже в первых боях “пантеры” понесли тяжелые потери» [123] (с. 288).

То есть именно перенагруженность наступательной техники в стане потерпевшего сокрушительное поражение противника и являлась одной из причин случившегося грандиозного поражения немцев на Курской дуге. Увеличение числа танков привело:

«...к пропорциональному уменьшению доли приходящихся на один танк пехотинцев, артиллерии, саперов. Лишившийся поддержки всех этих средств танк неизбежно попадает под удар неподавленной противотанковой артиллерии, мин и оружия пехоты» [123] (с. 288).

Но нехватка пехоты в стане врага для 1943 г. дело вполне естественное. Ведь к тому времени миллионы трупов немецких солдат уже благополучно изгнили: под Москвой и Смоленском, Ленинградом и Сталинградом. Потому к Курской дуге у немцев столь явственно и ощущалась нехватка живой силы.

Тут и Гудериан, в то время исполняющий обязанности генерал-инспектора танковых войск, в докладе от 17 июля 1943 г., поданном на имя Курта Цецлера, начальника штаба сухопутных войск, не может не отметить, что в этом сражении у восхваленных Манштейном немецких танковых новинок, в данном случае «пантер», был отмечен:

«...непропорционально высокий уровень потерь...» [123] (с. 289).

Который, с его точки зрения:

«...может быть объяснен жестокими боями» [123] (с. 289).

А по-иному мы боев никогда и не вели. На Курской же дуге немцам так и вообще очень крупно не повезло: они напоролись на долговременную специально для защиты от танков подготовленную оборону. Эта оборона и «фердинандов» остановила достаточно без проблем. Гудериан пишет:

«90 танков “тигр” фирмы “Порше”, использовавшихся в армии Моделя, так же показали, что они не соответствуют требованиям ближнего боя... Положение обострялось еще и тем, что они не имели пулеметов... (Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999.С.430// Guderian H. Panzer Leader, p. 251)» [123] (с. 295).

Но и не только в отсутствии пулеметов основная причина полной беззубости этих тяжеловесных монстров. Ведь и на дальней дистанции “фердинанды” не выполнили отводящейся им роли. На что Гудериан сетует:

«Им не удалось ни уничтожить, ни подавить пехотные огневые точки и пулеметные гнезда противника, чтобы дать возможность продвигаться своей пехоте. К русским артиллерийским позициям они вышли одни, без пехоты (Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999.С.430// Guderian H. Panzer Leader, p. 251)» [123] (с. 295).

«“Грозные для “тридцатьчетверок” и в дуэлях со стационарными орудиями, “фердинанды” были беспомощными против укрывшейся в траншеях пехоты. Вскоре они оказались отсеченными от сопровождающих их средних танков и один за другим были уничтожены группами советских солдат” (Guderian H. Panzer Leader, p. 251)» [177] (с. 278).

Так что в техническом отношении тяжелая техника Германии на Курской дуге оказалась не на высоте. И «Тигры», и «Фердинанды» не смогли проломить русский фронт своей броней.

Все то же касается и «Пантер». После Курской битвы специальной комиссией нашего автобронетанкового управления были рассмотрены наиболее уязвимые места поражения этого новейшего из немецких танков:

«...на 22 танках насчитали 58 попаданий. 10 попаданий пришлось на лоб корпуса танка, все рикошетировали. В башню попали 16 снарядов, все достигли сквозных пробитий. В бортах танков насчитали 24 снаряда, во всех случаях пробивших броню

насквозь. Выяснилось, что фатальными для нового среднего танка могут стать все виды противотанковых орудий...» [123] (с. 297).

В том числе и самые распространенные орудия пехоты: нашей 45-мм пушки! Здесь требовалось лишь использование подкалиберного снаряда, чтобы без проблем дырявить новейшую немецкую технику.

Кроме того:

«Они легко загорались, система снабжения горючим и маслом не защищена...» [177] (с. 279).

И вот как сами немцы описывают наши средства противотанковой обороны:

«Противотанковые пушки являются основным противником танков на восточном театре военных действий. Русские используют противотанковые орудия массово в обороне или продуманным подтягиванием их за атакующими, чтобы быстро ввести их в дело... Вследствие превосходной маскировки и использования местности — иногда колеса были сняты с орудий для уменьшения их высоты — русские легко добивались внезапного открытия огня на средних и коротких дистанциях. Пропуская двигающиеся в первом эшелоне танки, они старались открыть огонь нам во фланг» (Jentz T. Panzertruppen. The Complete Guide to the creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1939–1942. Atglen: Schiffer military history. 1996. P.223)» [123] (с. 298–299).

Потому-то даже Манштейн при описании Курской дуги оказался удивительно скромным:

«Манштейн, например, настроив объемистый фолиант, самому интересному эпизоду своей военной биографии — Курской битве — уделит немногим более 50 страниц, отделавшись невнятной скороговоркой вместо детального описания этого сражения» [127] (с. 4).

Но почему же?

Да потому, что даже и соврать-то нечего! Ведь он является самым главным виновником той страшной катастрофы, которая случилась здесь с немцами — на поле русской славы. Ведь именно попытка перекройки поражения под Прохоровкой в победу и закончилась наступлением его извечного врага, Павла Ротмистрова, такими страшными темпами, которые позволили этому танковому соединению в считанные недели от Курска и Орла пробиться аж за Днепр.

Но почему Манштейну, мемуарному гению, победителю всех и вся, столь явно не повезло именно на Курской дуге? Может быть, мы со всех фронтов стянули свои войска именно к южному выступу Курской дуги, чтобы воевать с одним этим самым наивеличайшим из всех иных гениев по части приписок, увеличив количество своих сил, по отношению к этому мемуарному гению, в десятков раз?

Да ничего подобного! Ведь одновременно еще куда как более успешные наступления в это же самое время начались в Донбассе и под Ленинградом.

А ведь именно в Донбасс, посчитав, что на южном фланге Курской дуги русские от его величайших чернильных ударов очухаются лишь к зиме, направил Манштейн все сколько-нибудь оставшиеся годными танковые части. Потому-то именно здесь и зародилось начало той страшной катастрофы, после чего немцы будут безостановочно драпать до самого до Берлина.

Значение Прохоровского танкового сражения

«Эта ситуация отчасти возникла в результате типичных для немецких фронтовых командиров, и особенно Манштейна, ошибочных оценок сил и намерений противника.

Хотя немецкие генералы понимали, что операция “Цитадель” провалилась, они по-прежнему тешили себя надеждой, что сражение на Курской дуге настолько ослабило советские бронетанковые соединения, что оставшуюся часть лета можно будет посвятить серии мелких “тактических решений”, которые приведут к выпрямлению и консолидации линии фронта до наступления зимы. Немцы упорно отказывались признать тот факт, что им, как более слабой армии, предстоит теперь противостоять наступательным инициативам русских» [177] (с. 284–285).

А вот какие крокодиловы слезы по этому поводу пускает мистер Манштейн:

«Мы надеялись, что нанесли противнику в ходе операции “Цитадель” столь ощутимый урон, что сможем теперь рассчитывать на передышку в этом секторе фронта, — писал он, — и поэтому группа армий “Юг” решила временно перебросить крупные танковые силы с этого участка фронта, чтобы выправить положение в районе Донбасса» [177] (с. 285).

Вот что пишет на эту тему западногерманский историк Пауль Карел:

«Последнее крупное немецкое наступление в России закончилось провалом. Хуже того, накопленные за многие месяцы настойчивыми и самоотверженными усилиями войсковые резервы, и особенно танковые и моторизованные дивизии, растаяли в огненном горниле Курской битвы, не достигнув намеченной цели. Наступательная мощь была подорвана...» [177] (с. 285).

Он подтверждает, что:

«...Курская битва была решающим сражением второй мировой войны. Официальная советская история второй мировой войны справедливо называет ее битвой исторического значения.

Однако, как ни странно, операция «Цитадель» — Курская битва — так никогда и не получила заслуженного признания со стороны немцев” (Carell P. Hitler’s War on Russia, vol. 2, p. 103)» (там же).

И все потому, что они с тупым упорством твердят, что выиграли каким-то образом эту битву. Однако ж, на поверку, вот как обстояли в тот момент дела с немецкими бронетанковыми войсками:

«Когда проверка различных танковых дивизий, участвовавших в операции “Цитадель” завершилась, стало ясно, что найти “крупные танковые силы” будет не так-то просто. Манштейн сумел выкроить несколько частей для усиления 3-го танкового корпуса и направил их на юг вместе с 3-й танковой дивизией, которая менее других пострадала в сражении на Курской дуге» [177] (с. 286).

А вот что творилось на северном участке Курской дуги. Э.Зимке, в тон сочинителю мемуаров Манштейну, вот как расхваливает «свое болото»:

«Боеспособность советских войск была низкой, но их было слишком много... нескончаемые волны пехоты и танков» [37] (с. 159).

Которые наш мемуарист успешненько себе эдак изничтожал, изничтожал, изничтожал... Пока-де рука колоть бойцов не устала.

«В подтверждение он приводит высказывание одного из немецких генералов о том, что под Курском “русские добились успеха, так как начали бои при соотношении сил 10 : 1” (E.Ziemke. Stalingrad to Berlin, p. 141.)» [37] (с. 159).

И это все притом, что в то время еще оставались в руках оккупантов наши территории, на которых до войны проживало 40% населения СССР, почему мы могли набирать солдат лишь из 120 млн. чел. Немцы же, в то самое время, — почти из 400 млн. То есть они имели для пополнения своих наголову разгромленных под Сталинградом безчисленных интернациональных орд более чем втрое большие возможности.

Вот теперь, в соответствии с баснями Манштейна, попытаемся определить: врет этот коллега Манштейна, Зимке, или же говорит правду.

Если сообщает правду, то это говорит о том, что в период обороны мы убивали по десятку немцев за каждого русского солдата. Взятие же нашими частями Орла подтверждает еще и тот факт, что в тот же самый момент бросить все имеющиеся у нас на тот момент силы одновременно еще и на Харьков, где наши танки, сожженные Манштейном лишь на бумаге, проходили в день по 50 км, мы никак бы не смогли. Но еще большей катастрофой, все в тот же самый период, для немцев обернулся Донбасс. А вот что в то же самое время творилось под Ленинградом.

Отто Кариус:

«3-я рота была брошена в бой прямо с платформы. Гауптман Уме, командир роты и лейтенант Грюневальд были убиты еще до того, как мы прибыли со своим эшелоном.

Иваны обрушили на нас тучи истребителей, к чему мы не привыкли» [128] (с. 35).

Но теперь, после тотального уничтожения в небе Курска авиации врага, ему к нашему превосходству в воздухе следовало бы уже и привыкать.

«...они уничтожали все. Отдельные фрагменты раскромсанных тел людей и животных, разбитой техники валялись на шоссе» [128] (с. 35).

Может и впрямь мы их так сурово расколошматили, что оказались в десятикратном превосходстве?! Но как же тогда быть с баснями Манштейна, где он уже теперь свои собственные победы изображает в многократном перевесе теперь уже себя над нами? Кого слушать Западу: паникера Зимке или доку и победителя всех и вся — Манштейна?

Запад порешил выставить в героях обоих: Зимке истреблял волну за волной потоки русских танков и пехоты находясь в обороне, а Манштейн крушил наши танки сотнями и тысячами, все продолжая наступать. Вот хорошо: оба при деле.

И эти нагромождения измышлений сочинителей мемуаров, получивших в драке хорошую «феньку» под глаз, нам теперь и пытаются подсунуть фальсификаторы, столь бурно в последнее время повывлешие из всех щелей, в качестве неких якобы откуда появившихся ранее де уж слишком засекреченных документов. Главный же мемуарист, прикрывая подбитый глаз, теперь клянется, чуть ли ни мамой, что де за свое «ранение» он переуничтожил десятки, нет сотни, нет сотни тысяч на него одновременно со всех де мол сторон накинувшихся неприятелей.

Потому во время настоящего, а не вымышленного Манштейном боя, якобы в пыль растертый фальсификаторами Ротмистров и снятый с должности Сталиным, оказался теперь уже под Харьковом, а затем еще и под Уманью все с той же своей армией — целой и до удивительности невредимой! Мало того, вместо объявленного фальсификаторами разжалования, был просто фантастическим образом повышен в должности — получил маршальский жезл.

«...6 августа, после форсированного ночного марша русские армии вышли к захваченному в полный располх штабу 4-й танковой армии в Богодухове, так как армия генерал-полковника Германа Гота не имела никаких резервов, чтобы заткнуть 10-километровую брешь в линии фронта между Томаровкой и Белгородом. Впрочем, их не было и для того, чтобы остановить советские танки, которые через эту брешь проникли на занятую немцами территорию на глубину 100 километров. 7 августа русские авангарды уже находились в районах к северо-востоку от Полтавы и Ахтырки» [127] (с. 311).

И все это происходило на манштейновском южном фазе Курской дуги! Именно там, где Манштейн всех и вся побеждал.

Но немцы, накрапавшие свои мемуары без согласования с Манштейном, плачутся:

«Единственными силами, которые мы имели под рукой, оказались остатки 167-й пехотной дивизии, которая во время прорыва русских была отрезана от 4-й танковой армии (около 500 измученных солдат без артиллерии и тяжелого оружия), и слабая 6-я танковая дивизия. В ней осталось только 10 танков...» [127]

Что-то тут слишком уж не пахнет более или менее дееспособными частями, но лишь слишком жалкими остатками от них, чтобы можно было попытаться хоть заикнуться о каких-то там победах. Вот что сообщают о своем настроении в те времена вражеские танкисты:

«Иногда мы и в самом деле верили, что только алкоголь поможет нам выдержать эту чертову бойню. Мы были разочарованы тем, что успехи, на которые мы рассчитывали, получив новые машины, так и не наступили» [128] (с. 37).

Но и это еще не все. В мемуарах маршала Жукова, на тот день еще не знакомого со стряпней доки Манштейна, значится такая с сочинителем басен неувязочка:

«По моим наблюдениям, из командующих фронтами И.В.Сталин больше всего ценил Маршала Советского Союза Рокоссовского, Л.А.Говорова, И.С.Конева и генерала армии Ватутина. Из командующих армиями Верховный выделял А.А.Гречко и К.С.Москаленко... маршалов бронетанковых войск П.С.Рыбалко, **П.А.Ротмистрова...**» [111] (с. 313).

И не тот человек был Иосиф Виссарионович, чтобы уважать командующих своего воинства, между прочим, **победителей, за жесточайшие поражения**. Потому нет никакого и малейшего основания не доверять источникам, сообщающим о победе победителей.

И вот о чем эти источники сообщают:

«За день боя гитлеровцы потеряли в р-не Прохоровки до 400 танков и более 10 тыс. солдат и офицеров убитыми» [87] (Т. 4, с. 538).

«Сражение под П[рохоровкой] выиграла сов. войска. В нем ярко проявились не только мужество сов. войск, но и **полное превосходство сов. военной техники...**» [87] (Т. 6, с. 612).

«В этом сражении только 2-й танковый корпус СС генерала Хауссера потерял 300 танков. Немецкий историк Лео Кеслер в книге “Железный кулак”, посвященной истории танковых дивизий СС (Kessler L. Iron Fist. The Story of the SS Panzer Divisions between 1943–1945. London, 1977, p. 54), пишет об исходе танковой битвы под Прохоровкой: “К вечеру 12 июля командующий 4-й танковой армией Гот посетил поле битвы на своей бронированной командирской машине. Он остался недоволен тем, что увидел. Хауссер потерял 300 танков и был не в состоянии предпринять атаку без поддержки 6-й танковой дивизии, спешившей ему на помощь”» [177] (с. 260).

«Сражение представляло собой противоборство двух бронированных лавин. Первый эшелон 5-й гвар. тан. армии на полном ходу врзался в боевые порядки нем.-фаш. войск. Применение в сражении такого большого количества сов. танков оказалось полной неожиданностью для пр-ка» [87] (Т. 6, с. 612).

«Утром 12 июля в район Прохоровки навстречу прорвавшейся бронированной фаланге танков Гота устремилась лавина “тридцатьчетверок” Ротмистрова. Передовой эшелон русских танков на полном ходу врзался в боевые порядки немецкой армады, рассекая их по диагонали и стреляя в упор в духе прежних отчаянных кавалерийских атак» [177] (с. 259).

«С воздуха наносили по пр-ку массир. удары авиация 2-й и части 17-й воздушных армий, а также авиация дальнего действия. Всего было произведено 1300 самолетовылетов. Нем.-фаш. войска потеряли до 400 танков и штурмовых орудий» [87] (Т. 6, с. 612).

«Утром 12 июля все боеспособные танки корпусов Кемпфа, Хауссера и Кнобельсдорфа — около 600 боевых машин — были собраны в кулак и брошены в решающую схватку. Вскоре юго-западнее Прохоровки лавина немецких танков в лоб столкнулась с устремившимися навстречу ей танковыми корпусами 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова, и в гигантском клубящемся облаке дыма, в удушливой июльской жаре закипело и загромыхало крупнейшее встречное танковое сражение второй мировой войны. Советские танкисты были свежими, их боевые машины исправными, имевшими полный комплект боеприпасов. Две бригады САУ к тому же были оснащены тяжелыми орудиями, не уступавшими длинноствольным пушкам “тигров” и “пантер”. В противоположность им немцы были измотаны непрерывными ожесточенными боями с русской пехотой и артиллерией. Многие из немецких танков уже чинились и латались на поле боя, и часть их — особенно “пантеры” — вскоре вновь вышла из строя из-за технических поломок. Кроме того, “нас (писал немецкий танкист) предупредили, что мы встретимся с противотанковыми орудиями и отдельными закопанными в землю танками, а также, возможно, с несколькими отдельными бригадами тихоходных КВ. Фактически же мы столкнулись с фактически казавшейся неистощимой массой русских танков — никогда раньше я не получал столь наглядного впечатления о русской мощи и численности противника, как в тот день. Облака густой пыли делали невозможным получить поддержку от люфтваффе, и вскоре многочисленные «тридцатьчетверки» прорвали наш передовой заслон и, как хищные звери, рыскали по полю боя»

К вечеру русские оттеснили немцев, и поле битвы с неподвижно застывшими корпусами подбитых и поврежденных (но тем не менее ценных) танков и ранеными танкистами осталось за ними (В танковом сражении под Прохоровкой одновременно участвовало около 1200 танков и САУ. Потери немцев составили около 400 танков и 10 тысяч человек убитыми. 5-я гвардейская танковая армия потеряла около 300 танков). Резкий контрудар советских войск на левом фланге 48-го танкового корпуса выбил немцев из Березовки, и потрепанной дивизии “Великая Германия” пришлось срочно вступать в бой, чтобы предотвратить окружение 3-й танковой дивизии. На следующий день Гитлер вызвал к себе в ставку Манштейна и Клюге и сообщил, что операцию “Цитадель” следует прекратить» [112] (с. 282–283).

И это притом что вообще на южном фланге Курской дуги, по словам Эрхарда Рауса, участника тех боев:

«В период с 5 по 20 июля Группа армий “Юг” уничтожила и захватила 412 танков...» [127] (с. 306).

И это пишет один из битых нами тогда немцев, совершенно без какого-либо желания переписать свои как и всегда воздушные победы на нас! То есть в одном Прохоровском сражении мы уничтожили немецких танков столько же, сколько сами потеряли за долгих две недели битвы на южном фланге Курской дуги!

Причем, мало что из этой дорогостоящей техники врага (цена «тигра» достигала миллиона марок!) уже подлежало какому-либо восстановлению — ведь наши танки били по ней практически в упор. Правда и сами получали при этом даже куда как и еще более разящие дозы смертоносного железа с близкого расстояния. Потому и какое-то количество нашей техники, не подлежащей эвакуации и доставшейся под конец дня наступающим немецким войскам, вряд ли уже могло быть ими воспринято в качестве трофея. Но если и была (а под Прохоровкой даже и вовсе не малая — специальными бригадами подрывников уничтожены порядка 200 наших поврежденных танков, оказавшихся в расположении немецких войск), то вошла в те 412 танков, скрупулезно пересчитанных немцами, которые они захватили на южном фланге курской дуги. На северном, судя по результатам, они вообще ничего не захватили. Но здесь, на

Прохоровском поле, в качестве не подлежащего восстановлению железного хлама, они оставили практически столько железа, которое мы потеряли безвозвратно за полторы недели сражений на южном фесе Курской дуги. Вот чем явилось это поле русской славы. После битвы под Прохоровкой наступать немцам было уже практически нечем.

Какого там еще продолжения «банкета», при этом, требовал Манштейн!?

Вот еще подытоживание потерь немцев в бронетехнике. Андрей Кравченко:

«Так генерал Хейнрици, утверждает, что несмотря на небольшие разночтения 4-я ТА Гота в ходе операции “Цитадель” потеряла до 60% танков и штурмовых орудий, из них 15–20% не подлежали восстановлению. Это составит для нее 629 единиц бронетехники, из которых 20% (126) подлежат списанию. АГ “Кемпф” потеряла 336 бронеединиц, из них 67 (20%) безвозвратно, а 9-я армия Моделя 647 и 130 соответственно. Получается общие потери ГА “Юг” составили 193 единицы бронетехники безвозвратно. Всего по данным Хейнрици немецкие войска потеряли в ходе операции “Цитадель” 1612 танков и штурмовых орудий, из них 323 уничтоженными.

...потери войск Манштейна, с учетом отношения выведенного Хейнрици, составят 1580 единиц. То есть в ходе операции “Цитадель” каждый (!) танк и САУ противника был поврежден не менее одного раза» (<http://www.battlefield.ru/kursk-battle-totals/stranitsa-4-poteri-protivnika-v-bronetekhnike.html>). Так что лишь необычайная мобильность в техобеспечении, что для Германии, на которую работали заводы всего мира, дело вполне обыденное, несколько сдерживала катастрофический урон, понесенный врагом в этом сражении. А вот каковы потери на Курской дуге наши. Заметим, вовсе и не малые, как многим бы хотелось. Но что было, то было — ведь Курская дуга, по большому счету, — это битва моторов, а потому мы все же предпочли за победу расплачиваться моторами, которые, при желании, все же можно починить, а не человеческими жизнями пехотинцев, которые «починить» не всегда возможно.

«К 5 июля в составе Центрального и Воронежского фронтов имелось 3 444 танка и САУ, к 13 июля это число снизилось до 1 500, а к 3 августа вновь возросло до 2 750... восстановление боевой мощи советских танковых соединений следует отнести за счет мастерства и энергии солдат и офицеров ремонтно-восстановительных подразделений» [177] (с. 287).

Так что у нас временно вышедшими из строя, по разным причинам, за десять дней германского наступления, числится 1 944 танка и САУ. Но танк является все же больше не оборонительным, а наступательным средством. К наступлению же, всего за две с половиной недели передышки, и это в полевых-то условиях (!), были восстановлены 1 250 танков!

Несомненное превосходство наших «тридцатьчетверок» над германской новейшей техникой, впервые массово использованной на Курской дуге, подтверждают и сами немцы. Некто Отто Кариус, командир одного из самых первых «тигров» в германской армии, сообщает:

«Нашими самыми опасными противниками в России были танки “Т-34” и “Т-34-85”, которые были оснащены длинноствольными 76,2 и 85-мм пушками. Эти танки представляли для нас опасность уже на расстоянии 600 метров с фронта [“Т-34-85” с 1000 м — А.М.], 1500 метров с боков и 1800 метров с тыла» [128] (с. 31).

А вот с какого расстояния представлял опасность для наших тридцатьчетверок вражеский «тигр». Битый враг свидетельствует:

«Если мы попадали в такой танк, то могли уничтожить его с 900 метров...» [128] (с. 31).

То есть дистанция от 600 до 900 м является для наших тридцатьчетверок наиболее невыгодной. Именно по этой причине Ротмистров и навязал врагу ближний бой. Ведь стоило проскочить мертвую зону, 600–900 м, как наши легкие необычайно подвижные

танки своей боевой мощью переставали уступать тяжеловесным конструкциям врага, легко прошибая их тяжеловесную 100-мм лобовую броню.

А так и протекало Прохоровское сражение, где были похоронены самые последние надежды врага на прорыв нашей обороны. И именно ближний бой выявил полное превосходство нашей техники, которая своей маневренностью слишком ощутимо превосходила врага. А потому 400 его танков прекратили свое последнее наступление именно здесь.

Вот почему Манштейн столь удивительно для него скромно сообщает в своих отписочках именно об этом самом неприятном для него моменте из своей худо завершившейся карьеры.

Но если он с титаническим упорством все продолжал требовать от Гитлера «продолжения банкета», то его подопечные в момент своего разгрома пытались это поражение несколько смягчить:

«Армейская группа “Кемпф” не раз запрашивала разрешения вернуться на первоначальные позиции. Это значительно сократило бы линию фронта и позволило использовать сильно укрепленные позиции на Донце. Но на все просьбы поступал отказ... В результате XI корпус был втянут в серию кровопролитных боев за контроль над расширенным Белгородским плацдармом. Они были характерны... постоянным сокращением боевой силы, потерей солдатами моральных и физических сил, отсутствием резервов, огромным превосходством русских в живой силе и технике. Самое же скверное — наши новые позиции не были толком укреплены» [127] (с. 307).

«Вину за провал операции нельзя возложить на фронтовых командиров и солдат... наши солдаты понесли тяжелые потери, но вновь продемонстрировали свой несгибаемый дух» [127] (с. 309).

То есть дух фантазий и приписок, столь свойственный этой странной народности. Дух, на котором всегда и держалась от развала эта нация профессиональных лгунов. Ведь они верили собственным бредовым припискам. За них и умирали.

Общие же потери немцев в этом сражении составили:

«В К[урской] б[итве] было разгромлено 30 отборных дивизий пр-ка, в т.ч. 7 танк., вермахт потерял св. 500 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков, св. 3,7 тыс. самолетов, 3 тыс. ор» [87] (Т. 4, с. 539). Но Манштейн был много иного мнения. Он считал, что русские разгромлены и не скоро очухаются от понесенных ими астрономических потерь: 1 млн. чел. за первые два дня немецкого, между прочим, наступления! Сколько же наших танков он в своей фантазии уничтожил — то пока остается за кадром. Но, думается, уж никак в не меньших пропорциях. А потому порешил, что остающуюся пока целой технику можно перекинуть и еще куда-нибудь — хуже от того не будет.

Что ж, перешедшие Миус наши пехотинцы, завидя перекинутые сюда «тигры», всего лишь:

«...оказались вынужденными отойти назад за реку» [177] (с. 288).

Немцы, что и понятно, уперлись со своими многотонными железяками в водную преграду, чем и закончилась здесь вся эта манштейновская затея. Но «тришкин кафтан», чем ко времени начала операции «Цитадель» давно уже являлся их Восточный и единственный фронт, уже невозможно было продолжать подштопывать, переставляя заплаты с места на место. Потому с этого момента и разразилась та страшная катастрофа, к которой немцы подошли еще в Сталинграде, но не поняли, на свою дурную самовлюбленную голову, что «боржоми», когда почки отвалились, пить уже поздно. Здесь-то, при просто вопиющей переоценке своей полководческой деятельности сказочником Манштейном, и наступил крах всей деятельности рейха:

«Ибо в тот самый момент, когда 3-й танковый корпус подсчитывал доставшиеся ему трофеи, в 800 километрах к северо-западу армии Воронежского и Степного фронтов

выдвигались на исходные рубежи атаки, и через несколько дней под градом последовательных сокрушительных ударов, наносимых то в одном, то в другом секторе фронта, группа армий «Юг» постепенно распадается на части» [177] (с. 288).

А в тот самый момент, напомним, что-либо собой еще представляющие из германских бронетанковых частей, находились слишком далеко, чтобы хоть попытаться чем-либо помочь пусть еще не для предотвращения русского наступления, но хотя бы для его посильной задержки. Но мемуарный гений оказался не прав, списав наши армии в расход. За то и поплатился. И не только он сам, но и клан Ротшильдов-Рокфеллеров, затеявших эту мировую бойню.

«Русские нанесли удар из района северо-западнее Белгорода в стык 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф». Танков в обеих этих группах было мало, и немецкие части сразу же оказались вынужденными оставить свои позиции. Большинство их боевых машин все еще ремонтировалось или приводилось в порядок и было захвачено русскими в полевых ремонтных мастерских. Прорвав немецкую оборону, советские танковые соединения, рассекая немецкие боевые порядки, устремились на юг и запад, и к 8 августа между двумя немецкими группировками образовался разрыв в 55 километров» [177] (с. 288).

А в это самое время:

«Третий танковый корпус все еще путешествовал по железной дороге из Запорожья на Харьков, через Полтаву и Кременчуг.

«Было, однако, очевидным, — писал Манштейн, — что никакие действия этих сил, да и всей группы армий «Юг», не способны обеспечить долгосрочное устранение возникших трудностей. Потери наших дивизий уже достигли опасного уровня, а две дивизии полностью распались в результате длительного перенапряжения сил... Не могло быть и тени сомнений, что противник был сейчас преисполнен решимости разгромить южное крыло немецких войск».

8 августа начальник генерального штаба ОКХ Цейтлер прилетел в штаб-квартиру группы армий «Юг» к Манштейну, который «прямо заявил, что отныне мы не можем ограничиваться решением таких частных проблем, как можно ли использовать такую-то дивизию, следует ли эвакуироваться с Кубанского плацдарма или нет». Остались лишь две возможности, продолжал Манштейн, либо немедленно покинуть весь район Донбасса, либо передать группе армий «Юг» дополнительно десять дивизий с других участков Восточного фронта. (В этом случае группа армий Манштейна имела бы численность, равную общей численности всех остальных немецких войск, сражающихся в России.)» [177] (с. 289).

Но наши войска в это время давили повсеместно. Потому чаяния Манштейна так и остались невостребованными. Просто это в очередной раз говорит в пользу абсурдности им приписываемых себе липовых побед, после которых от германских армий, что уже на самом деле тогда произошло, и оставались лишь атрибуты гитлеровской эдакой инфернализированной цивилизации: «рожки с ножками (с копытцами)».

И зря нынешние изобретатели косоголов на ровном месте все случившееся пытаются перевалить на Адольфа Гитлера. Пусть он и был не всегда и во всем прав, например, когда порешил сломить сопротивление русского человека террором, но уж к провалу «Цитадели» он совершенно не причастен:

«Эта наступательная операция была задумана, подготовлена и проводилась высшими офицерами вермахта. Они выбрали место, оружие и время. Гитлер вмешался в ее проведение только один раз на стратегическом уровне (когда исход битвы был уже преопределен). Он с самого начала испытывал сомнения по поводу проведения этой операции. Два генерала, которым он наиболее доверял: Гудериан и Модель разделяли

его опасения. Однако подавляющее число “профессионалов” — Кейтель, Цейтцлер, Манштейн, Клюге — выступали за ее проведение. Результат? Полное поражение, разгром немецких танковых войск, отступление к Днепру и дальше...

К концу 1943 года моральный дух всего вермахта, от высших офицеров до солдат, необратимо изменился.

...Под треск пулеметных очередей, рассказывающих о последних расправах с гражданским населением, глухой гул взрывов, заложенных подрывниками зарядов, немецкие войска отходили на запад, оставляя за собой дым пожарищ, брошенные машины и танки и наспех засыпанные землей неглубокие могилы» [177] (с. 290–291).

Мало того:

«В возд. сражениях под Курском сов. авиация окончательно завоевала стратег. господство в воздухе, удержав его до конца войны» [87] (Т. 4, с. 539).

А вот как выглядело начало этой грандиозной воздушной дуэли:

«...раздается сильный гул, и из-за горизонта выползает колонна. Красиво идут, как на параде, все серебристые. Смотрим — все ближе, ближе, конца не видно — 200 машин! А впереди летит черный бомбардировщик. Токарев говорит: “Смотри, ночника используют, значит, уже дневных не хватает”. Они все ближе, ближе. Мы видим, что взлетают наши и 88-й полк. Видим, наши набирают высоту. В этот момент залп зениток сбивает флагмана. А следом наши пошли в атаку. Зенитки прекратили огонь. И как начали хлестать. Смотрим, один горит, второй горит, третий горит — валятся. И 41-й полк тут взлетел, смотрим, хлещут их почему зря. Строй рассыпался, и самолеты стали разворачиваться. Какой Курск — дай Бог ноги унести! Наши их вдогонку еще лупят. “Мессеров” было штук 18 — покрутились, ничего сделать не могут, и тоже улепетывать. Хорошее зрелище» [122] (с. 194).

И все потому, что неожиданно нарвались как на заранее именно на этом направлении усиленную противовоздушную оборону, так и на специально для их атак заготовленных эскадрилий наших новейших моделей истребителей. И все потому, что мы к тому времени поняли, что немцы всегда наступают по шаблону. Потому позиции для встречи были подготовлены заранее и очень хорошо.

Так что бомбы немецким бомбардировщикам уже и изначально пришлось скидывать на собственные позиции — в противном случае им от преследования наших истребителей не оторваться. А каковы были общие их потери в первый день, можно судить по тому, что на следующий день их самолетов в небе было уже вдвое меньше.

Так началась эта Великая битва, ставшая для немцев последней попыткой крупномасштабного наступления Второй мировой. Закончилась же она для них не только на земле, но и в воздухе — полным поражением, что и окончательно предрешило исход войны в нашу пользу:

«Когда наши войска пошли в наступление, мы завоевали господство в воздухе и так его и удерживали до конца войны — и в количественном, и в качественном отношении. Здесь они были нам не страшны, мы уже сами искали бой... Начиная с Курско-Белгородской операции нам было не страшно. Мы были уже уверены в победе, настроение у летчиков было очень хорошим. С каждым вылетом — обязательный успех. В воздушных боях мы уже не знали поражений. Да и немцы стали уже не те, что были под Москвой и даже под Сталинградом. При встрече они немедленно уходили, в бой никогда не ввязывались. Только когда появлялись внезапно, могли нас атаковать или где-то кого-то отстающего прихватить; напасть на того, по кому видно, что он — новичок. Прямого воздушного боя больше мы не встречали. После Киева, особенно ближе ко Львову, мы вообще хозяева в воздухе были. Гонялись и искали, кого сбить. И

не просто — лишь бы сбить, а сбить красиво. Признаться, когда в Чехословакии война для нас закончилась, мне было немного жаль. Только, можно сказать, “дело пошло”...

Жалости к немцам мы не испытывали. Враг есть враг, тем более фашист. Мы считали, что все они — звери. Вспоминали, как жестоко их летчики действовали в 1941–1942 годах. И поэтому о какой-либо жалости или снисхождении не могло быть и речи. Была ненависть» [122] (с. 358–359).

И совершенно не обосновательно. Вот чем отмечены первые шаги немцев в первые дни Курской битвы, когда враг продвинулся лишь еще на десяток-другой километров по нашей земле:

«...тяжело раненых и контуженых фашисты при прочесывании территории добивали. Об этом мне не раз приходилось слышать от фронтовиков, тех, кому посчастливилось вырваться из окружения. Члены поисковых отрядов уже в начале 90-х годов не раз находили в траншеях и ямах, обнаруженных в поймах Ворсклы и Ворсклицы, останки бойцов с характерными пулевыми отверстиями в черепах... В таком же положении находились и раненые и в других окруженных полках» [146] (с. 561).

Так что немца было за что ненавидеть. Потому разгром врага стал особенно ярок и ощутим: жалости к нему русский человек не испытывал и бил без всякого сожаления и пощады.

А когда наши союзники увидели, что немецкое наступление захлебнулось в крови и Германия теперь ослаблена как никогда, то поняли, что подошло самое время воткнуть битому нами врагу нож в спину: началось вторжение «союзников» на Сицилию.

Потому смертельно раненый зверь метался и пробовал скалить зубы:

«26 июля 1943 г. на совещании в ставке Гитлер потребовал перебросить несколько дивизий из группы армий “Центр” на итальянский фронт. Однако это требование встретило решительное возражение фельдмаршала Клюге. “Мой фюрер, — заявил он. — Я обращаю внимание на то, что в данный момент я не могу снять с фронта ни одного соединения. Это совершенно исключено в настоящий момент” (Hitlers Lagebesprechungen, S. 374.). Клюге нарисовал мрачную картину состояния немецких соединений на советско-германском фронте» [37] (с. 165).

Так что здесь было далеко не до помощи союзнику — самим бы теперь как-нибудь отбиться. Ведь уже к этому моменту:

«...гитлеровское командование не имело достаточных резервов для сдерживания наступления на огромных пространствах» [37] (с. 165).

И все потому, что невосполнимые потери Курской дуги обезкровили немецкую армию настолько, что удержать огромной протяженности фронт за счет этнически немецких частей теперь никакой возможности не имелось. Потому спасение можно было видеть лишь в скорейшей ретираде с полей русской славы.

«Во всех этих операциях немецко-фашистские войска понесли крупнейшие и невосполнимые потери в людях, вооружении и боевой технике, и, что самое главное, резко снизился боевой дух немецко-фашистских войск» [111] (с. 298).

«Гудериан, увидев, как выпестованные им танковые войска были наголову разбиты за какие-то десять коротких дней, слег больным» [177] (с.284).

Однако:

«Командование вермахта прилагало все усилия, чтобы обеспечить планомерный отвод войск, но это ему не удавалось. 31 июля командующий группой армий “Центр” Клюге писал: “Штаб группы армий ясно представляет себе, что прежние намерения, при отходе нанести противнику как можно больше ударов, теперь невыполнимы, принимая во внимание снизившуюся боеспособность и переутомление войск. Теперь

дело в том, чтобы поскорее оставить орловскую дугу. Темп отхода, однако, нельзя ускорять...» [37] (с. 166).

И лишь по той простой причине, что слишком уж скорый отход превратится в самое настоящее повальное бегство! Ведь некое «переутомление» является самой настоящей паникой уже начинающейся на корабле рейха, чья большая часть команды, к тому времени, прекратила на тот день свое существование, оставив догнывать свои косточки в бурьянах под русским городом-героем Курском.

И вот по какой причине нашим солдатам, форсированным маршем преследующим врага, приходилось трое суток зажимать нос от нестерпимой вони, доносящейся от удивительно быстро разлагающихся на жаре немецких трупов, усеявших дороги своего отступления, поименованного ими *организованным*, а на самом деле являющегося позорным *бегством*.

Дело в том, что завоевав небо над Курском, наша авиация нанесла страшнейший из ударов, когда-либо случавшихся за всю историю войн:

«Бомбардировщики наносили удары по железнодорожным эшелонам, узлам дорог, мостам и переправам на путях отхода гитлеровцев. В течение пяти дней 15-я воздушная армия совершила около 4800 самолетовылетов, а 16-я воздушная армия — свыше 5000 (Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 191.). Дороги, по которым наносили удары советские летчики, были усеяны трупами вражеских солдат и офицеров, а так же разбитыми автомашинами, танками и другой техникой» [37] (с. 166).

Вот что об этом сообщают немцы, лишь чудом унесшие тогда из-под Курска ноги:

«Вражеские самолеты с бреющего полета сбрасывали огромное количество мелких осколочных бомб и обстреливали войска на марше. Понеся тяжелые потери, наши солдаты оказались на грани паники» [127] (с. 344).

И им было от чего паниковать. А потому:

«...ежедневный темп отступления увеличился до 30–50 километров» [127] (с. 357).

То есть немец, очумев от страха, дал из-под Курска и Орла такого удивительного драпака, который уж вряд ли позволял тащить за собой еще и какое-то военное имущество — слишком тщательно наша авиация проутюживала места скопления немецкой техники на разъездах и перекрестках, у мостов и гатей.

И был уже момент, когда автор этих строк, немецкий танкист Эрхард Раус, при своем позорном бегстве чуть уже не был раздавлен нашими танками, которые якобы все нам размолотил великий сказочник — мистер Манштейн:

«Крупный советский прорыв в этом пункте [деревне Карловке] уже казался неминуем, когда внезапно русские танки тоже увязли в грязи, и опасность миновала» [127] (с. 357).

Так что разгром врага был полным и окончательным. О том достаточно красноречиво свидетельствуют участники тех кровопролитнейших боев и в стане победителей. И, очень похоже, что приведенная советской энциклопедией цифра, сообщающая о количестве оставшихся на поле русской славы разлагающихся на жаре полумиллионе трупов немецких солдат, явно занижена. Их, судя по всему, осталось там куда как много и еще более. Вероятнее всего, что здесь учтены лишь потери неудавшегося немецкого наступления. Однако ж отступление по нашей земле было для врага и еще более губительным. Это был страшнейший из разгромов, которому когда-либо подвергалась какая-либо из существующих в мире армий.

И в отличие от немца, который начинал смердеть столь для нас удивляюще быстро, с телами наших героев вот какие происходили чудеса:

«13 августа тело Ермака было прибито к берегу, под Епанчинские юрты. Ловивший в это время рыбу Татарин Яныш, увидя человеческие ноги, накинул на них петлю и

вытащил богатыря, одетого в панцирь. Когда сбежались все Татары и стали снимать с него одежду, то изо рта и носа лихого атамана, по словам летописи, хлынула кровь, как из живого человека. Обнаженное тело Ермака было выставлено на показ всем окрестным жителям, которые стали колоть его своими копьями и пронизывать стрелами из луков. Когда же они убедились, что кровь продолжает течь из него, как из живого, а вьющиеся над ним птицы не решаются начать клевать труп, то поганых объял ужас: они приняли Ермака за бога и похоронили по своему обряду под кудрявой сосной, после чего разделили его панцирь и одежду и устроили богатейшую тризну, заколов 30 быков и десять баранов.

Так погиб Ермак» [55] (с. 257–258).

А Ермак был, между прочим, совсем в недавнем своем прошлом, душегубцем ушкуйничком! Но вот к каким удивительнейшим результатам приводит отданная жизнь за подножие Престола Господня, чем всегда являлась и является Русская Земля, именуемая нами — Отечество.

Кстати, и в далеком прошлом, когда Россия (Азия) отделялась от Европы в среднем течении Евфрата, именно скорость разложения трупов отличала языческие войска римлян от противостоящей им иной метакультуры, именуемой в ту пору то Персией, то Мидией, то Парфией, то снова Персией. Вот что сообщает о разности разложения тел участник войны против войск Азии греко-римлянин Аммиан Марцеллин (IV в.):

«...трупы наших убитых сейчас же разлагаются и принимают такой вид, что **через четыре дня** нельзя уже вовсе узнать лица умершего» [213] (гл. 9, аб. 9).

Вот, кстати, что сообщает о греческих трупах его современник грек Ксенофонт:

«...пошел уже **пятый день** со времени их смерти и **их нельзя было поднять**» [214] (гл. 4, аб. 9).

Почему же?

Так все потому, что их уже дожирали к этому времени черви. А потому не только до них дотрагиваться, но и подходить к ним на близкое расстояние было уже достаточно не легко.

И все это говорится о языческих воинах:

«...приступающих ко всякому делу с согласия богов» [214] (гл. 3, аб. 18).

А вот что греками же говорится об их в этих войнах противниках:

«...тела же убитых персов высыхают как колоды: члены не загнивают и не разлагаются...» [213] (гл. 9, аб. 9).

Вот как обстояло дело с телами почивших бойцов Асийской (Российской) армии древности. Немцы же, как и римляне раннего средневековья, о такой сохранности своих тел и мечтать не смели. Потому столь быстрое гниение их тел так сильно и запомнилось маршировавшим по тем дорогам нашим солдатам.

Однако ж не только летом, но и зимой немецкий труп так страшно смердел, что наши солдаты всегда старались:

«...оттащить их в сторону, а при случае и закопать... знали: чуть потеплеет, и трупы станут разлагаться, тогда не устоишь от смрада на посту» [116] (с. 74).

И все это зимой!

Каково же было ощущение от вони, вызванной гниением миллионов немецких трупов — *летом*?!

И начало этому просто катастрофическому разгрому врага было положено на Прохоровском поле. Вот по какой причине это поле русской славы так и продолжает торчать костью в глотке фальсификаторов, все не прекращающих попыток обогать наших танкистов, проявивших массовый героизм, танковым строем 5-й гвардейской армии навязавших врагу встречный бой, в котором и захлебнулись остатки и до этого основательно подорванного порыва немецкого наступления.

А вот и еще вражьи свидетельства. И все о том же — о жесточайшем поражении германских войск на Курской дуге. И именно на южном ее фесе. Эрхард Раус:

«Наши 11 танковых дивизий, доукомплектованные во время паузы... Гитлер бросил... в операцию “Цитадель”» [127] (с. 487).

Но эти необычайно разбухшие от новейшей танковой техники врага соединения:

«...просто истекли кровью, натолкнувшись на оборонительные рубежи невиданной доселе мощи...» [127] (с. 487).

«Последовавшее советское контрнаступление, в котором участвовали нетронутые резервы, развалило наши линии. Противник прорвал фронт не только в секторе группы армий “Юг”...» [127] (с. 487).

То есть в секторе победителя всех и вся Манштейна, чье воинство, как явствует из данного повествования еще к тому времени не ознакомленного со стряпней своего шефа подобного же сказочника, находилось тогда не в лучшей своей форме. Мало того:

«Понесенные нами огромные потери не позволяли стабилизировать фронт...» [127] (с. 487–488).

«Силы сократились настолько, что мы не смогли остановить последовавшее контрнаступление русских» [127] (с. 486).

Что тут скажешь?

Немцам, перед самым еще началом работ по фальсификации 2-й мировой войны, следовало бы сначала сверить выдумываемые ими бредни между собой. В противном случае читать их требуется лишь всех по отдельности. Ведь при сличении описываемых ими эпизодов они обличают во лжи друг друга.

Вообще все их «мемуары» всегда построены по системе вестернов. Сначала все показывается не только правдиво, но просто до удивительности правдиво, где замечается каждый мизерный изъян описываемых героев повествования и чуть ли ни каждый прыщик, вскочивший не на совсем приличном месте. Но затем герои пускаются в приключения. Которые становятся сначала не совсем обычными, что пока еще не так и существенно, по крайней мере грань действительного и возможного пока остается все же не пройдена. Но затем начинается, что в мозгах военных мемуаристов, что сценаристов вестернов, явное умопомешательство: на каждый выстрел приходится по десятку трупов.

Нам, понятно, такая галиматья сразу наскучивает и мы, если не находимся в кинотеатре, сразу переключаем телевизор на другую программу, или откладываем эту слишком нелепую попавшую к нам в руки книжицу в сторонку и больше не притрагиваемся к ней.

Но для человека Запада — такое в самый раз: они заморожено внимают этой заведомой лжи в никчемной глупой книжонке или с совершенно серьезным видом выходят из кинотеатра, вспоминая затем этот центрального героя столь ловкий выстрел, когда пуля, прострелив сразу троих, ударила в стенку и, отрекошетив, завалила еще четверых.

И все потому, что правда им просто не интересна. А в особенности о том сражении, где поползновениям их арийской расы на свою некую избранность в качестве господ был поставлен конец.

А победа была одержана нами и действительно грандиознейшая. И это несмотря на то, что:

«Со стороны вермахта в ней участвовало более 100 дивизий, что составляло свыше 43 процентов дивизий, находившихся на советско-германском фронте...»

...Из 20 танковых и моторизованных дивизий, принимавших участие в битве под Курском, 7 оказались разгромленными, а остальные понесли значительные потери. Полностью возместить этот урон Германия уже не могла. Генеральному инспектору

бронетанковых войск Германии генерал-полковнику Гудериану пришлось признать: “В результате провала операции «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на восточном фронте, а также для организации обороны на Западе, на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос... и уже больше на восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику...” (H.Guderian. Erinnerungen eines Soldaten, S. 144.)» [37] (с. 179).

Хеннеке Кардель подытоживает масштаб случившегося поражения, которому на полях Курска подверглись его соотечественники:

«Немецкое наступление не удалось, потому что немецкое командование... не рассчитало силу сопротивления Красной Армии. Немецкие “тигры” и “пантеры” горели, и после недели ожесточенных боев битва была проиграна» [44] (с. 183).

Вот и этот немец, совершенно к нам и малейшей симпатии не имеющий, ни про какие своих соотечественников выдающиеся победы что-то не спешит сообщить. Но, наоборот, соболезнует, что, вопреки прогнозам, эти их новейшие конструкции танков — прекрасно горели. Потому-то и запланированное наступление не удалось.

Но и не просто не удалось наступление у немцев. Ведь исключительно по той самой причине, что танки их сгорели, вот какую поразительную динамику темпа, до этого еще небывалую, имело наступление, подводящее окончательную черту под итогами Курской битвы:

«Наши войска сходу форсировали Десну, 21 сентября овладели Черниговом. А 13-я армия уже подошла к Днепру и 22 сентября начала его форсировать на участке Мнево, Чернобыль, Сташев севернее Киева» [71] (с. 235).

И вновь немцы никак не ожидали от нас даже и попытки преодоления столь тщательно ими укрепленной водной преграды. Ведь командующий 4-й танковой армией генерал Грезер на совещании заявил:

«Для того чтобы русским подтянуть переправочные средства и **привести свои войска в порядок**... потребуется минимум месяц» [101] (с. 157).

То есть и этот, словно Манштейн под Курском, сообщает, что мы-де в каком-то таком еще не совсем *порядке*. Ну конечно же, если уверовать в истребление в самые еще первых два дня чуть ли ни сотни наших дивизий, то такое предположить было бы вполне резонно.

Потому и форсирования нами Днепра следует записать в заслугу все того же нами столь пристально рассматриваемого враля. Потому, в плане рассмотрения его карьеры, следует все же понять, что главной ошибкой Адольфа Гитлера являлось то, что он не выгнал этого генерал-враля еще задолго до его жесточайшего поражения под Прохоровкой — уже после бегства из-под Новгорода, когда от полного разгрома Манштейна спасла лишь 16-я армия. В противном же случае его 56-й мехкорпус был бы уничтожен вместе с самим генерал-вралем.

Однако ж нам, за слишком дремучую неосведомленность Грезера, что и привело к стремительному форсированию Днепра, остается Манштейна лишь похвалить: ложная информация, а в особенности в стане врага, всегда полезна — не требует даже засылки в штаб неприятеля шпиона.

И вот во что вылилась ложь Манштейна, явившаяся причиной явной недооценки наших возможностей противником:

«Скорость, с которой русские переправляли через Днепр свои собственные силы, удивила нас. Лишь пустив в ход все силы и средства, которыми располагала группа армий “Юг”, используя все 7 мостов, сохранившихся на участке реки протяженностью

50 километров, мы сумели соорудить плавучий мост и наладить паромную переправу (обе в секторе XI корпуса), так как нам отчаянно не хватало материалов. С другой стороны, часто выходило так, что не успевали наши войска занять оборонительные позиции на западном берегу, как русские, гнавшиеся за нами по пятам, сбрасывали парашютные десанты и создавали мелкие плацдармы в других местах. После этого на участке около 320 километров они приступили к строительству 57 мостов, 9 пешеходных мостков и других переправ. Таким образом, если у группы армий «Юг» одна переправа приходилась на 55 километров, то у русских — одна на 6 километров» [127] (с. 366).

То есть в вопросах наведения лавы (шляха), русский человек, на поверку, оказался и на этот раз непревзойден. Но и устройство мостов через каждые 6 км могучего Днепра не являлось верхом нашей врожденной способности в данном вопросе:

«В Киеве, в начале октября, русские построили понтонный железнодорожный мост через Днепр, который имел грузоподъемность более 100 тонн. Это позволило русским наладить железнодорожное движение уже через 4 дня после захвата города!» [127] (с. 367).

Так что, наступая на пятки немцам, в страхе спасающимся бегством, мы, вопреки всем вражьи прогнозам, тут же оказались теперь еще и на вражеском берегу Днепра. Тем подтвердив, что германская стратегия в России терпит полный крах и бумажные победы в отчетах отнюдь не способствуют снижению наступательной способности русских армий.

И такой удивительнейший марш-бросок мы должны были совершить без танков, которые своими мемуарами отнял у нас некий двухголовый 4-х и 6-кратный чернильный дракон: Манштейн-Раш!

Но «победили» они, как выясняется, лишь мемуарами. Потому наши танки и давили вражеские подразделения, не поспевающие за темпом стремительного наступления, не давая им опомниться и хоть попытаться закрепиться на рубежах, заранее предназначенных к защите.

Так что спасибо Манштейну. Ведь это именно он, приведя фальсифицированные данные о положении на тот момент армии «Юг», убедил Гитлера, что паниковать рано. И вместо срочного отвода разгромленных нами войск и организации отпора нашим войскам на заранее подготовленных рубежах была предпринята очередная бредовая попытка, навеянная Гитлеру измышлениями о своих чернильных победах этого бумажного мемуариста. Потому вместо очередного достаточно крупномасштабного разгрома вся эта эпопея с наступлением обернулась для Германии не просто поражением, но таким страшным поражением, которое теперь следует сопоставить лишь с самым великим выигранным русским оружием сражением — Куликовской битвой, когда монгольская Орда в один день лишилась 600 тыс. своих вооруженных до зубов воинов. Это колоссальное поражение и явилось началом конца крупнейшей в те времена агрессивной мировой державы.

Началом полного и окончательного поражения явилась и Курская битва, грандиознейшее сражение 2-й мировой войны.

Но почему Гитлер так долго держал этого лжеца, столь помогшего нам при разгроме немцев под Курском, на высших должностях германского командования?

Ложь являлась основным мерилом политики самого Гитлера. Вот, например, каким образом был немцами осуществлен захват Чехословакии:

«Австрийские события не на шутку встревожили чехословацкого посла в Берлине. Но, встретившись с ним на приеме, Геринг с обворожительной улыбкой заявил, что Чехословакии беспокоиться нечего, никаких враждебных намерений Германия к ней не

питает и “ни один германский солдат даже не приблизится к чешской границе”. Для пущей убедительности Геринг добавил:

— Даю вам мое честное слово!

Но именно в эти дни главнокомандующий военно-воздушными силами Германии уже готовил удар по Чехословакии» [136] (с. 232).

Таково «честное слово» всех этих культуртрегеров.

И так же как и своим врагам, на протяжении всей войны, ввали они затем, не моргнув и глазом, и другу дружке: именно эти их великой такой важности «данные» увеличили сумму ими якобы в труху изничтоженных русских солдат до 50 миллионов! И даже более...

А вот как отзывался об этих лгунах в пагонах сам Гитлер. В своем дневнике Геббельс 9 мая 1943 года записал:

«Его просто тошнит от генералов... Он говорит, что все генералы лгут» [207] (С. 40).

Но что-либо менять Гитлеру было давно поздно: он не мог их заставить говорить правду. Ведь в таком случае пришлось бы разрешить им объявить, что война, которую все так и продолжает тужиться вести агрессор, давно проиграна — еще под Москвой. Ведь именно этот злой город заставил к лету поставить под ружье уже 17-летних. Следующее лето потребовало в жертву уже 16-летними юнцами. Последующие же жестокие поражения принудили поставить под ружье даже 12-летних...

И это все притом, что русскую армию германский генштаб к тому времени в расход списал, на бумаге, уже несколько раз кряду. Но ложью победы не одержишь. Потому жесточайшее поражение нация Мюнхгаузенев потерпела и на этот раз.

Но вот даже Небо, как теперь выясняется, совершенно однозначно подтверждает об одержанной нами победе в блестяще выигранном нами величайшем за всю историю войн сражении:

«...историки времен Наполеона говорят о паническом страхе, который испытал император, прогуливаясь, как было всегда перед решающими битвами, накануне трагического сражения при Ватерлоо. Он якобы вернулся в свою палатку, вернее, стремительно вбежал, повторяя безсвязные, на взгляд современников, слова: “Москва... Это опять как тогда... Лучи... Небесный свет...”

Об этом же небесном свете не однажды рассказывали участники Сталинградской и Курской битв...» [114] (с. 66).

А особо избранные из них удостоились и большего:

«Многие воины, которые не отвернулись Христа, удостоились видения Пресвятой Богородицы, покрывающей Своим омофором русские полки на поле Курской битвы...» [115] (с. 290).

Вот что свидетельствуют очевидцы явления Богородицы во время Сталинградской битвы:

«Как увидел Божию Матерь, душа была в возвышенном состоянии. Мне сразу стало ясно, что не погибну и живым вернусь домой. Уверенность в победе больше не покидала. Видение Божией Матери в осеннем небе Сталинграда как щит пронес сквозь всю свою жизнь на фронте» [205] (с. 268–269).

Вот еще рассказ. На этот раз солдата Величко — фронтового разведчика. Все началось с появления:

«во время боя светлой полосы. Обе стороны прекратили обстрел. Тогда прекращение огня было чем-то невероятным. Полоса света становилась все ярче и ярче и стала совсем яркой. Немцы решили, что русские что-то придумали, а наши думали на немцев и решили послать разведку, узнать, что это... Преодолев некоторое расстояние разведчики увидели, что свет этот исходит от Женщины в белом. Они поползли к Ней,

чтобы спросить, почему Она стоит и чего Она хочет. Но тут невидимая стена преградила им дорогу. Стена была сплошная. Тогда Величко мысленно стал обращаться к Женщине. Она не отвечала. Бойцы вернулись на свою позицию. Продолжалось явление Богородицы полчаса-час. Потом Ее не стало. Вновь открыли огонь, бой продолжался» [205] (с. 270).

А вот свидетельства о явлении Богородицы, как немцы именовали Ее — Русской Мадонны, на Курской дуге.

«Этот рассказ в числе других в 70-х годах и позднее распространялся “самиздатно” в рукописной книге “Непридуманные рассказы”. Авторы их неизвестны, ибо тогда это преследовалось... Известны лишь два-три имени собирателей и переписчиков. Один из них, Николай, писал под псевдонимом “Г.Б.Р.” — грешный Божий раб. Другой имеет псевдоним “Шостэ”. Никола благословил Владимира Губанова, составителя серии книг “Православные чудеса в XX веке”, распространять печатно собранные, им не придуманные рассказы, в том числе и этот:

“...— Мой дядя видел во время войны мать Божию. Это было на Курской дуге. Она явилась на небе, сияющая, сделала рукой движение в сторону немцев, как бы указывая направление наступления. И с этого дня война пошла в обратную сторону.

— Дядя твой был верующим?

— Нет.

— Он один видел Ее?

— Нет, вся рота видела. И все упали на колени. Все уверовали. И дядя стал верующим”(Православные чудеса в XX веке; свидетельства очевидцев. Выпуск 1. М., 2000. С. 59–60)» [205] (с. 322).

Вот еще рассказ о явлении Богородицы, в 1955 г. записанный Р.Ф. Васильевым со слов ветерана — рядового 2-го Украинского фронта Польшина Петра Степановича:

«Казалось, место, где мы вторую неделю вели с фашистами бой, было каким-то особенным, что кто-то незримый помогает нам. С каждой новой атакой враг шел на нас с превосходящей силой, и каждый раз мы отбрасывали его назад. А главное, было удивительно то, что несли мы незначительные потери в живой силе и многие мои фронтовые товарищи выходили из боя невредимыми, не считая, конечно, легких ранений...

Но в тот памятный день, когда это случилось, бой был таким жестоким, что ничейная полоса, после того как затихло сражение, была вся покрыта телами убитых — не только врагов, но и наших бойцов.

День догорал. Солнце уже почти коснулось горизонта.

...тишину нарушил бравурный немецкий марш. Мы тогда уже знали многие привычки врага и поняли, что у немцев начался ужин.

Вдруг марш стих, словно его кто-то специально заглушил, и тогда мы ясно услышали, что где-то неподалеку плачет женщина. Божков быстро надел на голову каску и взобрался на бруствер и стал внимательно смотреть туда, откуда доносился плач, а мы молча ждали, что он скажет.

— Там туман клубится, наконец сказал Божков. — А в тумане по ничейной полосе в нашу сторону идет женщина... Она... Она наклоняется над убитыми... Она... Господи! Она похожа на Богородицу!..

Мы последовали совету Божкова и убедились, что он сказал правду. По ничейной полосе в клубах тумана шла Женщина в темной и длинной до земли одежде, с низко опущенным на лицо покрывалом. Она наклонялась над убитыми и громко плакала. Тут кто-то из бойцов сказал:

— А немцы-то тоже на видение смотрят. Вон их каски над окопами торчат.

— Пусть смотрят. Лишь бы не стреляли, — сказал сержант Зимин, а я обернулся и посмотрел на Ивана. Земляк мой молился, а по щекам его катились крупные слезы. Тут Казанец вдруг схватил меня за рукав гимнастерки и тихо спросил:

— Польшов, ты тоже думаешь, что это Богородица?

— А ты что, никогда в жизни иконы не видел? — спросил за меня Зимин.

— Почему не видел? Видел. Но тут что-то не так. Смотри, какая Она высокая, раза в два выше человеческого роста будет...

— Значит, так надо! — перебил Казанца Зимин.

— А ты смотри и молчи!

— Господи! Как же Она плачет! Прямо в душе все переворачивается! — сказал кто-то за моей спиной...

Пока мы смотрели на видение, странный туман уже покрыл большую часть ничейной полосы, а мне вдруг подумалось: «Надо же! Будто саваном погибших укрывает». Пройдя немного дальше того места, где мы находились, Женщина, так похожая на Богородицу, вдруг перестала плакать и, повернувшись в сторону наших окопов, поклонилась. Распрямившись, Она снова продолжала Свой скорбный путь, сопровождая его плачем. А мы все слышали, как Божков сказал:

— Богородица в нашу сторону поклонилась — победа будет за нами...» [209] (с.186–188).

Так впоследствии и произошло — враг был обезкровлен и наголову разбит. И опомнился от поражения на этом поле русской славы лишь когда очутился уже за Днепром.

Вот еще рассказ участника тех событий:

«Не помню, сколько нам атак пришлось отбить. От всей роты нас осталось только трое на высотке в районе Прохоровки. Немцы почувствовали, что у нас уже не осталось бойцов, и с новой силой в атаку двинулись. Мы их подпустили поближе и дали им из пулемета. Подзалегли они и давай по нам из пушек долбить. Мама родная, всю землю рядом перепахали снарядами, а мы, слава Богу, живы. Я во время боя оглядываюсь назад, вижу — стоит Женщина с поднятыми руками. “Вот тебе на, — думаю, — что за наваждение, откуда здесь Женщина, уж не мерещится ли это мне?” Опять оглянулся — стоит. Да не просто стоит, а как бы Своими ладонями, повернутыми к врагу, стену невидимую воздвигла. Вроде как бы немцы на эту стену натываются и назад откатываются.

Батарея, которая от нас справа стояла, умолкла. Видно, побили весь артиллерийский расчет. Тут “тигры” пошли, справа и слева высоту обходят. С левой стороны наши “Т-34” выскочили. Что тут началось, такого я еще н фронте не видывал...

Я говорю: “Товарищ лейтенант, давайте сделаем рывок к батарее, может, там пушка какая целая осталась?” Он говорит: “Ты что придумал? Нам приказ здесь насмерть стоять, еще подумают, что мы отступаем...” Оглянулся я, а Женщина, Которая стояла за нами, вправо от нас переместилась, ближе к батарее. Тут лейтенант говорит: “Пошли, ребята, будь что будет”.

Прибегаем туда, а там уже немцы хозяйничают. Мы с ходу на них. Момент внезапности сыграл свою роль. Разворачиваем мы одну уцелевшую пушку — и с боку по “тиграм”. Три “тигра” нам удалось подбить сразу, а четвертый по нам ударил. Меня контузило и легко ранило в левую руку. Смотрю, у первого номера осколком голову срезало... Лейтенанту Сергею Викторовичу Скорнееву осколком ногу перебило... Взял противотанковую гранату и жду. Оглянулся, стоит Та Женщина над нами, мне легче на душе стало. Откуда-то появилась уверенность, что это не конец. Привстал я, метнул гранату в “тигра”, под гусеницу угодил. Тут и наши “тридцатьчетверки” подоспели...

Зашел в ваш храм, гляжу на икону, а на ней — Та Самая Женщина, Которая нас под Прохоровкой спасла. Оказывается — это Мать Божия. Я, между прочим, тогда еще об этом подумал (Васильев Р.Ф. Видение)» [208] (с. 102–109).

И таких рассказов очевидцев, за пересказ которых в лютые коммунистические времена ждал ГУЛАГ, в последнее время появляется все больше. Люди уже перестали бояться и могут рассказать то, о чем более полувека им приходилось молчать. И мы, наконец, получили возможность изучать свою собственную историю не по измышлениям красно-желто-коричневой пропаганды, но по рассказам очевидцев и участников тех грозных событий, когда русское оружие было освящено свыше для разгрома собранной масонами со всего света вражеской коалиции, отправленной «Мемфис Мицраим» с Ротшильдами-Рокфеллерами в крестовый поход на Россию. Но страна наша, даже оказавшись под игом марксистов сатанистов подготавливающими глобализацию под знаменами интернационализма для прихода антихриста, все так и продолжала оставаться для врагов наших непреодолимым препятствием. Она, пусть в тот момент и не зримо, так все и оставалась подножием Престола Господня, о небесную защиту которого и разбились собранные масонами по Европе орды.

Все вышеизложенное подтверждают и пересказы очевидцев — участников тех выдающихся сражений. Вот с кем в самые тяжелые моменты русской истории был Русский Бог! И само Небо тому свидетель!

Оглавление

Холокост.....	123
Лето 42-го.....	137
Сталинград.....	175
Погребение 6-й армии.....	184
Курская битва.....	2
Значение Прохоровского танкового сражения.....	31
Библиография.....	199